И Я ТАМ БЫЛ...

Сборник фантастических повестей и рассказов

ПРЕДИСЛОВИЕ

***

Наш дорогой читатель! Когда
Ты книгу эту открывал,
Ты, надо полагать, совсем не знал,
О чем она и как сюжет в ней потечет,
Какой невиданный полет
Перо писавших вдохновлял…

Так знай же, друг,
Что каждый книги сей создатель -
Миров творец, большой мечтатель -
Отнюдь не жизнь обыденную описал.
Быть может, лица и знакомы вам, однако
Не всем они известны.
Хотя должны признаться честно:
Нам будни серые двояко
Сюжета подсказали суть,
В которой скрытый смысл таится.
А впрочем, не зову на ложный путь -
В незнанье истина хранится.

И в иллюзорном, странном мире
Реальность будет волшебством.
Дорога жизни станет шире,
Украшенная мастерством.

И коли розовые стекла на переносице не жмут -
Прими, прочти наш скромный труд!

Любой человек - в той или иной степени фантазер, даже если отчаянно в этом не признается. Все мы фантазируем, и только некоторые из нас могут совладать с буйным полетом воображения, ухватить его за скользкий хвост и, закусив губу от напряжения, облечь его в стройную, последовательную повесть-эссенцию - саму суть мысли талантливого автора. Это мы и попытались сделать, работая над нашим сборником.

Данная книга - детище наших фантазий. Здесь находятся семь разных миров, семь воображаемых вселенных, созданных нами. В каких-то вы сможете найти знакомых в образах самих авторов, таинственно прячущихся за масками героев, в других же - заблудитесь, погрузившись в чертоги чьей-то витиеватой параллели. Найдется место и для остроумных диалогов, гротескных персонажей, а порой и для захватывающих порывов нежного чувства. Иногда вам даже придется задержать дыхание: настолько будет страшно потревожить висящее на волоске счастье главных героев… Но мы не будем забегать вперед. Переверните страницу и сами все узнаете.

Счастливого пути!

ГЕРОИ ИЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мария Жарахович

Репетиция

Отчётливый запах Рождества пронизывал каждую комнату и тонкими лентами просачивался в носы жильцов, согревая сердце детскими воспоминаниями об этом дне. Горячий аромат корицы и апельсиновых корок дошёл и до меня, заставив сонные веки разлепиться, а зрачки забегать по комнате в поисках источника запаха.

Приподнявшись в согретой кровати и убрав со лба выбившиеся из косы рыжеватые вихры волос, я потянулась. Каждый позвонок с хрустом вставал на положенное место, и наконец-то мне удалось почувствовать себя живой.

За дверью зазвучали знакомые голоса. Спустя пару секунд послышался лёгкий скрип лестницы, явно мужские тяжёлые шаги, а затем и едва уловимое дыхание папы над моим ухом. Я знала, что будет дальше.

Свернувшись в клубок, я попыталась скрыться под одеялом, но это нисколько не помогло: папа слишком хорошо знал, как я не люблю щекотку. Спальня наполнилась счастливым смехом. Ко всем ароматам прибавился почти незаметный дух только что заваренного какао.

- Давай, вставай скорее. Ты сама просила пораньше тебя разбудить, помнишь?

Я кивнула и улыбнулась.

- Сейчас иду.

Сегодня и вправду был важный день. Впервые за последний месяц я увижусь с Никитой. Впрочем, встреча будет деловой, так что надеться мне особо не на что... С грустью выдохнув лёгкую, как запах корицы и апельсинов, надежду, я поплелась в ванную, а затем спустилась вниз к завтраку. На столе слегка дымились горячие блинчики с малиновым вареньем и сливочным кремом: мама осваивала технологию приготовления традиционных завтраков. Пусть я и обожала блинчики, сегодня у меня не было для них настроения. Пожелав семье приятного аппетита, я вытащила из морозилки полупустую килограммовую пачку мороженого и даже успела наполнить чашку горячим шоколадом, пока никто не видел (папа считает, что мне сахар вреден: я и так слишком беспокойная).

Мы с Никитой должны были встретиться в школе для репетиции нашего театрального выступления. Сейчас было около девяти часов утра,

так что мне нужно очень поторопиться, чтобы успеть в школу к десяти.

Я натягивала штаны, параллельно глотая обжигающий какао и подковыривая ложкой мороженое. Телефон звонил в третий раз - Никита, кажется, все-таки решил за мной заехать. Я выглянула в окно: у нашего дома сиял на солнце серебристый Land Rover Никитиной мамы.

Страшно боясь заставить его ждать, я хватала одну за другой вещи из шкафа и выкидывала их на пол, пока не нашла нужный свитер - лиловый кашемировый, в цвет чехла на телефоне и идеально подчёркивающий карие глаза.

Наконец, одевшись, я выбежала на улицу и сразу же стала извиняться, произнося каждое оправдание все более и более неразборчиво. Ник широко улыбался, по-барски сложив руки, и заверил меня, что «другого и не ожидал». Мы поехали.

Он обычно сидит на переднем сидении, но в этот раз, видимо, из вежливости, сел со мной сзади. По радио очень кстати играла песня “Closer” группы “The Chains mockers”. Ник хихикнул и повернулся ко мне, подпевая.

-Pull me closer in the backseat of your Rover…

И как он не стесняется так шутить при своей маме?

Мы ехали очень недолго, хотя, даже если и долго, я бы этого не заметила: все время смотрела на Журавлёва. Повернув за уже 5 лет как знакомый мне угол, мы оказались прямо перед зелёными воротами нашей школы, из которых я ещё пару недель назад выходила расстроенная окончанием второй четверти.

В репетиционном зале уже стоял с недовольной миной наш преподаватель театра - самый настоящий король драмы, должна вам сказать. Нарочно взъерошенные волосы Александра Антоновича так сильно белели в свете прожектора, что казалось: они вот-вот облетят, словно пушинки с одуванчика. Капризно надутые розовые губы нарочито контрастировали с остальной кожей лица, которая была свет-

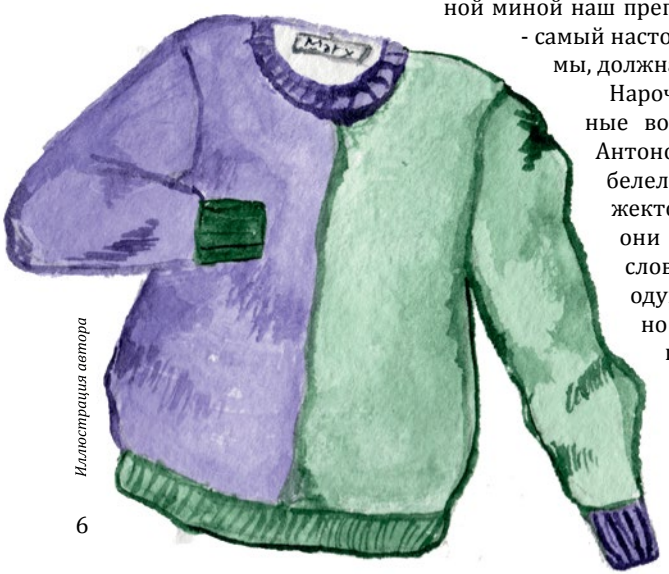

Иллюстрация автора

лее начищенной фарфоровой ванны. Одет он был крайне модно: с плеча изящно свисал клетчатый шарф, на белой рубашке не было ни единой складки, крошечные стопы украшали кожаные лоферы цвета бордо. Словом, наш Саныч был если не денди, то, как минимум, Аполлоном.

- Почему опаздываете? - скрипучий голос драматурга чуть ли не лопался от возмущения. - Думаете, мне очень хочется тут возиться с вами?

- А нам-то с вами как хочется, - хихикнул Никита мне в самое ухо. Только чтобы услышала я. Только для меня?..

- Мы в пробку на Садовом попали. Простите за опоздание, - это уже я, громко и отчётливо, всем. Я как всегда извинялась за всех сразу.

Саныч хмыкнул, но ответом, вроде бы, удовлетворился. Началась репетиция.

Ах да, я, наверное, так и не сказала, какая постановка у нас готовится. Дело в том, что в прошлом учебном году мы с Ником уже играли в спектакле и, судя по всему, играли достаточно хорошо, так что в году нынешнем нас рекомендовали к участию в конкурсе актёрского мастерства среди юниоров. Я думаю, вы уже догадываетесь, насколько провальной получится альтернативная пьеса «Ромео и Джульетта», но мы не теряем надежд и репетируем по субботам и воскресеньям с 10 до 13. За активное участие в жизни школы нас периодически освобождают от домашних заданий, так что мы стойко выдерживаем каждые три часа репетиций.

Наш белый от злости и освещения театрал уже в сотый раз раздувался, как рыба-шар, пытаясь нам объяснить, что мы играем «без страсти и глубины». Формулировка смешила нас даже больше его пунцовых губ, которые ударялись друг о друга от каждого прилива возмущения. Саныч так пыжился, что мне стало его жаль, и я решила оправдаться каким-нибудь избитым клише:

- Для того, чтобы сыграть со страстью и глубиной, нужно это пережить! Пережить самим. Не передумать, а именно пережить все это: и глубину, и…. – тут я запнулась. Стоп! Явно продолжение будет лишним.

Глаза учителя устремились прямо на меня.

- Ну, так переживите!

Журавлёв усмехнулся. Драматург это заметил и сложил руки на груди.

- А ты чего смеёшься, Ромео из погорелого театра? Мы сцену на балконе уже в сотый раз репетируем. Когда не получается сыграть, надо прочувствовать. Вот тебе Лиза нравится?

Никита мгновенно покраснел и поёжился.

- Симпатия - вопрос философский, - попытался отмазаться он.

- Ты, Журавлёв, гуманитарием не прикидывайся. Я вас допрашивать не собираюсь, мне просто нужно, чтобы вы представили на месте друг

друга тех, кто вам, правда, интересен; либо вообразите, что вы интересны друг другу.

Никита не удержался от своей типичной шутки по поводу того, что мне ничего воображать не придётся. «Неужели догадался?» - мелькнуло у меня в голове, но я быстро собралась и с серьёзным выражением лица попросила его «говорить за себя».

Саныч, видимо, полагал, что данный совет моментально сделает из нас оскароносных актёров и заставит прочувствовать драматизм «великой истории любви». Этого не случилось. Мы провозились ещё около получаса, пока Никита наконец не захныкал от усталости.

- Это нереально сыграть, - сентенция прозвучала уныло и безнадежно.

- Все играли, и ты сможешь, - парировал Саныч.

- У нас менталитет другой! – попытался спрятаться за умным словом Ник. Он часто так делает: скажет умное слово, преподаватель подхватит и начнёт объяснять и рассуждать, - вот тебе и пауза, и передышка. - Мы этой великой любви не понимаем. Ну, вот зачем им нужно было самоубиваться? - (Такой дурацкий глагол Журавлев использовал не случайно. Он прекрасно понимал, что этого слова в русском языке нет. Но мы, дескать, дети: и слов-то таких не знаем, и чувств-то таких не понимаем. Должно было сработать.) - Сейчас бы просто расстались, да и все.

- Великая любовь - всегда великая, - учитель хмыкнул. - А раз вы её не понимаете, значит, у вас такой не было…

Что-то слишком коротко. Видимо, тонкий ход Ника в этот раз не помог. Хотя Саныч, вероятно, говорил что-то ещё, но я уже не слышала. Усталость растекалась по всему телу, веки тяжелели, и каждый взмах ресниц давался с трудом. Как же хочется спать…

Я ощутила лёгкое содрогание пола от чего-то тяжёлого, упавшего на него, глухую боль в затылке, а затем ещё один подобный удар, только чуть громче. Приложив все усилия, приоткрываю веки - Ник лежит рядом. Потом ничего.

Книжная пленница

Ярчайший свет препротивно бьёт прямо в глаза. Я оглядываюсь и понимаю, что я не в школе. Даже не дома. И одета не в своё... Распущенные волосы, обычно собранные в тугую косу, раскинулись на подушке, многослойное кружевное платье свесилось с края постели, шурша при каждом движении. Комната обставлена в очень странном стиле, мебели мало: резной деревянный стул, такой же стол, кровать с огромным изголовьем и все - один сплошной антиквариат, будто в музей попала. Напротив висела картина, которую я, вроде бы, уже видела... Только сейчас

она намного ярче, краска не растрескалась, и с полотна на меня своими ясными глазами смотрела Мадонна.

Окидываю взглядом окно, которые выглядит совсем как средневековое, погасшую свечу у кровати и вдруг замечаю лежащую рядом со мной тоненькую книгу. «Ромео и Джульетта» - гласит надпись на корешке. Открываю находку, на первой странице красными чернилами изящным почерком написано: «Книга-твой компас. Ослушаешься строк и никогда не вернёшься, либо же последуешь сюжету и разыщешь тропу обратно».

Это помогло мне окончательно понять, где я. Ясно где – во сне! Но если это сон, то надо срочно просыпаться! А если не сон? Быть такого не может! Или может! Но если реальность, то я сошла с ума. Но это вряд ли, так что, наверное, я сплю. Зажмуриваюсь, почему-то полагая, что сразу же очнусь. Не сработало. Пробую ещё раз. И никак. От обиды внутри все сжалось, в носу защипало, а из глаз сами собой побежали слезы. Стать Джульеттой в мои планы явно не входило. Где же тогда мой Ромео? Последний вопрос прозвучал в голове как-то уныло, противно царапнув своим хвостиком какие-то воспоминания…

Мысли прервал стук в дверь. Утираю ладонью лицо и поправляю волосы.

- Войдите.

В комнату заходит средних лет темноволосая женщина в старомодном платье с рюшами, в белом чепчике и переднике. В её лице читается невероятное беспокойство, словно она хочет сказать о чем-то важном.

- Тебя зовёт мать.

Странно, но, кажется, её черты мне знакомы... Непривычный костюм мешает возродить в памяти прочно забытый образ этой женщины. Она подходит ко мне, берет за руки.

- Ну же, вставай!

Наконец я узнаю в ней свою крестную, которая нянчила меня все детство, пока мама заканчивала медицинский. Я повинуюсь и иду за крестной, параллельно рассматривая огромные залы, потолки, расписанные библейскими сюжетами, колонны, стоящие, как голые ство-

Иллюстрация автора

лы белых берёз. За следующей аркой виднеется невероятных размеров комната, в которой копошится с десяток одинаково одетых девушек. Они подходят ко мне, снимают с меня ночное платье и надевают новое, ярко-голубого цвета, вышитое серебряной канителью. За моей спиной уже творятся чудеса: рыжие, по самую талию, волосы расчёсывают, вплетая в них ленты и нагружая причудливыми украшениями. Передо мной стоит, держа зеркало, ещё одна девушка,. Глядя на все это, я хоть и приходила в невероятный восторг, как любая представительница прекрасного пола, желавшая почувствовать себя принцессой, но в то же время мне было страшно неуютно видеть кучу людей, угождающих мне. Ну не привыкла я как-то к этому! Очень хотелось самой заплести себе привычную косу, поснимать с себя безделушки и просто пойти обратно в постель.

Когда переодевание было завершено, в комнату вошла женщина, которую я уже могу с лёгкостью узнать. Моя мама, так любящая комфорт и свободу движений, была одета в платье, по своему узору и строению выглядевшее сложнее храма Святого Семейства, её волосы были собраны в пучок и перетянуты серебряными нитями, на пересечении каждой из которых располагался сверкающий камешек. Надо признать, так нарядно она не выглядела даже на родительском собрании.

Безумно обрадовавшись, я поспешила обнять маму, а она удивилась, приподняла брови, и её рука, будто бы растерявшись, с заметным промедлением легко коснулась моей спины. Безумно хочу рассказать ей о произошедшем, но, вспомнив, что в пьесе такого не было, смущённо отстраняюсь и непривычным для самой себя тоном говорю: «Я здесь. Что, матушка, угодно Вам?» Меня не покидало чувство, что в иных выражениях я с ней говорить просто не могу, мысли из головы страннейшим образом сами складывались в церемониальный, почти шекспировский язык.

Леди Капулетти
Дочка, у меня к тебе есть дело.
Кормилица, оставь нас на минуту, то тайный будет разговор.
Хотя останься, что скрывать?
Ты знаешь, моя дочь уже не так мала,
Венец заждался, замуж ей пора.

Кормилица
Помилуйте, мадам.
Деньки с рожденья Джулиэт могу я сосчитать.

Леди Капулетти
Ей нет четырнадцати лет.

Так, кажется, у меня проблемы. Помимо того, что мама и крестная говорят чуть ли не стихами, я ещё и замуж должна выйти… непонятно за кого. Это беззаконие, произвол!

Леди Капулетти
Джульетта, расскажи мне,
К замужеству ты как бы отнеслась?

Джульетта
Замужество? Ах, мама!
Благодарю, но о таком не помышляла.

Леди Капулетти
И младше лет твоих в Вероне матери найдутся.
Но буду краткой: не медли, торопись.
К нам за тебя посватался Парис.
Что скажешь? Сегодня на балу его увидишь,
В глаза ему не бойся заглянуть,
Найди в них ум и доброту,
Сними сомнений пелену.

Джульетта
Вам дать ответа не могу пока.
Ну что могу сказать? Моя судьба
Вся в воле вашей,
И будет ей одной верна.

Слуга (входит)
Сударыня, гости пришли.
Вас кличут беспокойно
Бранят прислугу.
Словом, все вверх дном.
Я вашей милости прошу:
Пожалуйте скорей к столу.

Леди Капулетти
Скорей, Джульетта! Граф уж там.

Кормилица
Благих ночей в придачу добрым дням!

Инстинктивно, как в детстве, иду за мамой. Внутри от волнения все дрожит, но я до сих пор надеюсь, что вот-вот проснусь. Все-таки это безумие какое-то! Леди Капулетти, Парис. (Может, просто Борис? Может, я ослышалась?) И платье это, нет, красивое, конечно, но слишком длинное, идти неудобно: то и дело на подол наступаю. Не хватало еще свалиться: тут полы до зеркального блеска натёрты – скользкие, должно быть. Единственное, что успокаивает меня: наличие сюжета, все идёт по нему. Главное - счастливый финал.

Тут-то я и вспомнила...

Бал-карнавал Капулетти

Желтоватые масляные огни свеч зажигали зал праздничным пламенем. Разодетые женщины смеялись, почти каждая рядом со своим кавалером, придерживая белыми крошечными руками самого различного рода маски.

Огромный, пёстрый, переливающийся поток гостей не позволял отличить одного человека от другого. Я тщетно пыталась разыскать кого-то, хоть немного похожего на Никиту. Ведь если не он - Ромео, то кто?...

Неудобное, тяжёлое платье жутко натирало поясницу и заставляло меня чувствовать отголоски каждого вдоха в виде лёгкого зуда. Не очень поэтично? Что поделаешь – средневековье, как оно есть…

Качая головой в ответ на бесконечные приветствия и поклоны и оглядываясь по сторонам, я даже не заметила, как ко мне подошёл неизвестный юноша, явно королевских кровей. Держался он крайне уверенно, приподняв подбородок чуть выше, чем стоило бы. Косая улыбка самодовольства обнажала его частые, мелкие зубы. Плечи расправлены. На его огромных размеров голове был темно-синий берет с пером. Та-а-ак… Парис. Он представился, и сколько я ни пыталась найти хоть что-то приятное в его ящероподобном лице, мои глаза все чаще обращались к смутно знакомому на вид юноше в зелёном бархатном камзоле с рукавами-фонариками (на нем ещё была золотая маска, из-под которой беспечно торчали черные кудри). Он вальяжно стоял, опершись корпусом на стену. Наши взгляды случайно сходятся, Ник меняется в лице, говорит пару слов своему товарищу (Бенволио, я полагаю) и направляется прямо ко мне, как раз когда Парис начал засматриваться на юную дочь какого-то графа, хохочущую прямо за моей спиной.

- Какая встреча! - даже за маской было видно ухмылку в уголках его глаз. - Несмотря на то, что происходящее абсолютно не укладывается у меня в голове, приличия требуют пригласить тебя потанцевать.

Пришлось вспоминать забытые с утренника в пятом классе уроки танцев. Сначала получалось до невозможности неуклюже: я путалась в платье, пару раз даже наступала Никите на ноги (чего он старательно не замечал, корчась и закусывая губу), но на втором-третьем круге танец казался мне самым естественным, что могло происходить со мной в ту минуту.

Сама не знаю, почему, но я ему до сих пор ничего не сказала... Ну вот не сходят с языка слова – и все тут! А ведь надо, наверное, что-то сказать! Надо! Или Не надо? В книге, вроде, все так же: Джульетта ничего не сказала Ромео, пока он не потащил её в пустой зал целоваться. Та-а-ак…

Наверное, столько молчать все-таки невежливо, поэтому я уже хотела было завязать с Ником разговор, но он опять начал первым! В самом деле, чудеса творятся.

- Не сон ли это?

- Разве бывает одинаковый сон у двоих сразу? - когда я не знала, что ответить, я всегда отвечала вопросом на вопрос.

- Да нет, не бывает… А даже если мог бы быть, это было б слишком просто.

- Только как отсюда выбираться? Нельзя же торчать в 16-ом веке целую неделю: меня мама знаешь, как ругать потом будет…

- Ну, мне дали книгу в качестве подсказки, вроде, нужно действовать по сюжету.

- Да помню я сюжет! Раз восемь уже читала! Да и у меня тоже есть книга со странным напутствием. По сюжету? Он, бесспорно, хорош, но лишь для чтения. При всём уважении, умирать за тебя я пока не готова.

- Так сейчас только первое действие! – возмутился Ник. Он, верно, хотел предположить, что во втором или третьем акте я охотно пойду на эшафот за его красивые глаза.

- Нужно найти путь обратно, не меняя сюжета.

- Что-то не припоминаю я у Шекспира в пьесе машины времени или

Иллюстрация автора

портала в пространственно-временного континуум. В конце герои, между прочим, умирают. Разве мы можем умереть, выживши? Такой трюк проворачивали только раз в истории, да и то - только через три дня... – Ник бодрился, но и он был на взводе, я это чувствовала.

- Нам необязательно умирать. Можем просто сделать вид, что умерли.

- А вот тут поподробнее. Помнится, у Шекспира тоже кое-кто хотел только сделать вид… Но вышло что-то уж слишком правдоподобно. Надо все продумать до мелочей.

Беру Ника за руку, и мы идём из зала в соседний, совершенно пустой. Боковым зрением замечаю прикованный ко мне взгляд папы и моего двоюродного брата Ярика (он тут тоже, кстати, был - в роли Тибальта). Они горячо спорили, а Ярослав буквально сгорал от злости, когда смотрел на Ника. Я помню, что-то про этот эпизод было сказано в начале пьесы… Но что?

Свечи здесь не горят, на блестящем полу играют блики в такт танцующим гостям. Полная луна бессменно сияла за оконными стёклами. Уже, должно быть, очень поздно, а полночь все задерживалась, словно очень почтенный, но в то же время назойливый гость у добродушных хозяев.

- У меня есть план, но у нас осталось совсем немного времени, с минуты на минуту Джуль… Тьфу, меня позовёт няня, и придётся пойти за ней. Мы не можем спорить с сюжетом.

- Да, знаю. Тогда жди меня на балконе через полчаса, все обсудим.

- Как ты туда собрался попасть? Если тебя заметят мои предки, эта повесть станет самой печальной на свете, ещё не начавшись.

- Да не волнуйся ты так. Я уже все рассчитал. Там, на колонне у балкона, вьётся плющ, крепкий очень. Ромео по нему залез, и я залезу.

- Ну, удачи, но я все же немного волнуюсь, что ты оттуда свалишься.

- Да это второй этаж только! И внизу не асфальт, а садик, цветочки-клумбочки всякие.

- Розы, между прочим. Колючие, - я усмехнулась. Хотелось как-то разрядить обстановку.

- Ладно, давай, я пошёл, - его шёпот в конце фразы стал ещё тише, он собирался сделать шаг назад, но почему-то остановился, глядя в сторону. - За тобой уже спешит няня, мне нужно бежать.

Прежде, чем я успеваю ответить, он легонько меня обнимает, дружески хлопает по плечу и убегает, крайне смутившись и покраснев. Эх, никакой Шекспир его не изменит…

Балкон

Придерживая дрожащими пальцами подол шёлкового платья, спешу к маме, останавливаюсь чуть ли не через каждые три шага, чтобы успокоить бешеное биение сердца. Вы подумаете, что я волнуюсь, но ошибётесь. Я страшно боюсь. Впервые в жизни иду к маме, как на плаху. Все дело в том, что диалог Леди Капулетти с Джульеттой опущен в пьесе, его там попросту нет! Как и нет тропы, по которой я приду обратно в свой мир… Словно вслепую. Мне лишь остаётся, как говорит Ник, импровизировать.

Даже не помня дорогу, я нашла нужную дверь огромной маминой залы. Её попросту нереально не заметить. Мама сидит в огромном кожаном кресле, развернув тяжеловесную «Новую жизнь» Данте в резном переплёте. Даже в Средневековье она читает бестселлеры.

Страшась отвлечь её от чтения, я просто наблюдаю за этими бегающими по строчкам круглыми глазами, уголки которых лишь слегка испещрены крошечными морщинками, единственной причиной появления которых был частый смех, но никак не старость. Не знаю, сколько я так бы простояла, если бы не услышала странный голос, прервавший мою задумчивость. Этот голос, бархатного, низкого тембра, прозвучал неожиданно и вкрадчиво.

- А ведь Никита ждёт, - промурлыкало нечто, растягивая гласные и говоря в нос, пародируя французский манер речи.

- Простите, что? - резко оборачиваюсь, но за моей спиной не оказывается никого, кроме колоссальных размеров жирного, чёрного, словно сажа, кота, смотрящего мне прямо в глаза с какою-то саркастическою, вовсе не звериною ухмылкой. В мире полным-полно черных котов, но этого я не могла не узнать.

- Ох, физическая сила! Галлюцинации уже начались, Боже мой! - машинально вслух произношу я.

- Как вам это понравится? - басовое мурлыканье окрасилось нотками обиды. - Вот человек глупость какую-нибудь скажет – так его услышат, можете не сомневаться! А может, даже последуют его совету. А если кот важное замечание сделает, так на тебе! Галлюцинация!

По спине пробегает дрожь. Иду прочь от комнаты. Кот за мной.

- Я сплю, просто сплю... Сплю... чтоб черти взяли! – от злости и противного липкого страха я выругалась.

- Ну-ну, тише…

- Он что, меня успокаивает?

- Зачем же в крайность сразу..

Останавливаюсь. Тень кота тоже.

- Слушайте, господин… - взглядом окидываю его с лап до усов. Глупо? Согласна! А вот вы бы на моем месте как бы обращались к говорящему коту, который, к тому же, то ли посоветовать вам что-то хочет, то ли успокоить, то ли напугать до холодного пота. Последнее, кстати сказать, у него отлично получилось.

- Кот, - видя мою заминку, услужливо подсказал он.

- Господин Кот, позвольте узнать, что Вам от меня нужно? Если ничего, то прошу Вас в незамедлительном порядке покинуть мой сон, ночной кошмар или что бы то ни было. Мне и так тяжело, ещё и говорящих котов тут не хватало…

- Вы правы, милочка! Именно говорящих котов, а точнее, говорящего кота Вам и не хватало! – и кошачье мурло с длинными усищами захихикало, сладко жмурясь. Он пытался прикрыть пасть жирной лапой, но это не особо у него получалось: между острых когтей виднелись тонкие ослепительно-белые клыки и розовый, как лепесток пиона, язык.

- Господин Кот.. Хе-хе-хе.. Господин! Вы, барышня, мне определенно нравитесь. А теперь, слушайте. Это не сон и решительно не ночной кошмар. Самая обычная реальность, время чуть другое, вот и все. Люди зато всегда одинаковые… Но я о другом. Лизетта, или как Вас там… Вы, хотя нет, давайте перейдём на «ты»: беседа длится уже достаточно долго.

Я возмущённо передёрнула плечами. Да что он себе позволяет?! Но кот, по-видимому, истолковал мой протестующий жест по-своему:

- Не хотите? Ну как угодно-с! Так вот, Вы попали в сложнейший, многогранный мир литературы. Шекспировская пьеса, изложенная бессмертным и великим Уильямом… Ох, замечательный был человек этот Уильям!.. Эта пьеса - лишь одна грань бриллианта, что зовётся «Ромео и Джульетта». Один взгляд на «величайшую историю любви», воспетую сотни раз. Но много ли у людей желания пережить такую историю, испытав всю ее «великость» на себе? Отнюдь! Я уже не говорю о героях нашего времени, меняющих одни истории любви на другие, словно перчатки. Поэтому вы с Николой здесь, поэтому…

Иллюстрация автора

- С Никитой. Его зовут Никита, - не удержалась от поправки я.

- Да-да-да, с Никитой, разумеется. Вечно их путаю. О чем это я?

- Поэтому… - машинально подсказала я.

- Ах да! - продолжил Кот с новым

порывом вдохновения. - Поэтому Вам нужно пройти через все это так, как Вы считаете правильным.

- А как же книга? На титульном листе сказано, что мы не вернёмся, если изменим сюжет.

- Глупость! Старый приёмчик для накала обстановки. Вы не вернётесь, только если измените финал. Или умрёте, - кот пронзительно взглянул на меня и даже для убедительности, наверное, указал на меня когтем. Я нервно сглотнула: такой исход как-то не приходил мне в голову. Казалось, главное – вернуться домой, а тут еще надо умудриться в живых остаться.

- В остальных же случаях, завершив задание, вы точно отсюда исчезнете.

- Умрём?.. – похоже, в голове гвоздём застряло это слово. - Отчего бы нам уми...

Прежде чем я договорила, он перебил меня, схватившись одной лапой за голову, а другой, на которой теперь были отчётливо видны крупные наручные часы с золочёным циферблатом, размахивая перед моими глазами:

- Да ведь уже полночь! Увы, мне пора, но был страшно рад повидаться!

И он исчез. В самом деле, просто исчез. Не как в кино, медленно испаряясь, оставив в воздухе лишь улыбку, а так, без спецэффектов и музыкального сопровождения. Я опёрлась о стену и сползла по ней вниз, на лбу выступила испарина, голова жутко кружилась. Я точно схожу с ума! Но мне все равно нужно отсюда выбираться, поэтому лучше не паниковать. Просто играть свою роль, не паниковать, просто играть... Слегка пошатываясь, иду обратно к маминой комнате и, набрав полную грудь воздуха, резко выдыхаю, параллельно стучась в открытую дверь.

Джульетта
Матушка, хотели Вы увидеться со мною?

Леди Капулетти
Хотела, Джулиэт, как хочется весны зимою.
Сядь рядом, расскажи, по нраву ли тебе Парис?

Джульетта (придумывает ответ в рифму)
Ах, мама… Ну, строен он, как кипарис,
(увы, кроме кипариса и барбариса мне в голову ничего не пришло)
Красив, быть может, для кого-то.
Да, очень юн лицом,
Хотя и было б странно, будь он стариком…

Леди Капулетти
Не тяни!

Джульетта
Прости меня, прости.
Я не могу признать в нем для души отраду…
Он мне пока не друг,
В мечтах моих не он награда.
Да, помню, что любовь приходит «вдруг»,
Но…

Леди Капулетти
Довольно. Ты говоришь вольно,
Развязно.
Манеру эту ты усвоила давно ль?
Ведь девушке-невесте не пристало…

Джульетта
Сжалься, мама! Однако не про то...

Леди Капулетти
Обдумай свадьбу до среды.
Покойной ночи, мы поутру ещё поговорим.

Чуть кланяясь, пячусь в сторону двери, отчего-то боясь повернуться к ней спиной. Отойдя на достаточное расстояние, чтобы мама не могла меня услышать, бегу так быстро, как только могу, в свою комнату, на балкон. Никита ведь и вправду ждёт!

Я сбавила шаг, только когда боковым зрением заметила своё отражение в зеркале, висящем на стене моей спальни. На меня оттуда смотрел бледный растрёпыш в смешных одеждах, с кучей серебряной проволоки в запутавшихся волосах и совершенно испуганными глазами.

Как обычно, очень опасаясь заставить Ника ждать, я только дольше искала нужные мне предметы, чтобы хоть в какой-то мере приблизить мою наружность к обыкновенному её состоянию. Конечно, чтобы переодеться, я могла бы позвать толпу служанок, но сейчас я доверяла только самой себе. Лихорадочно дрожащими пальцами я хваталась за шнуровку платья то в одном, то в другом месте, беспомощно растягивая нити во всех направлениях, неизвестно отчего будучи уверенной в эффективности данного метода. Справившись с ней, я скинула с себя платье и, привычным движением подцепив его стопой, закинула в угол комнаты.

Бестолковый гребешок в один ряд хоть и был очень красиво украшен, нисколько этим не окупал свою неспособность действовать по назначению. Взвизгивая от боли, я расчесала верхнюю часть причёски, решив для себя, что с нижней можно разделаться потом. Оглядываю гардероб и выбираю лёгкое (в сравнении с остальными) струящееся ночное платье зефирно-розового цвета, с вышивками полевых цветов на вырезе-лодочке. Ищу туфли в тон, но нахожу только какие-то белые тапочки, на описание изящества которых у меня не остаётся терпения. Иду к балкону, уже издали видя кудрявый силуэт, освещаемый луной.

- Пожалуйста, извини меня. Мы с котом разговорились, ещё и к маме послали…

Брови Ника уползли в северном направлении, саркастическая улыбка сменилась нервной ухмылкой.

- Какой ещё кот? Или мне послышалось? - я не заметила, как его ладонь оказалась на моем лбу, всячески пытаясь найти признаки горячки или плохого чувства юмора.

- Огромный, чёрный... Когда к маме пошла, - мысли путались в голове; я уже сама начинала сомневаться в увиденном: так нелепо это звучало. - Этот мохнатый назвал меня по имени, был в курсе, что мы из 2017 года и заверил, что ты уже заждался.

- Да я тут минут сорок торчу уже! Но давай поподробнее о коте.

- Ну, он нёс сущий вздор. О литературе и многогранности сюжета пьесы, о полночи, о любви. Короче говоря, мы должны на своей шкуре прочувствовать разницу между влюблённостью в XIV веке и в XIX.

- И поэтому мы здесь?

- Видимо, да... Я вообще ничего не понимаю!

- Велико удовольствие. Раньше просто сох по девчонке из школы, а теперь ещё и отвечать за этой изволь, бегай к ней, прячься от родителей...

- Из школы?.. Ты о ком?

Он притворился, что не слышал. Ладно, запомню: потом обдумаю. Если только, конечно, будет это «потом». Мрачные пророчества Кота не давали покоя.

- Ладно, сейчас нам не столь важно понять мораль происходящего, как придумать план и вылезти отсюда поскорее. У меня была пара идей...

- Ну?

- Завтра, как я понял, ты пойдёшь к монаху якобы исповедаться перед свадьбой с Парисом, на которую ты согласилась, чтобы отмазаться от родителей, но самом деле мы обвенчаемся, а затем...

- Обвенчаемся? Так сразу? – в голове с быстротой карусели закружились какие-то обрывки мыслей. Как-то не так я представляла себе пред-

ложение от Ника. А представляла? Ну чего уж там врать! Конечно, представляла! Сто раз! Но не так! Только не так!

- Да, сразу. Сейчас не до знакомств с родителями и конфетобукетов, - прозвучало это до крайности деловито.

Пусть я знала, что в следующем акте Ромео и Джульетта женятся, видеть, как это происходит со мной в реальном времени, было крайне дико. Вот так, ещё не закончив даже среднюю школу, я должна была стать женой.

Похоже, я очень сильно задумалась, потому что Никита тряс меня за плечо.

- Лиза! Лиз, не витай в облаках и не висни, как Windows 95! Хотя я тебя понимаю: невозможно не быть на седьмом небе от счастья, узнав, что выходишь за меня замуж.

Я скорчила рожицу. Его шутка немного разрядила атмосферу, и я даже заулыбалась.

- Ладно, пошлю за тобой в 9, окей?

- Хорошо. Тебя сейчас поз..

Из глубины моей комнаты раздаётся голос няни.

- Да, одну минуту, - кричу в ответ.

- Ну, до завтра тогда?

Киваю ему и не могу удержать ползущие вверх уголки рта.

Ник перекидывает одну ногу через перила балкона, уже хватается за ветки, чтобы спуститься. Оборачивается.

- Пожалуйста, будь осторожна, - он впервые говорил искренне.

- И ты.

Смотрю на его удаляющуюся в темноту фигуру.

Венчание

«Поутру, едва алеющая полоска солнечного света робко коснулась неба, Никита вскочил с постели. Всю он ночь ёрзал и переворачивался с боку на бок, планировал каждую деталь предстоящего дня… Пусть свадьба ненастоящая, пусть она вынужденная, но все-таки, она их. Его и Лизы. Какой уж тут сон! Это должен быть по-настоящему незабываемый день!

Никогда бы Журавлев не подумал, сидя за последней партой и не сводя глаз с Лизы, пыхтящей над алгебраическими задачами (Завораживающе! Бесконечное зрелище! Примерно как танцующее пламя костра или бегущая вдаль река!), не смог бы вообразить, что через пару недель он с ней обвенчается.

На дубовом столе у кровати лежали старинные кольца, мутно поблёскивая в слабо освещённой зарей комнате. Каких невероятных усилий

ему стоило вытащить их из шкатулки в спальне родителей! Пробираясь туда на цыпочках, он постоянно оглядывался и про себя чертыхался: ведь каждый крошечный шаг, каждое прикосновение ботинка к каменному полу отдавалось разоблачающим эхом, ударяющимся о потолок и стены.

Он быстро натянул штаны, рубаху и какой-то более-менее праздничный выглядящий кафтан. Потом провёл ладонью по волосам, зашнуровал обувь и подмигнул отражению в зеркале. Хорош… Немного бледен, взволнован, но это как раз жениху простительно. А в целом – хорош!»

Так я рисовала в своём бодрствующем воображении Никиту, которого наделяла чувствами, увы, вряд ли ему свойственными. Проспал, конечно, всю ночь сном младенца. Для него предстоящее венчание – всего лишь забавное приключение, спектакль, игра. А я проворочалась до рассвета в постели с боку на бок, прижимаясь пылающей щекой к подушке в напрасной надежде найти хоть один прохладный уголок.

С той самой минуты, как мы расстались, я не могу прийти в себя. Лёжа в кровати уже, наверное, больше полутора часов, я тщетно пыталась успокоить бушующие мысли. А если он проспит? А вдруг убежит прямо от алтаря, или из-под венца, или… как это там правильно говорится? Или из-под венца только невесты сбегают?

А вдруг засмеётся мне в лицо, когда его спросят, согласен ли он. Это было бы так похоже на самого типичного Никиту. На некогда доброго и открытого мальчика, которого теперь за собой скрывает прочная оболочка, незыблемая стена надуманного цинизма, ядовитого сарказма, спеси, что является не более чем многолетней театральной игрой... Он так хотел защитить себя от насмешек, что стал бояться быть самим собой. Невообразимо много нужно теперь пережить вместе с ним, ни разу не предать его доверие, не обмануть ожидания, чтобы хоть на сотую долю приоткрыть завесу, под стражей которой хранятся истинные его мысли и чувства. Как сильно и пристально нужно вглядываться в обманчивые зелёные глаза ради искреннего взгляда в ответ!..

Странно! Меня забросило неизвестно куда! В глухое средневековье! Я понятия не имею, как отсюда выберусь! И выберусь ли вообще! Что происходит дома? Как, скажите на милость, отнеслись к моему исчезновению родные? А на самом деле, меня волнует только то, что думает обо мне (если вообще он обо мне думает) этот самовлюблённый мальчишка с насмешливым взглядом и нежной и ранимой душой!

Впрочем, уже светает.

Не открывая усталых от бессонной ночи глаз, заплетаю себе косу и подвязываю её одной из лент, брошенных на высокой резной спинке стула. Потягиваюсь и невольно издаю громкий вздох отчаянного усилия

держаться в горизонтальном положении. Хотя я прекрасно знала, что даже если и лягу снова, не усну. Можно успокоить тело, но душа так и будет метаться по самым заброшенным уголкам сознания, бороздя забытые тревоги и создавая новые.

Все ещё с полуоткрытыми веками, подхожу к зеркалу, пересилив лень, смотрю на незнакомку, стоящую в нем, и с неприязненным чувством отворачиваюсь. Усилиями нескольких гребешков, какой-то непонятной пахучей пудры, извлечённой из шкатулки у кровати, пары заколок с красными камушками и, конечно же, улыбки, я привожу себя в порядок и даже становлюсь похожей на девушку, проживающую «самый счастливый день в её жизни, который она запомнит навсегда».

Из всех платьев выбираю самое белое, самое *рюшечковое*, самое очаровательное. Сажусь по-турецки перед кучей сундучков с украшениями, пытаясь выбрать наименее броское, но в то же время лучшее. Сочтя каждое из них старомодным и аляповатым, останавливаюсь на версии, что я и так отлично выгляжу.

Пока я возилась с приготовлениями, часы пробили десять. Моё сердце, будто бы ожидая лишь этого заветного звона, забилось с утроенной силой. Повинуясь беспокойному любопытству, выбегаю из комнаты. Ступенька сменяла ступеньку, и каждый из ударов стопы в крошечной белой туфельке по полу отдавался ударом пульса в висках.

Помню, когда мне рассказывали о волнующих моментах, в которых время будто бы замедлялось, я смеялась и говорила, что такое бывает только в кино. Но сейчас, клянусь этими страницами, сейчас я видела всякий взмах крыльев птицы, пролетающей за окнами замка, а локоны, порой падавшие мне на лицо, взлетали и держались в воздухе раз в десять дольше, чем должны были по всем законам физики. А на фоне… на фоне этого замедленного, как в кино, видеоряда словно играла музыка. Я не сумела бы описать её звучание или назвать инструменты, её производящие; скажу только, что повторись она снова, я узнала бы её сразу. Всегда скучала на концертах классической музыки, но будь они все такими, как эта мелодия, звучащая в моей голове, сочетайся в них каждый взмах палочки дирижёра с моими прыжками на частых ступеньках и с бьющимся в груди сердцем, я бы,

Иллюстрация автора

наверное, не посмела б ни на секунду отвлечься. Мне было ясно: это звучала *наша с ним* музыка…

Сад и полноценно наступившее утро встретили меня бодрящими порывами ветра и чуть уловимым запахом розовых кустов, которые неторопливо стриг усатый садовник.

Няня ушла к Никите сразу после завтрака, должна была уже вернуться… Я бы за полчаса успела! Да она б тоже успела, будь так же влюблена. И только попробуй обвинить её в медлительности - сразу скажет, что кости больные, ноги не слушаются, и что весь свой старческий век она проводит, будучи козлом отпущения для моих изменчивых прихотей...

Сажусь на скамейку и уныло перебираю пальцами складочки юбки. Совсем недавно самым успокаивающим меня занятием было наблюдать в этом саду за птицами, коих природа обделила, дав им лишь один способ выражения своих мыслей - чириканье. Теперь же каждый соловей, поэтизирующий своим сопрано пустую птичью жизнь, раздражал меня ультразвуковым пиликаньем, которое растягивало и размазывало моменты ожидания, словно подтаявшее масло по куску черствого хлеба. Заскучав, я решила немного погулять вокруг замка, хотя и знала, что это решительно никак не поможет скоротать минуты до вестей от моей нерасторопной нянюшки.

Примерно на втором-третьем круге, после того, как я собрала два букета полевых цветов (и выкинула их, потому что жёлтые - к разлуке), сплела венок из ромашек, отцепила репей от подола свадебного платья и порядочно устала, до меня наконец донёсся заветный скрип калитки и притворное оханье.

Джульетта
Ах, няня, наконец-то ты вернулась!
Дурны ли вести? Скажи мне сразу: дурны иль нет?
Что ж ты вздыхаешь, дай скорей ответ!

Кормилица
Стой, егоза, позволь передохнуть.
Какие мои годы, не забудь!
Поймёшь ли ты: мне тяжелы походы!
Ведь кости ломит даже от плохой погоды..
А голова-то, голова!
Господь Великий, как ещё жива?!

Ну, приблизительно такое начало речи я и предполагала. Сейчас ещё прибавит, что она – несчастный, вечно страдающий козел отпущения

моих сумасбродств! Но это, конечно, только *про себя* – говорить сейчас этого не следует!

Джульетта
Ах, милая моя,
Могла б, свои бы силы отдала!
Но не могу. Зато я погибаю без вестей.
Не интригуй, не разжигай страстей.
Ромео насчёт свадьбы говорил?

Кормилица (в сторону)
Совсем девчонке голову вскружил!
(Джульетте)
А парень этот недурён весьма…
Осанка, стать и пыл! Глаза орла!
Ещё не видела юнцов, его мудрей!
Хотя: ну где там мудрость средь кудрей?

Джульетта
Да не губи же душу молодую!
Поверь, ведь я страдаю и тоскую!
Я, представляя его вновь,
Опять переживаю всю любовь.
Про кудри, стать и про глаза -
Про все прекрасно знаю и сама.
Но свадьба - что о ней?
Не можешь ли сообщить мне поскорей?

Кормилица
О, бедный козлик отпущенья я…

Ну, так и знала, что без козла отпущения не обойдётся! А ведь уже надеялась, что завершающей части тирады не последует – куда там! Но зато уж после «бедного козлика» до сути недалеко осталось. Надеюсь, по крайней мере!

Кормилица
Родное дитятко, хоть ты жалей меня!
К монаху в келью ты на исповедь иди
И будь готова к алтарю взойти.
Ромео ждёт, счастливого пути!

Джульетта
Спасибо милая, уже иду!
Навстречу сердцу я спешу...

Перекинув волосы с плеч на спину, со всех ног бегу к калитке, а затем вверх, по мощёной дорожке, стуча каблуками о каменные плиты... Мимо пролетают зелёные лужайки, смешиваясь, сливаясь в акварельный пейзаж. Дыхание, волосы, длинная накидка с меховым воротником - все сбивалось в одну кучу, но мне было безразлично. Вверх по маленькому холму, ещё по одному, вот другая лужайка...

Постепенно сбавляя шаг и приходя в себя, обнаруживаю, что оказалась около кельи. Прямо за ней - невысокая часовенка, а на крыше - белые голуби.

Окончательно останавливаюсь. Взгляд скользит по удивительно идиллическому ландшафту и неожиданно спотыкается о чёрное пятно, маячащее прямо у входа в часовню. Опять этот мохнатый. Он заметил, что я смотрю, и радостно замахал мне лапой.

- А ты тут откуда? - мне не нужен брудершафт, чтобы осмелиться к нему обращаться на «ты».

Кот хотел было возмутиться такой фамильярностью, но потом вспомнил, что сам же её и предложил.

- К тебе вот на свадьбу пришёл, - слово «тебе» он подчеркнул, мелодично растянув «е» настолько сильно, что к концу она превратилась в «и». - Разве можно пропустить такое событие?

- Даже таинство венчания становится достоянием общественности, - пробурчала я и, обойдя кота с левого бока, постучалась в дубовую дверь.

Оттуда раздался будто бы знакомый голос... Очень уж знакомый. Осторожно захожу и вижу то, чего не ожидала, но в то же время боялась увидеть.

Над огромной книгой, подперев голову ладонью, бородатый, в непривычном монашеском одеянии, сидел… наш Саныч.

- О, явилась!

- Брат Лоренцо, я на исп…

- Можно просто Александр Антонович. Итак, Лиза, как тебе дивный новый мир?

Кажется, он тоже в курсе дела.

- Очень впечатляюще, - унылая интонация не очень соответствует значению сказанных слов.

- Ну ладно, давай сразу к делу, - его не особенно интересовал мой отзыв о новом мире, скорее всего, так спросил, для проформы, чтобы раз-

говор завязать. - Я вас с Никитой сейчас поженю…

- По-настоящему? - я чувствовала, как у меня предательски радостно загорелись глаза.

- Да, совсем как в жизни, - Саныч не смог удержаться от насмешливой улыбки. - Хотя бы потренируетесь держаться у алтаря перед выступлением.

Надо же, он все ещё помнит об этом проклятом спектакле. Я, если честно, в свете последних событий о нем начисто забыла!

- А Никита здесь?

- Он за кольцами побежал. Нужно ведь, чтобы все было натурально, - драматург хитро подмигнул и в это время очень понравился мне. Такой добрый, отзывчивый, все понимающий…

Александр Антонович что-то чиркнул пером в своей огромной книге, лизнув мизинец, перевернул страницу, положил туда закладку и с пыльным шлепком захлопнул книжный кирпич.

- Я могу пока пойти в часовню? - мне было отчего-то неловко стоять и пялиться на Саныча.

- Да, разумеется, я скоро подойду, - сказал он, не отрывая взгляда от рукава, с которого он уже пару минут силился оттереть белое пятнышко пыли или побелки.

Выхожу обратно к лужайке и, обойдя келью, иду к часовне. Крест, вознесшийся над ней, так сильно бликует на солнце, что, когда отводишь от него взгляд, перед глазами бегают разноцветные крапинки.

Очень волнуюсь. Окинув взглядом расписанный библейскими сюжетами зал, замечаю уже известную шарообразную фигуру. Котище развалился на скамеечке у стены и салютовал мне.

Прямо у алтаря, теребя шнурки на праздничной рубашке и многократно проводя рукой по волосам, стоял Никита. Он шаркал носком по полу, уставившись в него со слегка удивлённым выражением, застывшим на лице. Будто бы рассуждая, время от времени водил по воздуху ладонью, как обычно делают во время оживлённой дискуссии, выдвигая аргументы за или против. Полуденный прозрачный луч прокрался в глубь журавлёвских кудрей, дополняя их чёрный цвет огненными искорками. Я не хотела его отвлекать, стоять в отдалении и смотреть было для меня вполне достаточно.

Но вот Никита поднял голову. Рассеянный, изначально пустой взгляд вдруг выловил меня из общей картины мира. Брови приподнялись, он открывает рот, собираясь что-то сказать, но не говорит. Прошла пара секунд, и он, будто вновь обретя самообладание, закрывает руками лицо и улыбается. За худощавыми пальцами видны только что появившиеся ямочки щёк и блеск белых зубов. Складывает руки на груди, отводит

голову в сторону и снова улыбается. А я стояла, как вкопанная, просто наблюдая за каждым его движением, являющимся следствием не то жуткого волнения, не то радости, не то саркастического смеха над самим собой, словно говорящего: «До чего же я дошёл!»

Под локоть меня подхватывает Саныч, и, держа книжищу под мышкой, ведёт меня к кафедре, за которую он сейчас встанет и произнесёт слова, которые мы все так хорошо знаем, но так боимся и в то же время ожидаем услышать. Вот мы уже стоим рядом с Ником, хихикаем, поглядывая то друг на друга, то в противоположные стороны.

Драматург раскрывает книгу и старательно вглядывается в слова. В ответ на наши удивлённые взгляды поясняет, что свадебные церемонии на латыни он ещё никогда не проводил. Постояв так ещё с минуту, он закрыл книгу и сказал:

- Ну, главную мысль я помню, примерные вопросы тоже помню, так что можно и без книги.

Мы удивились, но только пожали плечами: другого варианта нам не предлагалось.

- Итак, - Саныч упёрся руками в кафедру и выдержал эффектную паузу.

Молчать вот так, значимо и выразительно, он умеет: его актёрский талант, разумеется, бесспорен.

- Сурикова Елиза... Тьфу ты! Джульетта Капулетти, согласна ли ты стать законной женой Ромео Монтекки, быть… - тут он запнулся, помолчал немного, но справился с волнением и продолжил. – Быть его горем и радостью, болезнью и здравием, пока смерть не разлучит вас?

Наверное, поправлять регистратора на свадьбе не лучшая идея, поэтому я просто кивнула.

- Чего ты головой трясёшь?

- Согласна, - едва выдавила из себя я.

Точно те самые слова Саныч произнёс для Ника, и он тоже сначала хотел кивнуть, но после секундной заминки, уставившись в пол, выдал тихое и осипшее:

- Согласен.

Александр Антонович с самого начала заметил, как нам неловко, и, пользуясь таким случаем, с довольной физиономией будто пропел фразу, крайне смутившую меня и Ника:

- Ромео, можете поцеловать невесту.

Журавлёв неуверенно хихикнул и потёр висок ладонью.

- Но это, в принципе, опционально. Не хочешь - не надо.

Все-таки наш Саныч – настоящий психолог и прекрасно знает, что ничем, кроме провокации, Никиту не проймёшь.

- А чего это сразу «не надо»? - Ник попытался изобразить возмущение,

понял, что не получается, и просто искренне и радостно улыбнулся мне.

Ссора Ромео и Тибальта

Распрощавшись с Журавлёвым, я направилась обратно домой.

Увядшая желтоватая трава покорно ложилась под ступнями, так и оставаясь в этом положении, даже когда давление исчезало. Вокруг не было ни звука. Казалось, птицы все до единой отправились на обеденный перерыв. Ветер заигрался моими волосами, беспрестанно подбрасывая локоны то в стороны, то вверх. Он закрался под мою накидку, внутрь рукавов, да и что скрывать? Ветер был даже в моей голове.

Впервые за долгое время я не волновалась, мысли у меня, если и появлялись, то вовсе не тревожные, а самые обычные, такие простые, что именно их и ждёшь после череды долгих, напряжённых событий. Среди них была житейская: «во сколько ужин?», мимолетная: «дождь собирается», девочково-романтичная: «я счастлива...»

Но стоило последней робко закрасться ко мне в голову, как её тут же спугнул уже откровенно надоевший мне голос.

- Мадам Журавлева, мне необходимо с тобою потолковать по одному чрезвычайно важному вопросу, - усатый французище с поразительным постоянством начал портить хорошие моменты.

-Месье Кот, давно не виделись! Какой вопрос может быть важнее моего душевного покоя? Честно говоря, мне уже хватило на сегодня приключений, - раздражение я скрывала с трудом.

- Решительно никакой не может! Я бы и своим покоем жертвовать не стал, но тут уж крайняя надобность. Чтобы вы не совершили непоправимых ошибок, требуется проверить твою готовность к следующим сюжетным виражам. Надеюсь, ты помнишь, что брат Джульетты в следующем действии погибает?

-Тибальт погибает, ну да. А я то-тут при…- до меня дошло. - Ярослав! Святые угодники, Ясика убьёт Ромео!..

Видимо, я себя выдала этим полным ужаса возгласом, дав понять, что совершенно забыла о дальнейших происшествиях в пьесе.

- А я что говорил! Какой же странный народ эти девушки! Была бы любовь, а об остальном забывают напрочь...

- Что же мне делать? Разве я могу допустить, чтобы убили моего брата?

- Разумеется, нет, - мурлыкнул кот (по-моему, он издевался!). - Однако в конкретном случае возможно исключение...

- Ты издеваешься? А потом винить себя всю жизнь?

- И этого ты не понимаешь... Сообрази же, это - театр, и гибнут только роли, - тон его стал поучающим, менторским - ни дать ни взять профес-

сор на университетской кафедре.

Мне очень хотелось ему верить.

- Значит, настоящий Ярик останется жив? - я с надеждой отерла повлажневшие глаза.

- Живее всех живых, машер! - он заметил моё расстройство и, взяв своей тёплой лапой меня за руку, вложил в неё белый носовой платок с вышитыми на нем инициалами: К. Б.

- Констанция Бонасье? – предположила я, внимательно разглядывая вышивку.

Кот поправил на шее нелепую фиолетовую бабочку, улыбнулся мне своими мохнатыми круглыми щеками и вдруг стал удивительно симпатичен, несмотря на жуткую непропорциональность в сравнении со всеми остальными представителями семейства кошачьих, каких мне доводилось видеть в жизни.

- Кроме романов о мушкетёрах, существует ещё и русская литература, барышня… - мой знакомец, вероятно, приготовился прочитать мне очередную лекцию о русской литературе XX, о творчестве М. Булгакова и высказать своё нелестное мнение о моей эрудиции, но по моему взгляду кот понял, что пора закругляться, и заговорил о деле. - Мы близки к развязке. Сегодня же произойдёт ссора Меркуцио, верного друга Ромео, и Тибальта, вспыльчивого брата Джульетты. Когда тебе сообщат, расплачься как можно сильнее, ни единым мускулом не подавай виду, что знала о несчастье заранее! А теперь, - он глянул на часы, обтягивающие кожаным ремешком его левую лапу, - теперь я побежал. Меня уже заждались!

- До свидания, - я опоздала лишь на долю секунды: кот, по своему обыкновению, бесследно испарился, не оставив даже намёка на недавнее присутствие.

Волной непреодолимой силы меня захлестнула паника, нараставшая на протяжении всего разговора с Котом. Все чётче в голове звучала мысль: чем дольше я бездействую, тем ближе дуэль Никиты с Тибальтом... Они, должно быть, уже на площади. Журавлев ведь совершенно не умеет драться! Тяжёлая шпага в его тонких пальцах поэта напоминает скорее изящный атрибут романтического героя, но никак не оружие в стальных руках воина. Драться Ник не умел никогда: свою честь с самого детства отстаивал здравой аргументацией, гротеском и издёвками над всеми, кто осмеливался оспаривать его мнение. А если за острый язык собеседник накидывался на него с кулаками, Никита просто начинал смеяться и этим заставал врасплох любого. Он умел победить в дуэли, даже не тронув соперника кончиком пальца.

Но физически противостоять Тибальту, который был не только порядком старше, но ещё и на голову выше, Ник не мог. Мысль о том, что

ему грозит смертельная опасность, подстёгивала меня немедленно нестись его спасать.

В гардеробной я переоделась в чёрную мантию, чтобы люди на площади не узнали меня. Она стелилась по полу и была мне совершенно не по размеру, однако в данном случае выбирать не приходилось.

О том, что я не имею ни малейшего понятия о местоположении названной площади, мне удалось вспомнить только после того, как я перешла за порог замка. Впрочем, тут ведь вряд ли этих площадей несколько... От силы парочка найдётся, а уж если ошибусь - сбегаю и на вторую, от меня не убудет. Город ведь маленький, а населения - и того меньше.

За храмом и кельей Саныча виднелся едва приметный пейзаж рыночной площади: лавочные ряды с пёстрыми товарами сливались воедино с нескончаемым потоком людей, в котором различить дородную жену купца и оборванного мальчишку можно было лишь сильно прищурившись. Неизвестное предчувствие потянуло меня туда. И я последовала за ним.

Людской гул, запах трав и еды, зычное конское ржание, чуть томящая теплынь закатного солнца - все здесь сотрясалось от такой густой сутолоки, что едва ли возможно простоять хоть минуту без того, чтобы тебя не задел локтем какой-нибудь вечно обсыпанный мукой пекарь, вспомнивший о буханках, забытых в печи, или, например, легонько толкнул в бок чернокнижник, с заискивающим безмолвием предлагавший запрещённый святой инквизицией товар. Впрочем, меня все это не волновало.

После того, как первая робость, вызванная непривычной обстановкой, исчезла, я огляделась, и почти моментально взгляд мой зацепил весело шествующую компания из трёх юношей: двое примерно моего возраста, а третий явно старше, но не сказать, чтобы сильно. Они шли по вымощенной камнем дороге по направлению к замку (вроде бы, принадлежащему Лорду Монтекки).

Один из них (тот, что мой ровесник) украдкой оглядывался по сторонам и, казалось, лишь в короткие мгновения этих оглядок проявлял истинное своё настроение. Косматая его голова моталась из стороны в сторону, отчаянно пытаясь кого-то найти. Нетрудно догадаться, кто кого здесь искал. Со старшим из троих заговорил молодой человек, родные и привычные черты которого я угадала даже издалека.

Опомнившись, я накинула посильнее тёмный капюшон на голову и придерживая подол мантии, кинулась к Никите, расталкивая всех на своём пути. Мне прокричали что-то вслед, и я чуть было не начала извиняться, но пришла в себя и понеслась дальше.

Я опоздала… Уже опоздала… Наверное, не было шансов успеть, но я все же надеялась...

Меркуцио (старший) уже лежал, истекая кровью. Ник, отпустив его

увядшую руку, медленно поднялся с колен, дрожа (а это было заметно даже с расстояния десяти метров), вытащил шпагу и несмело замахнулся на Тибальта. Это был даже не замах и, тем более, не выпад. Неуверенный жест Ника был подобен движению растерянного мальчишки, рисующего слишком тяжёлой для него палкой по морскому песку.

Иллюстрация автора

Я всеми силами старалась не думать о том, что Тибальт - мой брат, как можно меньше обращала внимание на его лицо и следила только за движениями его тела. В момент, когда Король Кошек сделал полшага назад и занёс руку со шпагой за спину, стало совершенно ясно, что этот удар будет для Ника последним. Такого я допустить не могла.

Рванувшись к месту дуэли, я опередила Тибальта буквально на долю секунды, оттолкнула Никиту от близящегося удара и невольно закрыла его собой. Острие шпаги, свистнув, пронеслось мимо моего уха и сделало это же движение в обратном порядке. Мне показалось, что за спиной у меня прозвучал сдавленный стон. С меня спал капюшон. Лицо Ярика вытянулось. Только он хотел произнести слово, послышался звон металла, и почти моментально, в тот самый миг ему в живот вонзилась журавлёвская шпага. Все произошло с невероятной быстротой. Ник бросил оружие, схватил меня за руку, и мы понеслись прочь.

Добежав до поляны, где нас уже не заметят приспешники Тибальта, мы наконец смогли отдышаться. На скуле у Ника застыла струйка запёкшейся крови.

- Ого, а эта победа не обошлась тебе даром, - саркастически усмехнувшись, я указала на рану.

- Ах, это… - Ник с пренебрежением провёл пальцем по порезу. - Послушай, ну что мне оставалось сделать? Честно, я собирался только напугать твоего брата, но случайно оказался удачливее, чем полагал... Я буквально немного его задел, но даже это было смертельно.

- «Это было смертельно»! Вы только посмотрите на него! Да если б не я, ты, Журавлёв, уже бы почивал на том свете! С твоими навыками фехтования, а если быть точнее, их полным отсутствием, в драку лезть вообще бессмысленно.

- Это я бы почивал на том свете?! Это у меня нет навыков!? Я, между прочим, «Трёх мушкетёров» четыре раза читал… Ну, если честно, один раз фильм смотрел. С Боярским. Там знаешь, как фехтовали! - его глаза округлились от возмущения. - Да я ведь специально его задел, чтобы он по тебе не попал! И вот твоя благодарность!

- Ну почему же? Вот моя благодарность, - я обняла его за плечи, и он немножко подобрел.

- И Лиз... Это только игра. Приключение, которое скоро кончится, - он чуть помедлил. - К тому же (тут Ник не смог удержаться от хитрой ухмылки) я же теперь твой муж, так что и в горе и в радости будь добра... Тем более, - он добавил это торопливо, прежде чем я успела возразить, - Тибальт должен был погибнуть. Если бы я этого не сделал, мы бы никогда, никогда не вернулись назад! Застряли б в XIV веке на всю оставшуюся жизнь. Которая, кстати, была бы очень короткой, ведь тут - одни эпидемии и войны, а гигиена ни к черту.

Он сидел на траве, опершись спиной на огромный дуб. По его лбу стекали серебристые капельки пота, смешанные с кровью и дорожной пылью. Волосы спутались, нижняя их часть прилипла к мокрой шее, которую он время от времени потирал посиневшими пальцами. На изорванной рубашке красовались дыры от проколов шпаги. Словом, Никита выглядел, как самый настоящий герой.

- А представь, что мы тут остались... Уехали из города и не вернулись. Поступили так, как хотели Ромео и Джульетта, - я хотела произнести это шутя, с явной издевкой, но получилось как обычно - мечтательно, будто бы я его упрашивала.

- Спустись на землю. Феодальное рабство никто не отменял. И вообще... Для таких планов совершенно не нужно Средневековье.

- Это верно.. - я посмотрела на темнеющее небо. Очень хотелось спросить: а что нужно для таких планов? Или вернее, так: что мешало им осуществиться, там, в нашем XXI. Но не спросила, конечно… - Думаю, мне пора идти: меня хватятся скоро; новости об убийствах часто распростра-

няются быстрее самих убийств.

Никита поморщился от слова «убийство»: оно, очевидно, звучало слишком серьёзно для того, чтобы называть им предательски меткий укол шпагой, в секунду остановивший сердце врага.

- Иди, - чуть надувшись, ответил он.

- Промой рану, - я улыбнулась и потопала домой.

К ужину я уже была дома. Не снимая платья, я благополучно отключилась на час и спала бы дальше, если б меня не разбудила ворвавшаяся в комнату няня.

Она была в самой настоящей истерике: по бледным щекам текли слезы, руками она отчаянно жестикулировала, безмолвно крича, временами открывала рот, но ни слова не говорила. Я сразу поняла, в чем дело и поспешила её успокоить.

Джульетта
Ах няня, что же приключилось с Вами?
Беда ль стряслась? Смотрите: Вы слезами
Могли бы океаны наполнять.

Кормилица (всхлипывает)
АхДжули, милая, присядь…
В семье у нас случилось горе:
Твой юный муж горяч! Он в ссоре
Тибальта нашего убил.
Мне белый свет теперь постыл…

Джульетта (садится на кровать, закрывает лицо руками)
За что, за что? мой муж - убийца?
Других занятий что ли нет?
Кому ж поутру у Лоренцо
Венчальный я дала обет?..

Кормилица (утирает слезы)
Теперь же, по веленью князя
Его изгонят из Вероны...

Джульетта
Навечно ли? Судьбы жестокие законы…
Убит мой брат, и мужа гонят вон.
А как же я? Огромен мой урон!

Нет, выйти замуж за Париса я никогда бы не смогла.
Боюсь, единственный мой выход: верёвка, мыло, два столба...

Кормилица (явно не расслышав последнюю фразу)
Уймись, дитя! Будь благодарна,
Что жив Ромео твой несчастный!
Судьба, скажу высокопарно,
По-прежнему во власти нашей…
Джульетта
Задумала ты что-то, няня?
Сияет хитростью твой взор.
Скорей продолжи разговор:
Как мой Ромео? Он не ранен?

Кормилица (отрицательно качает головой)
Когда померкнет луч последний,
Когда заухает сова,
Когда уйдут твои сомнения,
Ромео вновь придёт сюда.

Джульетта
Да разве сможет он прийти,
Если его здесь ненавидят
Все до никчёмного слуги?

Кормилица
Дитя моё, я позабочусь обо всем,
Чтоб пред разлукой вам побыть вдвоём.

Так, если Никита придёт, у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить дальнейший план действий... Если, конечно, на мое счастье, у него есть хоть какой-нибудь план!

Ромео бежит

Небесный фонарщик начал лениво зажигать звезды, по одной вытягивая их из мешка и развешивая по бескрайнему пространству ночи, как гирлянды на новогодней ёлке. Усталая луна убывала потихоньку, но светила так же сильно, как вчера, не позволяя мне сомкнуть глаз. Никиту я начала ждать ещё с ужина. А потеря времени, как удачно подметил Гёте, тяжелее всего для того, кто больше знает. Мне надоело ждать, и я,

повернувшись в постели на другой бок, решила немного подумать о том, что сделалось там, в моей нормальной жизни, когда я попала сюда. И вот, когда я уже действительно начала думать без какого-либо принуждения к этому, раздался стук со стороны балкона. Курчавый силуэт чернел в неполном диске луны.

Хотя я думала, что мы будем обсуждать дальнейший план действий, это ощущение мгновенно пропало, стоило только увидеть Ника. Да и ничего не изменит никакой новый план: все и так решено...

Мы с ним не говорили, просто какое-то время смотрели на звёзды, сидя на кровати.

- Хочешь спать? - спросил он.

- Есть такое… А ты?

- Не стал бы возражать.

Испытывая некоторую неловкость от наличия двуспальной кровати в комнате, мы с Ником дружно сошлись на том, что я буду спать в ней, а он на полу, но с одеялом. Едва я легла, мне стало страшно неудобно перед ним, ведь он гость, но при этом спит на полу.

- Слушай, давай-ка ты перебирайся в кровать, а я займу твоё место. В конце концов, я ведь никогда в жизни не спала на ковре - самое время попробовать.

- Ну если ты настаиваешь, - согласился Ник после недолгих уговоров.

Мы улеглись, и я даже начала засыпать, как он вдруг сел в постели, повернулся на меня и покачал головой. Короче говоря, к утру мы оба лежали на полу в разных углах комнаты, по-братски разделив одеяло и расшитое бархатом тяжёлое, но очень тёплое покрывало.

Спала я очень тревожным сном: просыпалась раз пять за ночь в ледяном поту и с бешеным колоколом в груди. Мне без конца снились кошмары: будто бы мы никогда не вернёмся назад. Нет, не так: в будущем времени всегда есть надежда. В моем сне её не было. Мне снилось, *будто бы мы никогда не вернулись...* Хотя так ли это страшно, если мы не вернулись вместе…

Уже достаточно высоко поднялось солнце. Я поднимаюсь с пола и, не снимая одеяла с плеч, иду к Нику. Легонько касаюсь ладонью его спины, чтобы разбудить. Ноль внимания. Попробую ещё раз. Безуспешно.

- Ник, - говорю вполголоса, чтобы не напугать его. – Вставай: уже соловей поёт. Тебе пора.

- Это жаворонок, - он потянулся и, улыбнувшись, приоткрыл правый глаз.- Да нет же, слишком высоко светит солнце, чтобы это был он.

До нас опять донеслось пение соловья (а это, действительно, был он). Ник, едва распознав свою ошибку, моментально вскочил с пола и чуть пошатываясь, стал второпях натягивать ботинок, который лежал у него

возле головы. Наполовину босиком, Никита лихорадочно бегал по комнате в поисках второй половины обувного комплекта.

- А я ведь так и хотел сказать, что это соловей! Ты просто не дала мне времени подумать. Как раз соловья я и имел в виду, - он всегда, всегда старался казаться остроумным, если попадал впросак. – Между прочим, я прекрасно знаю голоса птиц. Даже был призёром олимпиады по биологии. Муниципального тура, между прочим.

Он волновался. Очень. И, как всегда, скрывал за бравадой и похвальбой собственное беспокойство и неуверенность.

Я одевалась совершенно спокойно и молча, пока Журавлев бегал за этим несчастным ботинком.

- Ты бы хоть помогла! – в глазах мольба и беспокойство.

- Ботинок надеть? – с издёвкой ухмыльнулась я. Тоже волнуюсь. За него. Поэтому начинаю дерзить.

- Супружеский долг, как-никак! - он на секунду прервал бега, а затем, ухмыльнувшись собственной шутке, начал искать дальше.

- Брак был фиктивный, - сказала я, как бы снимая с себя все обязательства, и принялась осматривать все углы в попытках заметить пропажу. - Может, он за шторами, там, где ты спал?

- Сто раз уже смотрел, - в голосе покорная безнадёжность.

Устало приподнимаю складки штор и - о чудо! - нахожу треклятую туфлю

- На, держи.

- Ну, натурально, где же ей ещё быть!

Наконец мы выбежали в сад, и Никита рванул к воротам. Спустя несколько шагов бегом, он вернулся, хлопнул меня по плечу, сказал беречь себя и, чуть помедлив, добавил, что скоро увидимся. Обязательно увидимся, пусть тоже бережёт себя и ждёт вестей от меня. Будет ждать, сидя в унылом пригороде Вероны и тоскуя по нашему совместному поиску ботинка. Пусть идёт, а то опоздает. Уже идёт. Пока. Пока!

Комната Джульетты

Леди Капулетти
Проснулась, дочь моя?
Джульетта!

Джульетта
Ах, матушка? Скажите, Вы ли это?
Леди Капулетти

(заходит в комнату)
Конечно, я. Зашла твой сон проверить.
Да ты и не спала! Глаза – в слезах!
Тибальта смерть – ужасная потеря,
Но утешение мы ищем в Небесах.
Я знаю, кто, явясь без промедленья,
Стать сможет для тебя желанным утешеньем.
Джульетта
Ничто не сможет успокоить, только время..
Сумею ль горе я такое пережить?
Кому теперь смогу я вновь поверить?
И сердце девичье открыть?

Леди Капулетти
Сумеешь, милая, коли найдётся
Опора хрупкому плечу.
Так в жизни исстари ведётся.
Совет тебе хороший дать хочу.
Однако же, начнём издалека.
Ромео… противен даже звук мне имени сего!..
Врага презреннее его
Пожалуй, не придётся лицезреть.
Монтекки должен умереть.
Отправим мы к нему гонца
С сосудом ядовитого напитка.
Один иль два глотка –
И жизни этой оборвётся нитка.
И вот уже герой самодовольный
В могиле обретёт покой невольный.

Джульетта
Позвольте, отравлю его сама?
Нет большего желания для меня,
Чем пальцы тонкие на шее у убийцы
Замком стальным навеки закрепить.
Прошу, доверьте мне его убить!
Но лишь без суеты и спешки! Верю
Здесь важен ведь расчёт и ум холодный.
Дня через два иль три, через неделю…
Повремените только!

Леди Капулетти
Что ж? Порыв твой благородный…
И если ты сама того желаешь,
В моем лице ты друга обретаешь!
Пожалуйста, сама берись ты за него!
Конечно, месть сладка, но не она
Причина тайная визита моего.
В четверг у Капулетти праздник будет!

Джульетта
Как праздник, мама? Расскажите.

Леди Капулетти
Чудесный юноша, каких сыскать нельзя,
Удачно дался в руки, попросив взамен тебя.
Томить не стану, ведь самой не терпится сказать -
Парис придёт малышку Джули в жены брать!

Джульетта
Сатира это? Ложь? Иль шутка? Если да,
Простите, мама, но её не нахожу забавной я.

Леди Капулетти (смеётся)
Сатира ли? Да это ведь мечта,
Что оживает наяву сред горя!
Все в жизни тлен, все прах, все суета!
И только брак – наш якорь в бурном море!
Ты знаешь, милая, мне много лет: уж не шучу,
Тем более мне не пристало лгать!
Судьбу твою устроить я хочу,
Пока Парис готов тебя женой назвать.

Джульетта
Но можно ли с мужчиной нелюбимым
Мне свадьбой пригрозить?
Я ведь ещё совсем мала… У нас траур унылый…
Куда мне замуж? Ну куда? Зачем спешить?

Леди Капулетти

С тобою препираться не хочу.
А раз уж так смела - пойди пожалуйся отцу.

(Входит Лорд Капулетти)
Лорд Капулетти
Ах, вот она - невеста юная! Дитя,
Но где улыбка, так сияющая счастьем?
Скрывается под скромности бессменной властью,
Ликующий порыв нескромностью сочтя?

Джульетта
Отец, я слёзно Вас прошу:
Не отдавайте за Париса!
Я замуж не хочу!
Я благодарна очень
Вам за стремление будущее дать,
Но с нелюбимым мужем буду лишь страдать.

Лорд Капулетти
Ах, что теперь я слышу за слова?
«Я благодарна», «не хочу», «Я слёзно вас прошу»!
Да просто кругом от твоих капризов голова!
Я вольностей в своей семье не допущу!
Ещё какие-то десяток лет назад
Ты пары слов связать друг с другом не смогла б.
Да будет проклята Психея,
Что с вероломством лицедея
Твой ум на свет произвела!
Единственную дочь с рождения я мечтал устроить,
Чтоб сим деянием мне старость успокоить!
Скажу ясней, чтоб до тебя дошло:
Ты либо явишься ко мне женой Париса
Иль вон из дома! Знай: иного не дано.
(Уходит)

Леди Капулетти
Послушайся отца.
Смирись. Не избежать венца.
(Уходит)
Джульетта (плачет)

Хоть ты-то, няня, поддержи меня!
Да как же выйду за Париса,
Коли другому я законная жена?

Кормилица
Ромео пусть хорош,
Но принцу далеко не ровня.
Что же за муж такой,
Раз он, не дорожа твоей судьбой,
Тибальта в гневе яростном
Прикончил?
Не грех убийце изменить.
Скажу я откровенно:
Монтекки лучше бы забыть.
И будь Джульеттой я,
Не стала б рисковать, и вышла за Париса.
По крайней мере, он перед тобой
Ни в чем еще не провинился.

Джульетта
Ты с ними, Брут?
От сердца говоришь ли?

Кормилица
Я говорю от всей души.

Джульетта
Тогда иди скорее вниз -
Родителям скажи,
Что я к Лоренцо на покаяние пойду -
Замаливать непослушание отцу.
Да будет так, как он просил.
Пускай остудит гнева пыл.

Кормилица
Благословил нас ангел!
Одумалась, дитя моё!
(Уходит)

В бессилии падаю на кровать. Стихотворные перепалки изматывали

в разы больше обычных: работа головного мозга на пределе, приходится постоянно думать, что говоришь.

С неохотой поднявшись с постели, я направилась к Саныч. Как можно незаметнее проскальзываю мимо комнаты родителей и выхожу в сад, затем за ограду, вверх по зеленеющему холму, по лысой тропинке. Подойдя к маленькому монашескому домику, слышу знакомый голос Саныча и ещё один, который смутно припоминаю.

Стучусь в видавшую виды дубовую дверь кельи.

- Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! – где-то я читала, что так положено входить в келью к монаху. Правда, для католического монаха положено, наверное, эту формулу произнести по-латыни. Ладно, я же знаю, что там, внутри, все равно Саныч. Ему латынь ни к чему.

- Входите! - ответствовал мне весёлый дребезжащий голос. Тааак… Вообще-то полагается отвечать «Аминь», но Саныч, похоже, не в образе…

За дверью мне открывалась картина маслом: Саныч, сидящий за столом с правой стороны, самозабвенно болтал о чем-то, очевидно, уморительном, потому что Парис (а это был именно он), сидящий слева, покатывался со смеху и утирал слезы с порозовевших скул. Они оба резко замолчали, как только увидели меня. Саныч негромко кашлянул.

Парис
А вот она сама!
Как рад я видеть вас, прелестная супруга!

(Святые угодники! Опять стихи! Да зачем он сюда припёрся? Я же поговорить пришла! Просто по-го-во-рить! Поперёк горла уже эта декламация!)

Джульетта
Мы не принадлежим ещё друг другу.

Парис
Уже в четверг вы будете моей женой.

Джульетта
Все в Воле Бога.

Брат Лоренцо
Да, лишь в ней одной.
Парис

А вы, должно, сюда на исповедь явились?
От горя вы прилично исхудали.

Джульетта
А я и до него красивой не была.

Парис
Зачем же очерняете себя?

Джульетта
Моё лицо, хочу и очерняю.

Парис
Ваши слова ведь и меня чуть обижают.

Джульетта
Я, вероятно, от того себя черню,
Что только этим вас задеть могу.
Свободны вы теперь, Отец?
Или прийти мне позже, пред вечерней?

Брат Лоренцо
Нет-нет, сейчас свободен мой досуг.
Оставьте нас наедине, сын мой.

Парис
Никак не смею таинству мешать.
В четверг я вас будить приду, Джульетта.
Пока - позвольте Вас поцеловать.

Джульетта
Ну нет, уж слишком нагло это!

(Парис пожимает плечами и уходит)

Иллюстрация автора

Саныч закрыл за ним дверь и усмехнулся:
- Зачем же так грубо? Или ты в плохом настроении?
- Никиту выгнали из города, со дня на день у меня предвидится свадьба с проклятым Парисом (конечно, если Вы никак этому не помешаете), а в целом - все в полном порядке!

- А мы всенепременно помешаем! - из ниоткуда вдруг появился мой мохнатый знакомый. Мне кажется, или его тут, в самом деле, не было?..

- Разумеется, мы этого не допустим, - Саныч обратился к коту. - Дружище, принесите, пожалуйста, снадобье, о котором я Вам говорил.

Кот торопливо вскочил со стула, забраться на который стоило ему невероятных усилий, и со всей неуклюжестью тяжёлой походки отправился вглубь кельи.

Вернувшись, он подошёл ко мне и с учтивой улыбкой протянул мне заткнутую пробкой крохотную скляночку, которую держал двумя длинными когтями, чтобы она не выпала из пухлых, неосторожных лап. Наполнением этого сосудика служила тёмная, почти чёрная жидкость, чуть бордовая, если поднести её к источнику света.

Откупориваю и подношу к носу таинственный пузырёк. В ноздри моментально ударяет странный пряный запах лесных трав, стоячей воды и болотной тины.

- Это яд?

Саныч усмехается.

- Помилуй, Лиза! Здесь экстракт лютика, белладонны, вороньего глаза и пара других вещей. Оригинальный рецепт монаха Лоренцо, между прочим.

Драматург, судя по лицу, был чрезвычайно доволен своим умением смешивать нужные ингредиенты в указанных пропорциях.

- И что мне с этим делать?

- Сегодня ночью, перед тем, как ляжешь спать, выпей раствор до дна. Заранее убедись, что никто не будет тебя беспокоить. Дыхание станет едва слышным, его почти невозможно будет заметить, пульс замедлится в несколько раз, и всё будет выглядеть так, будто ты совершенно мертва. В общем, как в сказке. Следующие 42 часа ты будешь спать, а мы с Никитой все устроим. Я как раз собирался послать в Мантую гонца с письмом. Никита, как получит его, немедленно прибудет сюда вместе с моим поверенным.

- Каким ещё поверенным? - я забеспокоилась. А что, если гонца перехватят, как тогда, в сказке у Пушкина?

- С лучшим из лучших! - Кот горделиво расправил пушистую грудь и подмигнул мне.

- Ну, тогда я спокойна.

Пора!

Вечера я ждала с нетерпением. Как же сильно хотелось покончить со всей этой сказочной белибердой! Едва закатилось солнце, я пожелала спокойной ночи маме с папой и побежала к себе. Судорожно копаясь в недрах сундука, где было спрятано снотворное, я уже предвкушала радость возвращения домой.

Родители всегда казались мне слишком строгими, ограничивающими мою самостоятельность и немного несовременными, но теперь, будучи заброшенной на семь сотен лет назад, когда я вспоминаю их, мне кажется, что людей, мыслящих более рационально и здраво, даже вообразить нельзя!

Забираюсь на постель со склянкой, крепко зажатой в ладони. Оглядываюсь вокруг себя и невольно вздыхаю. Нужно постараться запомнить все, что сейчас меня окружает: я больше никогда не увижу этого.

Вот огромное зеркало, украшенное золотыми завитушками. Вот моя постель с резным изголовьем. С картины мне всё ещё благоговейно улыбается Мадонна. Как ни странно, предметы в комнате не вызывали во мне никаких эмоций. Взгляд мой скользнул по шелестящим от лёгкого ветерка шторам, за которыми виднелся балкон. Почему-то очень хочется ещё разок выйти на него. Повинуюсь этому желанию и босиком ступаю на каменный пол. Призрак черных кудрей мне почудился на мгновение, и я огляделась, словно пытаясь поймать его. Пора!

Стараясь долго не думать, опрокидываю голову и залпом глотаю содержимое склянки. Комок огненного жжения пробегает по горлу. Ну, и гадость эта его Белладонна! Вопреки моим пугающим ожиданиям, ничего не произошло. Ладно, думаю, скоро подействует.

Я сидела ещё минут десять, а потом решила перечитать книгу, потому что ждать стало мучительно скучно.

Сначала страницы перелистывались достаточно бодро, но начиная с половины, мне требовалось все больше усилий для того, чтобы бегать по строкам.

«Но нет судьбы грустней на свете, чем та, что выпала...»

Я не дочитала. Глаза стали слипаться.

- Пошёл уже сорок пятый час её сна! Если бы она была в порядке, уже давно б проснулась! - говоривший явно был исполнен тревоги и нервного беспокойства.

- Николай, будьте терпеливее, - в ответствующем голосе тоже начали появляться нотки раздражения.

- Знаете, кто вы? Отравитель! И никакой я не Николай, а Никита!

- С ней решительно ничего дурного произойти не могло, - этот скри-

пучий тон прорывался даже сквозь мою сонливость.

Первым, что я увидела, были трое моих друзей, склонившихся надо мной: вздохнувший с облегчением Никита, обнаживший в улыбке клыки кот, и Саныч, придерживающий окладистую бороду, чтобы она не попала мне на лицо. Я приподняла голову и огляделась. Огромная мрачная зала освещалась факелами, из-за чего воздух был спёртым, и дышать становилось непривычно тяжело. Рядом с моим каменным пьедесталом был ещё один похожий, на котором лежал Ярик, скрестив руки на груди. Вероятно, здесь принято хоронить членов семьи вместе. От осознания того, что он мёртв, меня передёрнуло, и я отвернулась.

- Бонжур, спящая красавица, - насмешливо сказал Ник, который был все ещё бледен от испуга.

Он будто бы хотел что-то добавить, но нас прервал Саныч.

- Сейчас не время для обмена сантиментами. Дома все обсудите. А теперь за мной.

Я с радостью вскочила с погребальной постели, на которую меня заботливо уложили ничего не подозревающие слуги, пока я спала. Голова резко закружилась от долгого бездействия, и я бы упала, если б меня не схватил под локоть кот.

- Мадам, осторожнее!

- Похоже, кто-то претендует на твои прерогативы, - я весело улыбнулась Нику, и он с притворной обидой фыркнул.

- Идёмте за мной, - Саныч махнул рукой, в которой держал факел, в сторону коридора.

Покинув хорошо освещённый зал, мы нырнули в темноту закоулков замка. Завидев нашу компанию, обычный средневековый человек, должно быть, не сильно удивился бы: среднего телосложения бородатый монах с осанкой балерины, ещё полчаса назад считавшаяся мёртвой рыжая девочка (я вообще удивлена, что меня тут не сожгли), зеленоглазый кудрявый парнишка со скулой, рассечённой в вооружённой схватке, и жирный, удивительной пушистости чёрный кот, то и дело глядящий на золотой циферблат своих наручных часов.

Когда наше шествие уже стало казаться мне мучительно долгим, мы завернули в одно из ответвлений сложной системы коридоров и оказались у широкой деревянной двери. Комната, скрывавшаяся за ней, очень напоминала среднестатистическую гостиную, но, естественно, с оговоркой на исторический период. Посреди помещения пылал огромный, под два метра, камин. И пылал, что примечательно, зелёным пламенем. Около камина, на шкуре неизвестного дикого зверя (он лежал ко мне спиной) стояли два кресла с кожаной обивкой. На каминной полке лежал берет, (кажется, бархатный), украшенный пером. Завершающей деталью

всей картины служила сверкающая от пламени шпага, лежавшая под этим самым беретом.

- Ну что, присядем на дорожку, друзья? - Саныч плюхнулся в кресло. Кот последовал его примеру, но заметив мою усталость, вскочил с него и кивком предложил мне сесть.

- Так о чём было все это?.. Мы жили в спартанских условиях сурового Средневековья, чуть не погибли, и того хуже - поженились! - Ник явно дразнил меня.

- Разве женитьба - плохой опыт? Мне кажется, он каждому пойдёт на пользу, - задумчиво отозвался Кот, разместившийся возле камина, и протянул к пламени лапы.

- Во всем этом определённо был куда более важный смысл, чем просто испытать на себе известную историю любви... Может, никакая это была не любовь?.. Но до разгадки вы должны дойти сами, ведь иначе в ней для вас совершенно не будет смысла, - Саныч улыбнулся, посмотрев на меня, а потом на Никиту. - Ну, а теперь пора! Пора! Дружище, идите первым, чтобы новички не боялись.

Кот почтенно кивнул и без тени страха ступил в огонь.

- Вы что, рехнулись? - закричала я и уже кинулась вытягивать кота из камина. Ник меня остановил.

Котище хихикнул и заверил, что бояться нечего.

- Диагон аллея! - крикнул он, и... Ничего не произошло. Заметив наше недоумение, он снова захихикал.

- Неужели «Гарри Поттера» не читали? - Саныч закатил глаза.

- Что, опять плохо пошутил? Ну, как угодно-с! - и в ту же секунду пламя поглотило пушистое тело, не оставив никакого следа.

- Ладно, пойдёмте, я вас проведу, - учитель сказал это с немного виноватым видом. Похоже, ему нередко приходилось чувствовать за Кота неловкость.

Зажмурившись, делаю шаг в бешено колышущиеся языки пламени и, к своему удивлению, не чувствую ровным счётом ничего. Никита, ещё раз убедившись, что опасности нет, ступил вслед за мной. Затем Саныч.

- Domum!

Зеленые языки подпрыгнули внутрь дымохода, страшно шипя и извиваясь.

Мы отправились домой.

Эпилог

Мутное видение рассеивается, и я с радостью осознаю, что нахожусь у себя в комнате, в родной постели, в самой обычной пижаме, состоящей

из шорт и футболки. Какой же странный это был сон! И ведь такой реальный… Мне даже на секунду показалось, что все это произошло на самом деле. Ну, натурально, чего только не приснится после тяжёлого дня!

За окном снег валит так, будто небо собиралось им разражаться еще долгие годы. Окно приоткрыто, и снежинки залетают прямо в комнату. После недолгого падения, они приземляются на мои волосы, чтобы потом на них растаять, сделав пряди мокрыми. И тогда мама обязательно заставит надеть шапку, ведь иначе я заболею.

Не поворачивая головы, протягиваю руку к тумбочке, чтобы взять телефон. Нужно следить за временем: в десять у нас с Ником репетиция в школе. Часы показывают 9 часов 17 минут, отчего я мгновенно просыпаюсь и начинаю собираться с быстротой, которая, как мне казалось, невозможна. Ищу нужный свитер, выкидывая с полки каждую вещь, препятствующую поискам. Наконец в глубине шкафа мелькнул лиловый рукав. Вытягиваю за него свитер, а потом закидываю все, что было в шкафу до разгрома, обратно. Невольно застываю на месте. Внутри что-то задребезжало, и я почувствовала, что этот момент мне очень знаком.

Иллюстрация автора

Опомнившись, я продолжила одеваться, хотя дежавю меня не покидало.

Машина Никитиной мамы уже подъехала, и сразу же, по своему обыкновению, он стал нетерпеливо названивать с требованием «перестать возиться».

Всю дорогу Ник молчал, что было совершенно на него непохоже.

Последний поворот, за которым уже виднеется школьный двор. Мы вылезаем из машины и идём к зданию. Никита то и дело странно поглядывает на меня.

На покрытой снегом скамейке, словно лишний, сидел чёрный кот. Он с любопытством проводил нас взглядом, заметив который, я почему-то вздрогнула. Очень, очень странно..

- Счастливого Рождества! - низкий, но приятный баритон прозвучал за моей спиной.

- Простите, что? - резко оборачиваюсь, но за моей спиной не оказывается никого, кроме колоссальных размеров жирного, чёрного, словно сажа, кота, смотрящего мне прямо в глаза с какой-то саркастической, вовсе не звериной ухмылкой.

ТАЙНА ТРЕХ АМУЛЕТОВ

Максим Алешин

Каково быть де Бюро

Калеб стоял в библиотеке, прислонившись к шкафу из золотистого дуба, и листал толстую книгу. Жан внимательно наблюдал за Хозяином.

– В 1462 году наш величайший император Марин III наголову разбил войско… бла-бла-бла… Почему, когда читаешь историю империи Маринов, всегда одно и то же: «Слава императору!», «Слава его династии!», «Слава императорским деяниям!»? Причём всегда «величайший», «великолепный». Почему, а, Жан!?

– Не знаю, ваше превосходительство!

– Эх, Жан! Если бы ты знал, как нужно писать историю! Особенно историю нашей великой державы. Её нужно писать каждый день, описывать всё до мельчайших подробностей. Не стесняться каких-либо промахов императора – ведь будущее поколение учится на ошибках прошлого. А с такой историей народ будет думать, что всё всегда было хорошо. Вот сейчас же не самое лучшее время? А историки напишут, что всё было прекрасно. Слава Императору!

– Ничего по этому поводу сказать не могу, ваше превосходительство.

– Ай, ладно! Пустые разговоры. Что ты хотел мне передать?

– Вот, ваше превосходительство, ваш отец велел передать вам вот это.

– Спасибо, Жан. И, ради Бога, перестань называть меня «ваше превосходительство», называй просто Калеб.

– Да, я понял вас, ваше …

– Калеб, Калеб! Жан, я не люблю, когда меня так называют. Мог бы уже и запомнить за двадцать лет.

Калеб взял у Жана свёрток, покрутил в руках. На ощупь это был какой-то металлический предмет. Всё это было несколько неожиданно. Давно Калеб не получал вестей от отца. Когда-то всё было иначе: долгие разговоры, жаркие споры у камина… Теперь всё изменилось. Теперь… Он развернул бумагу. Внутри оказались медальон в виде грифона и письмо.

Прекрасная тонкая бумага, водяные знаки герба, проступающие сквозь мелкие, скошенные влево буквы. Чуть подрагивающий старческий почерк, чуть неровные строчки: у отца, наверное, дрожала рука, когда он это писал. Волновался старик. И слова, скупые на эмоции отцовские слова:

«Сын, ты уже стал достаточно взрослым, чтобы управлять нашим

имением. Ты прекрасно знаешь, каково это - быть графом де Бюро. Ты – отличный наездник. А это одна из главных черт нашей династии. И поскольку я оставляю наши земли под твоим руководством, я дарю тебе этот медальон. Он передавался в нашей семье из поколения в поколение. И ещё. Этот амулет «не простой, а золотой». Ну, я надеюсь, ты понял, что я имею в виду.

С искренним уважением Граф Роберто де Бюро».

Вот так, значит. «С искренним уважением…» Дочитав письмо, Калеб аккуратно сложил лист вчетверо и отдал его Жану. Сам же принялся разглядывать амулет. Амулет и впрямь был непростым: из чистого золота, в глазницах грифона красовались огромные рубины. Цепочка на редкость вычурного и замысловатого плетения была сделана из серебра.

– Он великолепен!- воскликнул Калеб. – Настолько великолепен, что невозможно оторвать глаз. Какая изысканность и простота! Какая чистота камней!

– Калеб, я бы на Вашем месте надел его на шею, чтобы показать всем своё величие!

– И то верно! – Калеб аккуратно растянул цепь, надел амулет себе на шею, потом подумал минуту и спрятал его за пазуху. – Пойдём, Жан, меня уже тошнит от библиотеки и этих слащавых книг.

Они вышли из библиотеки в коридор. Здесь всё было по-прежнему. Вдоль стен стояли позолоченные доспехи, пол устилал ковёр из синего таконского бархата, стены были украшены гобеленом с гербом де Бюро, на котором был вышит золотой грифон с двумя перекрещенными алебардами. Внизу герба блестели золотом слова девиза: «Благородство проявляется в поступках».

– Знаешь, Жан … – с какой-то странной ухмылкой произнес Калеб, – мне до сих пор весело вспоминать историю создания нашего герба.

– Я никогда её не слышал, ваше … кхм, кхм …Калеб.

– Я обязательно тебе как-нибудь расскажу эту забавную историю, а сейчас я собираюсь заглянуть на кухню, потому что серьёзно проголодался. Мой отец говорил: «Голодный граф не в состоянии удержать поводья лошади».

Они дошли до конца центрального коридора и повернули в другой, поменьше. Дойдя до винтовой лестницы, Калеб попросил Жана подождать его в кабинете, сам же поднялся наверх.

Кухня в графском замке походила не столько на обычную кухню, сколько на большой обеденный зал с огромным камином в полстены. Посередине зала стоял большой обеденный стол. Стульев не было. Только один стул, напоминающий, скорее, королевский трон, возвышался во главе стола.

– Мозли! Мозли!

– Да, ваше …

– Да что ты будешь делать! Я говорю – Калеб, меня зовут Калеб! Что, так трудно запомнить?

– Простите, господин …

– Мозли! Дорогая моя! Я ведь и тебе, и всем остальным уже говорил, что я не люблю, когда меня называют так. Достаточно просто «граф», если тебе так удобно!

– Хорошо, граф. Вы звали меня?

– Да, Мозли. Ты можешь разогреть жареный окорок – я очень голоден, ничего не ел со вчерашнего утра кроме халасских устриц. Нет слов – они вкусны, но насытиться ими невозможно!

– Сейчас всё будет, граф, подождите немного. А вино? Какое вам подать вино?

– Принеси молока: по утрам я не пью, – граф нахмурился и направился к столу.

Мозли кивнула и быстрыми шажками, похожими на подпрыгивания хлопотливой воробьихи, подошла к вертелу, что-то там покрутила, зажгла огонь, и через несколько минут кухню наполнил аромат запечённого Джаггернаута.

Калеб уселся на свой «обеденный трон» и понял, что очень устал от ночного переезда из Изумрудной столицы в имение де Бюро. Он рассеянно разглядывал кухню, с удовольствием отметив про себя, что ему очень уютно здесь, за этим столом. Глаза его начали слипаться и уже совсем было закрылись, но в этот момент Мозли принесла наконец-то молоко и окорок.

– Спасибо тебе, Мозли! – Калеб улыбнулся.

– Пожалуйста, граф! – кухарка вытерла руки о край подола юбки и тихо отошла.

Калеб взял вилку и нож, как подобает по этикету, но быстро понял, что у него нет на это ни сил, ни времени. Он положил приборы на стол и начал засовывать в рот истекающие соком куски окорока.

– Граф! – возмутилась Мозли.

– Флуфаю! – безразлично ответил Калеб, раздумывая над самой насущной в данное время проблемой: чем бы вытереть подбородок.

Мозли с нежностью посмотрела на хозяина и подошла ближе.

– Видите ли, я выхожу замуж. Родители жениха требуют не меньше 100 кредитов. Но у меня нет денег, а значит, нет и приданого. Я очень надеюсь на Вашу щедрость и хочу просить Вас… Не дадите ли Вы мне такую сумму?

– Мозли, что за глупый вопрос? Разумеется! – уже насытившись, произнёс Калеб. – Я дам денег, но с одним условием. Ты со своим мужем, – Ка-

леб широко улыбнулся, – будешь жить рядом со мной, с северной стороны замка. Я распоряжусь, чтобы вам построили приличный дом.

Мозли вопросительно взглянула на хозяина.

– А что тебя удивляет? Иначе я умру с голоду! – Калеб засмеялся так, что зазвенела посуда. – Так, как ты, не умеет готовить никто. Твоему мужу повезло!

– Спасибо! – кухарка прижала руки к груди и тихо заплакала.

Калеб поднялся, похлопал Мозли по плечу и направился в свой кабинет. Жан расположился в кресле рядом с книжным шкафом и явно нервничал, ожидая графа. Калеб молча подошёл к письменному столу, уселся в своё любимое кресло и открыл ящик с бумагами, в котором находились банковские счета, документы, письма от друзей и знакомых. Здесь же хранились любовные послания, написанные наивными молодыми баронессами, нервными графинями и стареющими герцогинями. Эти письма Калеб обычно читал с ухмылкой на лице, а дочитав, клал в ящик и напрочь забывал про них. Он рылся в ящике. В данный момент молодого графа интересовало письмо от старого друга, барона Манку.

– Вам помочь? - приподнимаясь с кресла и делая шаг навстречу, поинтересовался Жан.

– Нет, спасибо, дружище, я уже нашёл!

Жан вернулся на свое место.

Калеб достал письмо и положил его на стол. В задумчивости он скрестил руки на груди и с каким-то странным выражением лица обратился к Жану:

– Так что ты хотел от меня?

– Калеб, я давно не виделся с моей семьёй и очень соскучился по жене и сыну. Я прошу вас отпустить меня на пару недель.

– Хорошо, Жан. Я разрешу тебе покинуть замок, но сначала ответь мне на один вопрос.

– Я внимательно вас слушаю, граф.

– Почему мой отец уехал из дома, не дождавшись моего возвращения и даже не предупредив меня? Ты же был с ним всё это время? Ты не мог не знать!

– Да.

– Ну, так будь уж так любезен, скажи – почему?

– Калеб, всё, что я могу сказать вам, так это то, что ваш отец уехал в Земли Неупокоеннных. Больше я ничего не знаю. Я отговаривал его, но он, как обычно, не хотел меня слушать.

– Земли Неупокоенных?! Не верю! Только умалишённый туда поедет в одиночку! – Калеб вскочил, как ужаленный. – И ты молчал? Всё это время молчал? Я мог бы броситься следом и остановить его!

– Значит, Ваш отец умалишённый. Он вместе с королем Толана собрался вести войну против Неупокоенных. И остановить его вам никак не удалось бы. Кроме того, он строго-настрого запретил писать вам об этом.

– Холера! И что теперь делать? – Калеб принялся кружить по комнате. По мере того, как его волнение возрастало, шаги становились всё шире, всё твёрже, всё увереннее.

– Калеб, успокойтесь, прошу вас. Пойдите в сад: там дивный аромат! В эту пору зацветает ласточкина трава. Цветы как раз распустились сегодня ночью. Вам ведь всегда нравился этот запах. Не так ли?

– Но мне надо...

– Идите в сад, отвлекитесь. Поверьте мне: тут уж ничего не поделаешь.

В саду сегодня было по-особенному тихо. Даже птицы, сидевшие на ветках, тише обычного напевали свои песни. Повсюду распространился запах ласточкиной травы, сладковатый и терпкий одновременно. Калеб втянул пьянящий воздух, сделал несколько шагов. Он заметил, что справа, у дорожки, один цветок увял и опустил свою головку. Калеб быстро оглянулся и, убедившись, что он один, легко махнул скрещёнными особым образом пальцами. Цветок ожил, листья расправились и потянулись к солнцу.

Калеб любовался цветком. Капля дождя упала на его руку. Затем вторая, третья. Дождь накрапывал, ускоряясь и превращаясь в настоящий ливень. Дублет Калеба тут же намок. С длинных волос стекали крупные капли дождя.

– Зараза, только этого мне не хватало!

Где-то вдали послышался плач девочки. Кто-то тоненьким голоском произнёс: «Бабушка, бабушка, Ясю шмель укусил».

Новый приятель

Ветер усилился. Воздух наполнился дурно пахнущей сыростью и пронизывающим холодом. Луна огромным шаром медленно вползла на свое место.

– Полнолуние, – глухо произнёс наездник.– Не к добру.

Замёрзшая лошадь, вся в мелких бисеринках ночного тумана, медленно подошла к конюшне, недовольно фыркнула и остановилась. Человек, сидящий на лошади, опустил поводья и спрыгнул. Он привязал лошадь, осмотрелся в поисках пропитания для уставшего коня, но, ничего не обнаружив, похлопал лошадь по боку и отошёл.

Тёмный кожаный плащ незнакомца был густо замаран дорожной

грязью, лицо закрывал капюшон. Только кольчуга поблёскивала в темноте. Он посмотрел на свои наручи и отметил про себя, как красиво они переливаются в лунном свете.

Незнакомец некоторое время стоял в темноте, как будто прислушивался. Потом резко повернулся, сделал несколько шагов и вошёл в таверну.

Внутри было очень оживлённо, несмотря на поздний час. При тусклом свете ламп люди пили и ели. Стоял невообразимый шум: звон посуды перемешивался с криками, обращёнными к хозяину, кто-то в углу громко сквернословил, но присутствующие не обращали на это никакого внимания. Незнакомец с трудом протиснулся между сидящими людьми и подошёл к стойке.

– Что подать? – безразлично, усталым голосом спросил хозяин, даже не взглянув на вошедшего.

– Подайте ваш фирменный напиток, – с аристократической важностью ответил незнакомец.

– Улуруский или касторский?

– Да давайте и тот, и другой.

Хозяин удалился. Незнакомец разглядывал людей, и ему показалось, что заказ несут слишком долго. Через некоторое время хозяин водрузил на стойку пару бутылок и взял с полки глиняную кружку.

- Вот ваш заказ! – хозяин безразлично и мельком взглянул на человека, для которого принёс бутылки, но вдруг вздрогнул всем телом, словно от удара хлыстом. На него из-под капюшона смотрели глаза с абсолютно красными зрачками. Он приглушённо охнул и выронил кружку.

– У вас кружка упала, – произнёс незнакомец спокойным голосом.

– Да-да, сейчас принесу другую, – засуетился хозяин и вытер пот со лба.

– Она не разбилась?

– Ннет, – хозяин старательно отводил глаза, боясь встретиться взглядом с незнакомцем.

– Тогда оставьте эту! – сказал незнакомец и легко, но внушительно стукнул кулаком по стойке.

Хозяин протёр грязной тряпкой кружку и наполнил её до краёв. Незнакомец несколькими глотками осушил кружку, схватил бутылку и принялся пить прямо из горлышка, запрокидывая голову и захлёбываясь. За стойкой стоял перепуганный хозяин, не зная, как ему избавиться от такого посетителя. О том, чтобы спросить денег за выпитое, он и не помышлял. Незнакомец поставил пустую бутылку, вытер рукавом плаща рот и выдохнул.

– Может… что-нибудь ещё? – пролепетал хозяин.

– Нет, благодарю, этого достаточно.

Хозяин поклонился и быстрыми шагами удалился на кухню.

Незнакомец пододвинул кружку, налил другой напиток из второй бутылки, но пить не стал.

Шум в таверне усилился. Кто-то задел лампу, которая, качаясь из стороны в сторону, создавала неровный и зловещий свет.

Незнакомец опустил руку за пазуху и вытащил медальон из чистого золота в виде грифона; в глазницах грифона красовались огромные рубины.

– Эй ты! – кто-то обратился к нему грубо и нахраписто.

– Что тебе? – незнакомец повернулся.

– Сколько стоит твой амулет?

Над незнакомцем нависла грузная туша, дыша ему в лицо чесноком и луком.

– Не продаётся! – сухо отрезал незнакомец и привстал со стула.

– Ишь ты! А почему это? – задев незнакомца, толстяк придвинулся ближе, размахивая руками и заваливаясь на стойку огромным телом.

– Прошу тебя, дай мне допить, – явно теряя терпение, произнёс незнакомец.

Толстяк выхватил кружку, попытался выпить, но опрокинул кружку и вылил содержимое на плащ незнакомца, который молниеносно повернулся, сделал шаг назад и одним ударом колена свалил с ног грузное тело. Толстяк опрокинулся, громко крякнул и тут же приподнялся, вытирая разбитый о спинку стула нос. Последовал ещё один удар сильнее прежнего, и расквашенное лицо на глазах раздулось, превратившись в кровавое месиво.

– Бейте его! – выплёвывая выбитые зубы и размазывая кровь по лицу, заорал во всю глотку толстяк, сидевший на полу. Незнакомец придвинулся ближе к стене, пытаясь оценить ситуацию и понимая, что будет нелегко.

Первым вскочил верзила, который огромными руками схватил стол. Посуда с грохотом посыпалась на пол. Подняв стол над головой, верзила снова задел лампу и бросился на незнакомца. Вокруг стонала и бесновалась толпа.

– Дай ему, Хестор!

– Покажи этому чужаку!

– Убей его!

– Научи хорошим манерам этого невежу!

Незнакомец прыгнул на верзилу, ударил его ногой и быстро отскочил, чтобы падающий стол не задел его. Верзила сложился как карточный домик, сел на колени, а затем завалился на бок, корчась от боли.

Стол грохнулся о стойку и отлетел на сидящих рядом двоих мужчин. Те переглянулись, не сговариваясь, выхватили дубинки и бросились на незнакомца. Он ловко уклонился, дубинки ударились об пол. Одну из них незнакомец подхватил и тут же с силой опустил на голову подбежавшему. Присутствующие поднялись со своих мест, с криками смешались в единую кучу, норовя покалечить друг друга. В руке незнакомца блеснул металлический предмет. Те, кто стояли рядом, расступились и замерли.

– Я не шучу! – незнакомец выставил руку вперёд. Стилет угрожающе сверкнул начищенным лезвием.

Несколько человек, сбившись в кучу, попытались приблизиться, но не могли сделать и шагу. Непонятная сила удерживала их на месте. Откуда-то сбоку вынырнул человек небольшого роста, накинулся на незнакомца, но резко остановился, наткнувшись на стилет. Ноги его ослабли, подкосились, и он рухнул на пол.

Толпа мгновенно притихла и рассеялась. Некоторые бросились вон. Остальные уселись на свои места, переглядываясь между собой и искоса поглядывая на незнакомца. Хозяин стоял за стойкой, не в силах пошевелиться.

Незнакомец засунул стилет за голенище, постоял немного и откинул капюшон –длинные волосы разметались по плечам. Его абсолютно красные глаза вглядывались в толпу.

– Браво, браво! Ты, я вижу, искусно владеешь своим… Как его там называют, забыл, – голос принадлежал человеку, который стоял в углу.

Незнакомец повернулся в эту сторону, пытаясь разглядеть лицо, и негромко процедил:

– Это называется стилет. А тебе какое дело?

– Я всё время забываю названия всех этих сложных штуковин. Сам я пользуюсь исключительно секирой, и мне ни к чему другое оружие.

Незнакомец внимательно посмотрел на говорящего, сел на стул и, крутанувшись всем корпусом, повернулся к присутствующим.

– Ну что, онемели? Валите отсюда, пока я совсем не разозлился!

Все, кто ещё находился внутри, мгновенно поднялись со своих стульев и бросились к выходу. Дверь, сорванная с петель, качалась, скрипела и норовила упасть.

Незнакомец быстро подбежал к выходу, приподнял дверь и с грохотом захлопнул её. Воцарилась неприятная тишина. Хозяин всё ещё молча стоял за стойкой.

– Две кружки вашего фирменного пойла! И быстро!

– Да, сию минуту! – казалось, хозяин обрадовался такой возможности и быстро исчез за дверью кухни.

Незнакомец уселся за круглый стол, рукой приглашая говорящего

присоединиться к нему.

Ну что, поговорим. Похоже, есть о чем.

Человек вышел из угла и присел на стул, который стоял напротив.

Незнакомец был поражён: перед ним сидел Таинственный Маг, в чём не было никаких сомнений. Одет он был в белую рясу с синим узором, голову прикрывал шерстяной капюшон.

- Что с твоим лицом, Калеб? - Маг опустил капюшон. - Ты удивлён?

- Откуда ты знаешь моё имя?- Калеб во все глаза уставился на Мага. Хозяин поставил две кружки вина на стол.

- Смешно! Тебя трудно не узнать! Красные зрачки, ведёшь себя как хозяин.- Маг сделал глоток. - Ну да и неудивительно, когда-то ты владел этими землями. Я не ошибаюсь?

Калеб ошарашенно смотрел на Мага.

- Вижу, что не ошибаюсь, - Маг ухмыльнулся. - А теперь эти животные хозяйничают в твоём замке, завладели твоими землями и делают все, что им заблагорассудится. Хорошо ещё что твой отец не знает об этом.

- Да кто ты такой, черт тебя раздери?! - Калеб вскочил со стула.

- Да ты успокойся, - Маг улыбнулся и усадил Калеба на место. – Хочешь узнать, кто я? Я - Мастер некромантии и разрушений. Меня зовут Ланс, - Маг опустил капюшон. - Ты не веришь мне, и это понятно.

- У тебя…. Глаза … - Калеб уставился на Мага.

- Да, верно, зелёные. Я не стану дожидаться пока ты придёшь в себя, тем более, что это произойдёт не скоро, - Ланс развязал мантию и вытащил амулет в виде головы грифона. Глазницы грифона украшали роскошные изумруды.

- Но…- Калеб ощупал правой рукой свой амулет.

- Да-да, похож на твой, но с зелёными камнями.

Калеб по-прежнему не двигался, только красные глаза его блестели. Было понятно, что он ждал продолжения.

- Итак, теперь ты знаешь, что нас двое. Но это не все. Амулетов четыре. И людей, соответственно, тоже четверо. Каждый, кто имеет такой амулет, обладает определённой силой. Ты что-нибудь знаешь об этом? - Ланс с удовольствием выпил фирменный напиток, не надеясь на то, что Калеб когда-нибудь заговорит. - В твоём случае любая магия не может нанести тебе ни малейшего вреда.

Калеб повернул голову в ту сторону, где все ещё лежал убитый человек. Потом рассеянно взглянул на Мага.

- Я понял! Вот почему, когда я ехал по Эльфийской дороге, вся эта свора некромантов не смогла приблизиться ко мне. Их аура оказалась бессильна против моего амулета, а их трупы остались лежать там же.

- Верно, - Ланс слегка улыбнулся. - Наконец-то ты в состоянии хоть

что-нибудь соображать. Существует великое предание о целостном амулете грифона, и я расскажу тебе об этом. Когда-то…

Калеб не дал ему говорить.

- Что ты рассказываешь мне сказки, как маленькому ребёнку. Я - граф, хотя это и не очень заметно теперь. Будь добр, разговаривай со мной нормально!

- Хорошо,- Ланс резко отодвинул кружку. - А теперь заткнись и слушай.

Калеб смутился, и, чтобы сгладить неловкость, крикнул хозяина и попросил принести рагу из кабана.

- Что-то я проголодался, - обратился он к Магу.

- Да, я тоже, - ответил Ланс.

Перемирие как будто состоялось.

Хозяин переминался с ноги на ногу. Потом осмелел и воскликнул:

- Вы уже заказали слишком много, но денег я ещё не видел!

- Я заплачу тебе, не волнуйся! За себя и моего собеседника. Принеси еды!

Хозяин недовольно кивнул и, пройдя мимо кухни, быстро юркнул в соседнюю дверь.

Калеб повернулся к Лансу и прищурился.

- Ну, так продолжим. Что там про единый амулет?

- Да, амулет. Я …

Договорить Маг не успел. В это момент в таверну ворвались семеро солдат. Один из них резко дёрнул рукой, и тяжёлый метательный нож лязгнул о наручи Калеба.

- Вот сейчас начнётся потеха! - с улыбкой произнёс Ланс.

- Ну, вдвоём точно веселее! - Калеб улыбнулся в ответ.

В замке Манку

- Калеб, скажи мне, далеко ещё?- ёрзая в седле, вопросительно воскликнул Ланс.

- Ну, я думаю, полдня пути, не меньше, - Калеб задумался, прикидывая расстояние. Последний раз он был в гостях у своего друга год назад и не очень хорошо помнил дорогу. Он мысленно вернулся к тому письму, которое так долго не мог найти в ящике своего письменного стола, и теперь повторял про себя текст, в который раз задумавшись о том, что ждёт его по приезде в замок.

- А что, этот твой барон, так далеко живёт? Вы друзья?

- Да, в некотором роде мы друзья с бароном. Его зовут Манку де Лес. В этих краях барон родился и в данный момент управляет родовым имением. Иметь дом рядом с Изумрудной столицей очень почётно! Я - граф,

хотя по мне этого сейчас не скажешь, титулом выше, а живу далеко, - скулы Калеба напряглись. Он поторопил коня и вырвался немного вперёд, не желая продолжать разговор.

Ланс догнал его и, опередив, заглянул в лицо.

- А что твои владения? - как ни в чём не бывало спросил Ланс.

Калеб убрал волосы с лица, резко потянул поводья на себя так, что жеребец остановился.

- Прекрати, Ланс! Оставь меня в покое! - громко выкрикнул он.- Я просил тебя не напоминать мне о потерянном имении, но, кажется, ты ничего не понял!

- Ах да, ну прости, - съехидничал Ланс.

- Хватит! - красные зрачки Калеба стали почти чёрными.- Давай сосредоточимся на настоящем!

С этими словами он достал фляжку, сделал несколько глотков и протянул её Лансу.

- Будешь?

- Да, пожалуй. А что это?

- Пей, много хочешь знать, впрочем, как всегда! Фирменный напиток трактирщика! Целебная штука, между прочим: на травах, на меду… Пей…

Ланс взял протянутую флягу, сделал два глотка. Его зелёные глаза округлились, рот непроизвольно задёргался. Он зажмурился, зажимая ладонью рот. - Ради всех святых, скажи мне, что это за бурда????

Калеб засмеялся, радуясь тому, что смог отомстить приятелю:

- Ой, какой ты нежный! Это эликсир! Он приготовлен из Ласточкиной травы, молочая и шляпок мухомора. Хочешь ещё?

Калеб еле удержался на лошади, до того ему было весело; он хохотал, запрокидывая голову назад, и долго не мог успокоиться.

- Отвяжись! Как это можно пить???

- Ланс, тебе должно быть известно, что, обладая магическими знаниями, дух необходимо все время поддерживать. С этой целью и был сделан эликсир.

- Да, мне известно! Мы делаем настоящий эликсир, а не вот такую препротивнейшую жижу, - Ланс поморщился. - Нам удаётся сделать этот напиток более приятным, добавляя яблочный сок. Да! Яблочный сок! И не нужно корчить рожи! Мне известно, что без мухомора не обойтись, но это не значит, что напиток нельзя улучшить.

- Как ты меня утомил, Ланс! За эти три дня пути ты надоел мне хуже пареной брюквы. В таверне, когда мы уложили восьмерых солдат, мне было значительно веселее.

Калеб заметно устал. Он выхватил фляжку из рук Ланса и сделал ещё несколько глотков. Ему стало казаться, что они вечно будут тащиться по

эльфийским дорогам и тайна третьего амулета так и останется неразгаданной.

- Нет, это не может больше так продолжаться! - Ланс попытался остановить лошадь, но не смог.- Да ты можешь сказать, как долго мы ещё будем ехать?! Скоро вечер, и я изрядно проголодался!

Калеб хотел огрызнуться, но именно в этот момент, когда лошади, отдуваясь и фыркая, спускались с горы, наездники увидели замок. Его высокие стены казались выбеленными на солнце, величественные башни стремились ввысь, а флаги важно развевались на ветру.

- О! Наконец-то! - Ланс обрадовался и поспешил слезть с коня, зацепился ногой за стремя и с грохотом повалился на землю. - Чтоб ты пропал, дружище, с твоим бароном и треклятым единым амулетом!

Калеб улыбнулся, не спеша спустился с лошади, подал руку Лансу и, передав поводья приятелю, отправился на поиски места, где можно было бы привязать лошадей. Но он не успел сделать и шагу - перед ним возникли два гвардейца. Ланс уныло плелся сзади, ему было неудобно вести двух лошадей.

- Остановитесь! - гвардейцы решительно перегородили дорогу.- Кто вы такие?

- Я - Калеб, а этот с лошадьми - Ланс.

- Мы вас не знаем, да и барон не принимает всякий сброд.

- Кто это здесь сброд?! - Ланс подошёл ближе.- Может быть, я и скромный Маг, но это не даёт вам…

Калеб жестом показал Лансу, чтобы тот замолчал и, приосанившись и гордо вытянув шею, произнес:

- Граф де Бюро!

Гвардейцы переглянулись между собой, потом посмотрели на двух грязных и странных наездников и, выставив одну ногу вперёд, почтительно поклонились.

- Добро пожаловать, граф!

Калеб поморщился, но промолчал.

- Спасибо большое, господа, - слишком поспешно произнёс Ланс.

Гвардейцы, даже и не глянув в его сторону, обратились к графу:

- Это человек последует за Вами, уважаемый граф?

- Да, мы прибыли вместе, вместе и пойдём в замок!- Калеб начинал раздражаться, и гвардейцы это почувствовали.

- Тогда милости просим!- с этими словами гвардейцы открыли ворота.

Ланс попытался провести двух лошадей, поскользнулся на камне и упал. Лошади протащили его несколько метров по земле.

Гвардейцы засмеялись, но, когда они увидели зелёные глаза поднявшегося Мага, тут же затихли.

- Вы его извините, господа, он немного неуклюжий и вспыльчивый! - Калеб улыбнулся. - Но, в сущности, очень хороший.

Ланс насупился, отряхнулся и, передав поводья гвардейцам, гордо направился к донжону. Калеб усмехнулся и последовал за ним.

В донжоне было уютно. Высокие потолки, ковры из красного бархата устилали полы. Вдоль стен высились колонны, играла музыка. Гости веселились и танцевали. Увидев двух вошедших посетителей, Манку де Лес извинился перед гостями и поспешил им навстречу.

- Кто вы такие?- недовольно произнёс барон. - Я вас не приглашал.

- Ну, Манку, разве так встречают старых знакомых? - улыбаясь и раскрывая объятия, громко воскликнул Калеб.

- Калеб, это ты, дружище? - барон был крайне удивлён.

- Манку, ты, как всегда, удивительно догадлив! - Калеб поспешил обнять друга.

- Калеб, дорогой, девять верховных богов, неужели это ты?! - барон был существенно ниже графа и уткнулся носом в плечо Калеба. - Какими судьбами?

- Как?! - Калеб недоумевал. - Ты же сам пригласил меня к себе письмом.

У барона округлились глаза:

- Нет, я хотел пригласить тебя к себе, даже написал письмо, но мой почтовый голубь вернулся обратно.

Калеб пребывал в задумчивости. Ланс переминался с ноги на ногу.

- Манку, я получил от тебя письмо. Три дня мы ехали по пыльным дорогам, и я был уверен, что ты ждёшь меня, – с этими словами Калеб достал из-за пазухи бумагу. - Вот оно.

Барон выхватил письмо, быстро пробежался глазами по тексту.

- Но, Калеб, не я писал это, - Манку стоял растерянный, держа в вытянутой руке письмо.

С верхней площадки лестницы бесшумно спустилась высокая молодая женщина. Она подошла. Манку, обняв её, произнёс:

- Калеб, я женился. Познакомься, это моя жена Элеонора.

Женщина протянула руку и негромко произнесла:

- Граф, это письмо написала я!

- Зачем? - одновременно, воскликнули лорды.

- А затем, мой дорогой муж, что ты палец о палец не ударил, чтобы

хоть как-то уладить ситуацию на рудниках. - Элеонора прищурилась, перевела взгляд на Калеба и продолжала. - Граф, извините меня ! Ради всех святых! Но у меня не было иного выхода.

Манку смутился, сделал шаг назад и замолчал.

- Многоуважаемая госпожа, я не сержусь, но мне хотелось бы разобраться, - учтиво раскланялся Калеб. - Во-первых, о каком руднике идёт речь?

Элеонора выпрямилась, на мгновение задумалась и произнесла:

- Я расскажу все по порядку. Видимо, нам лучше пройти в кабинет.

С этими словами она почтительно взяла Манку под руку и, указав рукой направление, проследовала в открытую дверь залы. Ланс недовольно плёлся сзади, думая о том, что надежда быть накормленным тает на глазах. Калеб чувствовал себя неловко в грязных одеждах, но в сложившейся ситуации это не имело значения.

Войдя в кабинет, рассевшись в свободные кресла, присутствующие повернулись в направлении кресла Элеоноры и притихли. Манку разместился в дальнем углу и разглядывал свои руки, явно нервничая.

- Несколько лет назад, - начала Элеонора, - отец Манку обнаружил здесь рудники с необычной рудой, которая оказалась лучше любой другой в Империи. Объёмы добываемой руды были так велики, что рабочих рук стало не хватать. Тогда Император издал указ, по которому на рудники отправлялись каторжники. Для защиты периметра собрались придворные Маги. Несколько дней они совещались и создали магический барьер: на территорию рудника можно было войти, но выход без воздействия Магов стал невозможен. По непонятным причинам ситуация вышла из-под контроля - барьер захлопнулся. Запертыми оказались каторжники, Маги и форпост, который должен был охранять работающих.

Манку резко встал и нервно ходил по комнате.

Элеонора обратилась к мужу:

- Я понимаю: то, что я говорю, тебе неприятно, но мы должны что-то предпринять. Если ты позволишь, я продолжу.

- Да, конечно, - Манку снова сел в кресло.

- Итак, на чем я остановилась?! Да, так вот. Каторжники перебили солдат. Магов заточили в Верхней башне и под страхом смерти заставили их работать на себя. Каким- то образом им удалось приоткрыть периметр. Добытую руду каторжники соглашаются отдавать только за припасы и оружие.

- Но в этом во всем сокрыта более веская причина, не так ли?- спросил Калеб? Ланс все время крутился в кресле, обводя взглядом говорящих.

- Да, именно так! - Элеонора посмотрела на Калеба и замялась. - Мы - знатный род и не можем допустить такой ситуации. Страдает наша репу-

тация. Я очень прошу вас, граф, помочь нам разобраться с этим и спасти Манку и людей за барьером. – Элеонора немного подумала и добавила: - Если ещё можно кого-то спасти.

- В знак нашей дружбы я готов помочь! - Калеб встал и поклонился.

- И я с тобой! - Ланс вскочил, вздохнул с облегчением и, обратившись к Элеоноре, произнёс:

- Госпожа, перед ответственной работой хорошо бы было подкрепиться. Как вы считаете?

Элеонора грациозно встала, улыбнулась и ответила:

- Да, извините меня, конечно, вам требуется ужин и сон.

Манку поднялся, сделал несколько шагов и поцеловал руку Элеоноры:

- Дорогая, я не сержусь, я очень благодарен тебе. Позволишь ли ты нам с Калебом уединиться и обсудить кое-что?!

Элеонора кивнула головой в знак согласия и тихо вышла из комнаты. Манку с удовольствием наблюдал за женой.

Ланс, сгорая от нетерпения и предвкушая ужин, бросился за Элеонорой.

- Какой забавный! - Манку ухмыльнулся.

- Слушай, дружище! А с чего ты вдруг решил жениться? - Калеб, улыбаясь, обратился к другу.

- Понимаешь, - растягивая слова, произнес Манку, - сейчас, чтобы повысить свой статус, необходимо жениться на дочери какого-нибудь герцога. Не смотри на меня так, Калеб! Я подозреваю, о чём ты думаешь! Нет, я женился исключительно по любви! Просто мне повезло, что Элеонора оказалась не только прекрасной женщиной, но и дочерью именитого человека. Потому я и женился, тем самым приобретя не только жену, но и статус.

- Я был сильно удивлён, узнав о твоей женитьбе. Тем более я хорошо помню о наших с тобой приключениях в «Золотой кошке», - Калеб раскатисто рассмеялся, - но должен тебе сказать, что твоя жена- удивительная женщина!

- Да, это так, - Манку нахмурился,- я тоже все помню, дорогой друг! Но тогда я был холост. Сейчас это все позади. И пришло время подумать о наследниках. К ним перейдёт мой статус.

- О, боги! Манку! Ты старше меня всего на три года, а рассуждаешь как старик! Где твой пыл? Куда делся мой храбрый друг? Смотри, не стань подкаблучником! - Калеб похлопал друга по плечу. - И, знаешь, я изрядно устал и проголодался. Позволишь ли ты мне сменить одежду и немного отдохнуть?

- Конечно! - Манку засуетился и взял друга под руку, - я оказался не

очень гостеприимным хозяином и прошу тебя простить мне это. Проблемы с рудниками, этот бал, будь он неладен. Пойдём!

Не успели они выйти из кабинета, как в ту же минуту столкнулись с жующим что-то сладкое и тягучее Лансом.

- Извините, я хотел спросить… - Ланс подошел ближе и обратился к Манку.- Любезнейший граф, Ваша прекрасная жена говорила про барьер. Мол, туда можно войти, но выхода обратно нет. Так это получается, что мы отправимся на верную гибель?!

Калеб недовольно насупился и хотел что-то сказать, но Манку опередил его.

- Выйти за периметр можно, но для этого необходима печать "перехода". Она была утеряна некоторое время назад. До нас дошли слухи, что Маг, владеющий печатью, сумел вырваться из башни, но к нам он так и не вернулся.

- Значит, чтобы выйти, нам необходимо найти печать? - Ланс задумался.- Я не собираюсь умирать вот так, бесславно!

Лицо Калеба перекосила гримаса ярости и разочарования:

- Опять ты все испортил, Ланс! Я понял, ужин отменяется! Пойди и распорядись насчёт лошадей!

Тайна единого амулета

Лошади увязали в мокром песке.

Калеб устал так, что у него слипались глаза. Волосы спутались, амулет неприятно впивался в тело. Граф мысленно возвращался в своё бывшее имение, думал о людях, которые так долго были с ним, и в мечтах представлял себе любимый кабинет, уютные коридоры, тенистый сад. Никогда уже он не вернётся на родную землю, и сколько ещё лет предстоит ему вот так скитаться по дорогам Империи - одному Богу известно.

- Эта дорога измотала меня абсолютно! - Ланс полулежал на лошади, постанывая и вздыхая.

Манку был чисто одет, сидел на лошади, гордо выпрямив спину и высокомерно поглядывая по сторонам. По его ощущениям, рудники были где-то рядом. Дорога поднималась в гору, лошади, устав от неровной дороги, всхрапывали и трясли головами.

Ланс вырвался вперёд, увидев деревянную дверь в скале. Подъехав, он повернулся всем корпусом и замахал руками:

- Это здесь! Мы приехали!

Калеб и Манку поторопили лошадей и, спешившись, подошли к двери. Ворота были широкими, и наездники, открыв тяжёлую дверь, вошли одновременно. Внезапно пол провалился, и все трое оказались по пояс в

воде. Опомнившись, они увидели стоящих над ними людей.

- Добро пожаловать в ад!- усмехаясь, произнёс один из них.

Калеб хотел ответить, но удар в лицо был такой силы, что он осел и не смог произнести ни слова. Через какое-то время он очнулся и смог оглядеться по сторонам. Видимо, их вытащили из ямы. Холод пробирал до костей, а руки оказались связанными. Ланс и Манку лежали рядом.

- Эй вы, - из последних сил крикнул Калеб. - Развяжите меня! И давайте поговорим, как цивилизованные люди! Калеб пытался не терять самообладания, но у него это плохо получалось. - Что это было?

- Ты прошёл боевое крещение, а остальным это только предстоит!- верзила наклонился и развязал руки Калебу.

- Кто ты такой?- граф с наслаждением растирал затёкшие руки.

- Я? Диего - главарь высших амбалов и руководитель старого лагеря. Пройдёмся?

Калеб развязал руки своим друзьям и помог им подняться. Втроём они двинулись за Диего.

- Ну и куда мы идём? - раздражённо спросил Манку.

- В старый лагерь, - не оборачиваясь, ответил Диего.

- Куда? - Ланс хромал на одну ногу.

- Ах да, вы же не знаете… Ну да всему своё время, всему своё время.

- Ах ты ж!.. - Ланс споткнулся: больная нога подвернулась, и острая боль пронзила всё его тело. - Какая- то железяка!

- Кстати, забыл сказать,- Диего остановился. - Деньги здесь - безделушки. Средством оплаты является руда, а посему…

Но договорить он не успел.

Сомнений не было. Из-за валуна выскочили падальщики. Их было шестеро.

Эти существа не были похожи на тех особей, которые в большом количестве встречались в Империи. Эти были в два раза ниже ростом, как те, что давно уже вымерли.

Один из них набросился на Манку и прижал к земле. Калеб выхватил палаш, который болтался на поясе Диего, выбросил ногу вперед и вонзил его в падальщика. Затем он выставил свободную руку вперед, что-то тихо произнес, и двое других вспыхнули, как спички.

Но вдруг Калеб покачнулся и упал на колени. Манку ударом руки сбил с ног зазевавшуюся особь, которая, корчась и визжа, отползла за камень и утихла. Ланс достал из-за пазухи посох и бросил его на землю. Из-под земли вырвались корни деревьев, которые опутали оставшихся падальщиков и раздавили их.

- Да, много их ещё здесь, - Диего поднял свой палаш, - и никак не переведутся ведь! Мерзкие существа! А вы - смелые воины!

- Иди ты знаешь куда, Диего! - Ланс, прихрамывая, поднялся и поплёлся за Калебом.- И что меня заставило пойти с вами?!

- Ладно, не ной, - Калеб отряхнулся и встал. - Как будто у тебя были варианты!

- Варианты всегда есть! - Ланс скорчил недовольную физиономию. - Сидел бы сейчас где-нибудь в трактире…

- Всё, заткнись! - Калеб начинал терять терпение.

- А долго нам ещё идти до твоего старого лагеря? - спокойно спросил Манку, обращаясь к Диего.

- Да нет, вон он, на вершине, - ответил Диего.

Из-за огромного валуна показалась большая деревянная крепость. Крепость была окружена домами, крытыми соломой. Звук ударов гигантских молотов по наковальне разносился по округе; пахло дымом и свежеиспечённым хлебом. У Калеба закружилась голова. От холода и голода он совсем ослаб и еле держался на ногах. Этот запах снова вернул его в мысли замок. Он тихо застонал.

- Пахнет ржаным хлебом, - произнёс вечно голодный Ланс.

- Да, - Диего улыбнулся. - Здесь его любят все. Кстати, советую вам отведать жареной свинины! А вот и мой дом! – Диего открыл ворота.

- Что-то ты подозрительно добр, Диего! - Ланс процедил сквозь зубы и сплюнул.

- Я - воин, и вы - смелые воины, в чём я смог убедиться. Это раз. А два - скажу позже,- Диего жестом пригласил гостей войти в дом.

В доме было довольно просторно. Свечи отливали тёплым светом. В печи потухающий огонь все ещё горел. Кровать, большой стол – обычное жилище.

Калеба разморило от внезапно нахлынувшего тепла и возможности хоть немного отдохнуть.

- Присаживайтесь! - Диего поправил свечу и тоже сел. - Ну, так вот номер два. У меня к вам есть дело. Мои разведчики нашли Мага, который владел печатью Перехода и поэтому сбежал. Но, по всей видимости, далеко убежать он не сумел и сейчас покоится в склепе с печатью на шее. Сам ли он туда попал или ему помогли - я не знаю. Но рабочие не могут забрать печать: требуется сила знатных господ. А по вашему виду понятно, что, хотя бы один из вас - лицо знатное, - Диего обернулся к Манку. - Но для активации печати требуется вот эта штука.

Рассказчик бережно выдвинул из угла сумку и достал оттуда некий предмет.

- Это же…. - Ланс подскочил как укушенный. - Но откуда….

- Молчи! - Калеб сделал строгое лицо.

Амулет был сделан в виде головы грифона, в глазницах которого бле-

стели синие сапфиры. В комнате возникла гнетущая тишина. Манку ничего не мог понять, но он смотрел на своих притихших друзей и думал, что это всё не просто так.

Первым пришёл в себя Ланс:

- Дай-ка мне эту штуковину да отведи нас в склеп.

Диего послушно отдал амулет. Он, видимо, понимал, что сейчас не время для споров.

- Но находиться с нами тебе нельзя,- обратился Калеб к Диего. - Магическая сила ослабнет, и печать не будет активирована.

- Я отведу вас в склеп, а сам подожду снаружи,- Диего вышел из дома и позвал двух верзил. - А то ещё ищи вас потом с печатью…

Шестеро мужчин вышли из дома и направились к большой башне.

- Мы останемся снаружи, - Диего указал двум верзилам место, где они должны стоять, - и будем ждать вас.

Трое друзей вошли в склеп.

- А знаете, здесь весьма уютно,- съязвил Манку.

- Не смеши мои подковы! - Калеб протиснулся сквозь узкий проем.

Ланс, ворча и отплёвываясь, последовал за ними.

В склепе было мрачно и сыро. Только световой шар Ланса, который он выудил из кармана, освещал все вокруг.

- Бог мой! – выдохнул Ланс, зажимая нос. - Как же здесь воняет!

- Это потому что мы в склепе, друг мой! – съязвил Калеб. – И это значит, что мы уже близко!

Калеб пригнулся и начал рассматривать пол. Не найдя ничего интересного, они двинулись дальше.

- Так вот он! - громко крикнул Манку. И все трое увидели тело, одетое в императорскую мантию. - Видите, у него печать на цепочке. Нужно снять её.

- Ну, вот и снимай сам! Я не стану! - Ланс недовольно сделал шаг назад. - А, впрочем, Манку, надень амулет!

- Зачем? - Манку удивлённо застыл на месте.

- Ну, наконец пришло время рассказать вам тайну единого амулета! – Ланс довольно хмыкнул. - Надень, Манку.

Манку послушно взял амулет, растянул цепочку и надел его на шею. Глаза его мгновенно сделались синими и прозрачными. Калеб от удивления присел на камень. А Ланс торжественно произнёс:

- Манку, сейчас мы будем использовать силу левитации. Сделай два оборота рукой.

Манку выполнил движение, и печать, отделившись от тела, приподнялась вверх и легла ему в руку. Манку от изумления присвистнул.

- Ну, всё, не буду больше вас мучить. Тайна единого амулета! Сколько

исковерканных судеб и жутких историй! Итак, если соединить все три наших амулета, каждый из нас сможет вернуться…

- Куда? - Калеб застыл.

- …Каждый из нас сможет вернуться в любой день до самого неприятного события в своей жизни. Вернуться – и все исправить. По крайней мере, попытаться… - Ланс неожиданно стал серьёзным, и желваки на его лице заходили ходуном. - Манку, какое самое неприятное событие в твоей жизни?

- Захлопнувшийся барьер рудника, - ни секунды не раздумывая, выпалил тот.- А твоё, Ланс?

- Я смогу закончить одно дело миром. В прошлый раз оно закончилось войной,- Ланс помрачнел и соединил свой амулет с амулетом Манку.

- Какое дело?- Калеб вынул цепочку из-за пазухи и снял амулет.

- Это моё дело! - Ланс отвернулся.- Ну а ты, Калеб, что у тебя?

Калеб приложил свой амулет к двум другим, глаза его стали карими, он часто-часто заморгал. Но ответить он не успел. Вспышка осветила все вокруг, и все трое почувствовали исходящее от соединённых амулетов тепло…

Эпилог

Калеб, промокший до нитки, открыл дверь и вошел в коридор. Он на секунду остановился и осмотрелся. Ему показалось, что прошло очень много времени с того момента, как он вышел прогуляться. Девочка на заднем дворе продолжала плакать. Мозли привычно гремела посудой на кухне.

Граф повесил свой дублет на крючок, снял промокшие сапоги и отправился в кабинет.

Жан расположился в кресле рядом с книжным шкафом и явно нервничал, ожидая графа. Калеб приостановился, разглядывая знакомую картину. Книги стояли привычными стройными рядами.

- Ну что, Жан, есть ли новости об отце?- Калеб не спеша прошёлся по комнате и уселся в любимое кресло.

- Я слышал, что он благополучно добрался до земель Неупокоенных, но писем, к сожалению, от него не приходило, - Жан внимательно наблюдал за графом.

- Ну что ж, это хорошие новости! - Калеб улыбнулся. - Ты хотел о чем-то поговорить со мной?

- Калеб, моя просьба может показаться вам странной, но я хотел просить вас рассказать историю герба вашего знатного рода.

- Герба? - Калеб ухмыльнулся и повернулся к Жану. - Да, это очень забавная история! Ты будешь смеяться…

- Почему? - Жан подпёр рукой подбородок и приготовился слушать.

- Да потому, что мой великий род скрывает эту историю от посторонних ушей. И вообще, я до конца не уверен, что это было на самом деле, - Калеб прищурил глаза, смущённо почесав затылок. – Ну, хорошо!

Когда-то мой предок Денс де Бюро, будучи холостым, услышал историю о некой прекрасной даме, которая вот уже как пять лет была заточена в заколдованном замке. Никто не мог проникнуть внутрь, потому что замок охранялся огнедышащим драконом. Поговаривали, что голос этой дамы был так прекрасен, что все, кто хоть раз слышал его, останавливались, не имея сил двинуться с места.

Денс де Бюро, будучи умелым воином и азартным человеком, собрался в путь. Несколько дней он провел в дороге, изредка отдыхал в придорожных тавернах, но всё-таки добрался до замка. Когда он приехал….Ну, одним словом, Денс де Бюро сразился с драконом и победил его. Ворвавшись в замок, предвкушая любовь и благодарность удивительной дамы, он обнаружил внутри создание, которое скорее походило на жабу. Судьба жестоко посмеялась над нашим графом.

Единственное, что я знаю точно, так это то, что великий и непобедимый Денс де Бюро бежал по дороге сломя голову, растеряв оружие и забыв про боевого коня, и всё время повторял только одну фразу: "Благородство проявляется в поступках!"

Жан сидел, выпучив глаза, боясь пошевелиться. Но в какой-то момент он не выдержал, закашлялся и издал еле слышный смешок. Он ёрзал на стуле, кашлял, тёр нос. Калеб внимательно наблюдал, не понимая, что происходит. Жан вскочил, засмеялся, снова сел в кресло. Брови графа сложились в вопросительную дугу. И в этот момент слуга разразился оглушительным хохотом. Он складывался пополам, затем запрокидывал голову, и казалось, что это будет продолжаться бесконечно.

Калеб привстал, снова сел и наконец, не сдержавшись, тоже засмеялся. Какофония звуков двух хохочущих мужчин огласила кабинет. Никогда прежде ничего подобного не случалось в замке.

Мозли, испугавшись, отставила свои кастрюли и бросилась туда, откуда раздавались звуки. Она осторожно открыла дверь, боясь войти внутрь, и заглянула в щёлку. Двое мужчин продолжали смеяться, не замечая ничего вокруг.

- Может быть, принести молока и мяса? - улыбаясь, произнесла Мозли.

Калеб на секунду успокоился:

- Нет, сегодня мы выпьем чаю и пораньше пойдём спать! Я очень устал!

ПОПЬЮЛ, НЕ УБЕГАЙ!

Диана Качур

28 декабря.

‘Д Е Д Л А Й Н.’

Начало записи

«Эти жирные раздельные буквы мозолят мне глаза вот уже на протяжении целого месяца. Осталось чуть меньше семидесяти двух часов, а я так и не приступил к чтению.

Ух, зачем я только записался в секцию литературно-художественной критики? Ведь что бы я ни выбрал, моя судьба уже давно предопределена. Буду наследником фармацевтической империи своих родителей, так как в отличие от моих остальных тридцати трех фратсоров[1], я подаю большие надежды на успех в области медицины. По крайней мере, так говорят умные окулоры[2], которые меня тестировали. Хах, что-то я увлёкся разговорами сам с собой, пора бы начать читать выбранную книгу и писать на неё рецензию для того, чтобы получить зачёт, быть на высоте, как всегда. Я же умница - паинька, как-никак».

Конец записи

Мгновение - и записанный на диктофон текст уже перенёсся в заметки портативного компьютера, чтобы в случае утечки сохранить копию дневника Попьюла-Сапиена, подростка, который только что вещал нам о своих мыслях и переживаниях. Он проживает на планете Ерра, в стране Руйя, которая почти сто лет назад покрывала собой весь материк. Почти вся территория планеты была под её жёстким контролем, трудно даже представить, что такая мощная тоталитарная империя потерпела крах двадцать шесть лет назад.

Попьюл родился через шесть лет после этого события, и с кем бы из «стариков» он ни начинал беседовать о прошлом своего государства, то всегда выслушивал тёплые воспоминания от бывших детей той страны, мол, звёзды тогда ярче светили, образование и медицина - качественные и бесплатные, продукты вкусные и экологически чистые. Да, казалось

1 У нас нет таких понятий как «брат» и «сестра», а обращаться друг к другу мы привыкли по имени, без всяких формальностей. Старший/младший/ средний фратсор - этого вполне достаточно, чтобы на Ерре вас поняли. - Моё примечание.

2 Название моей расы. - Моё примечание.

бы, вот она - идеальная жизнь, на которую грех жаловаться.

И именно об этой удивительной и волшебной, на первый взгляд, стране Сапиен читал книгу, которую выбрал для написания рецензии. Усевшись удобнее в своей кровати-бассейне, он открыл перед собой огромный монитор с закачанной книгой, которая не перепечатывается вот уже десять лет, и погрузился в чтение.

Не думаю, что нужно подробно описывать содержание книги, но идея её в том, чтобы показать имперскую Руйю с той стороны, о которой ни один взрослый подростку не рассказывал. Оказывается, добропорядочные окуляры выросли в стране, где о преступности и подлых людях с их мерзкими поступками ничего не говорилось общественности, где культ личности местных вождей обожествлялся настолько, что превращался в подозрительный религиозный культ, точно такой же, какой был в своё время и на Земле. Но больше я рассказать не могу, потому что есть вероятность, что за мной следят правительственные агенты, хе-хе. Хотя бы они не нашли мои с Попьюлом-Сапиеном записи.

Чтение настолько увлекло парнишку, что осилил он произведение за одну ночь, пожертвовав сном. Но это стоило того.

Начало записи

«Я... я не могу подобрать слов, чтобы описать мой восторг от прочтения этого романа. Он очень жуткий, местами даже противный, но, видимо, такая она, правда в стране Руййских советов. Сейчас же начну писать рецензию, всё равно в школу только завтра».

Конец записи

И парень приступил к работе над рецензией. Это был его первый опыт в работе с таким форматом, но за все сочинения, написанные ранее, учителя ставили ему чистые кружочки[3], значит, и в этот раз он не должен никого подвести.

Работал он целый день, собрав всю силу воли в маленький кулачок. И хоть его внимание отчаянно пытались отвлечь друзья и уведомления из игр, но трудящийся не поддался соблазну. Когда в спину дуло, этот лентяй мог по-настоящему собраться.

В своей рецензии Попьюл кратко пересказал сюжет, высказал своё мнение о проблеме, поставленной в книге, подробно описал сильные и слабые стороны произведения. В общем и целом вышла достойная работа на три листа формата А4, законченная глубокой ночью перед утром понедельника.

3 Это отметка ‘отлично’ в местных школах. - Примечание рассказчика.

«Завтра посылать», - взволнованно думал он, вчитываясь в мелкие закорючки на мониторе компьютера, а затем закрыл всё и моментально погрузился в глубокий сон.

Утром школьник проснулся даже раньше будильника, а всё из-за волнения, которое накопилось за несколько дней, и без всякой трапезы и традиционного «доброго утра» родителям в спешке распечатал свою работу. Он очень не хотел, чтобы кто-то из домашних увидел её, а уж тем более прочитал. Ведь показывать свои сокровенные мысли маме или папе для некоторых молодых окуляров - настоящее испытание. То ли дело учителя или друзья: их осуждение не лишит тебя компьютера или лишней прогулки.

И вот Попьюл бредёт в школу, сопровождаемый светом тусклых фонарей, вдоль покосившихся многоэтажек. Из живых – на улице только чем-то раздражённый дворник, чья метла агрессивно скребёт размытый дождями асфальт. Перед ним Сапиен и остановился. Посмотрел немного... и незаметно достал из кармана диктофон.

Начало записи, робкий шёпот

«Так неожиданно видеть дворников на нашей улице. Я думал, их уже давно заменили роботами из-за недавней реформы, но видимо, не везде... Н-да, теперь мне хотя бы понятно, почему у всех них такие кислые мины, сколько ни гляди».

Конец записи

Но надо продолжать идти, какой бы увлекательной ни казалась работа дворника.

Пять минут, десять минут маленькими ленивыми шажочками плёлся Попьюл в надежде опоздать, но, как назло, пришёл вовремя.

В чистенькой раздевалке частной старшей школы «Золотая спираль» ни души, хотя до звонка осталось совсем немного времени. Но тишина, с точки зрения Сапиена, только украшает подобные заведения. Только подросток снял с себя тёплые слои одежды, как вдалеке раздались лёгкие, но жёстко бьющие по ушным раковинам шаги. И оборачиваться не надо, чтобы узнать председательницу редколлегии школьной газеты. Попьюл зажмурился и замер, предвкушая что-то нехорошее. Секунда - и пожилая окулор уже за ним снимает свою широкую шляпу.

«Доброе утро, Попьюл-Сапиен, как твоё творчество поживает? - поинтересовалась она, пристально глядя подростку в овальные карие глаза. - Я так рада, что ты вступил в ряды журналистов нашего издания. Для тебя, будущего медика, это, наверное, немного необычно?»

Откровенно говоря, у юноши не было никакого желания и физиче-

ских сил говорить с этой ведьмой преклонных лет, но язык на автомате выдал следующее, напрочь проигнорировав последний вопрос:

«Здравствуйте. Да, всё хорошо у меня, недавно закончил большую работу по школьному клубу критики. Я с радостью готов показать её вам. Также я хочу, чтобы её напечатали в нашей школьной газете. Насколько мне известно, рецензии до этого ещё никто не печатал?» - дыхание Попьюла перехватило. Всегда он посылал какие-то работы, которые писал для клуба, но эта рецензия была самая откровенная и честная, и это делало её особенной. Не теряя ни минуты, школьник протянул окулор распечатанные страницы, которые та резко перехватила своими липкими костлявыми пальцами, вымолвив что-то вроде: «Спасибо, обязательно прочитаю», а затем скрылась в коридорах школы. Сапиен был счастлив, его наконец-то оставили в покое.

«Наверняка эта работа заставит остальных меня заметить, - мечтал он, поднимаясь в класс. - Может быть, тогда родители поймут, что я могу ещё что-то, кроме как тычинки и пестики из цветочков выдёргивать».

А я молчал, придавленный раздумьями о том, смеяться мне сейчас над ним или по-братски сострадать.

Первый урок, перемена, второй урок, перемена, ещё несколько скучных уроков, обед. Как же Попьюл ждал это прекрасное время, когда можно полностью посвятить себя еде, тем более без завтрака на голодный желудок тяжеловато соображать. Но дело не только в самой еде. Если верить мыслям парнишки, то его сейчас больше волнует реакция на его рецензию. Ведь, как-никак, решается его судьба как писателя. Хотя вряд ли он посвятит свою жизнь этому нелёгкому труду.

В столовой подросток, как обычно, сидел один, ближе к выходу, чтобы не приходилось толкаться ни с кем. В первой половине дня плохих оценок[4] он пока не нахватал, выпускники голову не морочили, одним словом, просто замечательный день! Только аппетита почему-то не было. Тем не менее, нужно хотя бы надкусить этот блестящий космический фрукт, а то так можно заработать проблемы с желудком. Давай, бери его своими маленькими лягушачьими лапками, эту гладкую кожуру, открывай ротик, я знаю, ты очень голоден сейчас.

Ах! Ну что за земной дьявол! Ведьма из редколлегии нагло прервала трапезу, встала, как нелепое изваяние, а сок из фрукта в этот момент потёк по подбородку мальчика и дальше вниз по шее. Какой же ты неряха!

«Попьюл-Сапиен, немедленно пройди к кабинет директора, там мы хотим обсудить твою работу, - сухо, уже без прежнего энтузиазма про-

4 То есть «четвёрок», в переводе на человеческий. - Примечание рассказчика.

бурчала ему старуха. –Доедай, я подожду.»

«Будешь ещё над душой стоять?» - подумал мальчик, чуть ли не силой запихивая плод себе в рот, и, вытерев рот краем ладони, встал и пошёл следом за ведьмой.

Не в первый раз вызывали нашего отличника к директору, но всегда его там хвалили за прекрасную успеваемость и прилежное поведение. За это даже давали ему мелкие бонусы в виде бесплатной еды в буфете, что радовало Сапиена, поскольку плотно поесть он любил. Но не сегодня.

Открылась большая железная дверь, как в тюремную камеру. В центре кабинета располагался широкий стол с кучей бумаг, а за ним сидел широкий окулор в деловой накидке с невозмутимым выражением лица. Он, не мигая, смотрел Попьюлу в его блестящие глаза.

- Здравствуй, присаживайся передо мной, - скомандовал он, положив на стол несколько листочков, и Сапиен покорно выполнил приказ. - Ты ходишь в клуб критики, насколько мне известно. И всё-таки даже «естественников» порой тянет на прекрасное, не правда ли?

Школьник молчал, сознавая, что его сейчас хватит только на бранные высказывания, но учителям лучше не знать, что прилежные ученики тоже знают такого рода слова.

Окулор продолжал свою речь:

- Тем не менее, мы не сможем пропустить твою рецензию в печать. Кто бы мог подумать, что тебя, светлую голову, потянет на такую чернуху. Откуда столько пессимизма?! Мне не нравится особенно то, что ты так иронично высмеиваешь будущее нашей великой Родины!

В кабинете нависла тишина. Попьюл поднял голову и вцепился ногами в пол.

- Господин директор, но мы же не говорим об окулорских пороках на уроках. О проблемах необходимо говорить, чтобы иметь возможность справляться с ними! Если всё время молчать…

- Милый мой, извини, но мы этого не допустим, - только начал директор, как Сапиен его перебил:

- Но почему же!? Что плохого в том, чтобы школьники рассказывали школьникам о том, как тяжело живётся некоторым окулорам? Хотя сомневаюсь, что есть среди них те, кто думает, будто большая часть населения живёт и купается в околе[5]. Нам надо поднимать эти вопросы, надо честно говорить об этих проблемах, потому что они могут коснуться каждого из нас.

Школьник держался холодно и спокойно. Директор и главная редакторша угрюмо молчали.

---

5 Сладость на Ерре типа земного шоколада. - Примечание рассказчика.

- Я слышал, вы хотите выдвинуть своё издание на межнациональный конкурс школьных газет, так вот: вас ждёт провал. Потому что это копирка, без всякой идеи, лишь сборник детских сочинений по темам, которые задают учителя. Поднятие таких проблем выделило бы нас, разрушило стереотип, что ученики окулорских школ живут в золотой клетке, в то время как учителя рисуют им утопические картины мира. Не мы делаем газету, а вы, вам важно показать родителям, какие мы прилежные и воспитанные, в то время как та прогульщица из моего класса чуть не...

- Довольно, - прервал его директор, - я вижу, ты немного погорячился, выйди, попей водички, подумай, успокойся и приходи опять.

Хотя подросток сейчас был спокоен как никогда, он вышел. А так хотелось остаться и высказать всё, что наболело.

«Внутренняя гармония, её надо поддерживать в себе, как учила мама, - шептал ученик, проходя вдоль стенгазет и всевозможных портретов основателей старейшей в городе окулорской школы. Учащиеся в коридорах разговаривали, толкали друг друга, что-то жевали, но никак не готовились к следующему уроку. Сапиен остановился перед широким окном, на его подоконнике любили сидеть девочки. Но вместо них на подоконнике стоял бюст одного из основателей, которого ещё не успели поместить на стеклянную витрину. Гипсовый бюст с большой округлой, головой, которую украшали пышные щупальца, напоминавшие волосы человека, впадина вместо носа ловила в себя ослепительно-жёлтый свет солнца, а в овальных выпученных глазах чувствовалась уверенность в завтрашнем дне. Особенно воротничок выдался на славу. Пока подросток изучал гипсового истукана невозмутимым взглядом, среди какофонии детских голосов до него донёсся противный тоненький голос и впился в ушные раковины:

- Ууууу, медика на книжки потянуло, - Попьюл обернулся, но никого рядом не обнаружил.

-К чему в окулорской школе поднимать такие мелкие проблемы? - спросил голос пониже.

- Что за противную литературу ты читаешь? - раздался где-то совсем близко томный голос.

- Что... что происходит? Кто это? - дрожащим голосом прошептал Сапиен, оглядываясь по сторонам и не расслышав звонка на урок.

- Отличники не перекаются со старшими!

- Отличники всегда слушаются старших и наставников!

- Отличники никому не откажут!

- Отличники не должны говорить о проблемах! Им следует быть радостными и оптимистичными!

- Отличники ставят в приоритет учёбу, и ничего больше!

- Отличники пишут о том, о чём их попросят!

- Ты должен быть таким, каким требует быть администрация школы, ведь среди неё не бывает неправых! Ты должен говорить о том, что можно говорить.

Перед глазами Попьюла пронеслись школьные воспоминания вплоть до сегодняшнего дня. Как хорошие, так и не очень.

- Только посмей ослушаться!

Гласные звучали настолько противно, что голова подростка раскалывалась, он вновь взглянул на подоконник и обнаружил, что бюст как-то изменился. Словно, он все эти претензии ему и высказывал. Рот статуи растянулся в какой-то язвительной улыбке. И Попьюл ответил покорно, немного дрожа всем телом:

- Да, я отличник, самый лучший ученик нашей школы. И я обязательно выполню всё, что вы от меня, требуете, господин.

Тут голова мужчины затряслась, раздался одобрительный хохот. Сапиен нервно начал хохотать в ответ, прерывая дыхание.

И тут раздался крик. Испуганные учителя и ученики выглядывали из классных комнат.

Ровно в час дня, на паркете второго этаже красовалась расколотая голова. Думаю, вы догадались, чья это была голова. Правая часть лица была превращена в мелкие осколки, воротничок отлетел в дальний угол, кудри-щупальца рассыпались по полу, а глаз словно и не было. Но их трясущимися руками сжимал лучший ученик старшей школы Попьюл-Саниен Фомэвит, и лицо его выражало полное умиротворение, а из глаз лились слёзы.

«Ведь никто не говорил, что отличникам нельзя разбивать гипсовые бюсты», - шептал он, сдерживая нахлынувшие эмоции.

ЭТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ВЕЧЕР.

Начало записи

«Вдох-выдох, вдох-выдох, ух... какой же я дурак, какой омерзительный день! Я так виноват, но я не знаю, что мной двигало. Ведь он...этот истукан... он же не может разговаривать, верно? Но даже если и разговаривал, то я защищал свою честь, верно? Не дал себя в обиду, как… но это и неважно.

После того происшествия на меня накинулись с криком, словно я живую голову разбил! Учительница так вообще ударила меня указкой по лбу, мне до сих пор больно. Дальнейший разговор с директором и вспоминать не хочу! Отправили домой, я отстранён от занятий на неделю. Дома никого нет, но я думаю, что родителям уже всё сообщили.

Интересно, мои родители вообще придут меня ругать? Или, как обыч-

но, напишут смс, где призовут больше так не делать. Где они сейчас? Чем занимаются? Опять свои таблетки тестируют? Ну, впрочем, неважно, сам разберусь, когда повзрослею. Хотя, если честно, то я немного скучаю. Нельзя сказать, что мы месяцами не видимся, но все эти встречи какие-то... холодные. Вероятно, это из-за того, что они постоянно заняты. Ну, пусть будет так».

Конец записи

Он сидел на окошке, глядя на погружающийся во тьму мегаполис с длинными бибикающими пробками. Вглядываясь далеко-далеко вперёд, подросток заметил огни на вершине офисов-небоскрёбов, которые чем-то напоминали ему о космосе: его многочисленных галактиках, млечных путях, звёздах, кометах, планетах... Это успокаивало.

«Планеты..., - думал Сапиен. - Неужели мы действительно одни в этом безграничном вакуумном пространстве?» Недавно он прочитал в жёлтой газете статью, в которой известный учёный рассказал об обнаружении им так называемой «голубой планеты», но этот тираж быстренько ликвидировали, что вызывало немало подозрений. В статье говорилось, что непосредственное отношение к кампании по изучению нового объекта имеет и фармакологическая империя его родителей. Он не верил никаким подозрительным изданиям, но в то же время не до конца понимал суть бизнеса своих родителей. Они многое ему не договаривали, приходилось лишь догадываться, что там происходит на самом деле.

И тут в голове мальчика промелькнула сумасшедшая мысль: «Сбежать? Прямо так нагло? На Землю с исследовательской группой? А что если ничего нет, то я только выставлю себя дураком? Хотя, может быть, у меня просто едет крыша после сегодняшнего потрясения, вот я и придумываю себе всякую ерунду».

И он бы отказался окончательно от своих мыслей, если бы не роковая вибрация: на его аппарат пришло сообщение с пометкой «от твоих любящих родителей».

«Значит, им всё-таки не плевать на меня»,- подумал окулор, предвещая катастрофу, но продолжил читать:

«Дорогой Попьюл, сегодня нам рассказали про твой поступок в школе, и мы хотим сказать, что очень в тебе разочарованы. Ты явно идёшь не по тому пути, не забывай своего предназначения. Из-за тебя многим людям будет очень тяжело. Журналист - скандальная и несерьёзная профессия, сам знаешь. Революцию ты хочешь устроить? Скоро мы будем дома, а из клуба литературно-художественной критики ты временно исключён».

Это нравоучение, как игла, пронзило потерявшего всякую надежду

на поддержку юношу, он спокойно швырнул девайс на кровать, а сам тихо-тихо закрыл окно.

«И даже в собственной комнате я чувствую, как меня загоняют в угол. Я не могу так жить, мне не хватает воздуха, я задыхаюсь здесь», - шептал Сапиен. Вдруг яркий свет звонко постучал ему по стеклу, и мальчик не мог этого не услышать. Огни с небоскрёба словно гипнотизировали:

- Давай, иди ко мне, чего ты боишься? Осуждения? К чему тебе эти меркантильные старики?

И опять привычная тишина наполнила комнату. Попьюл сорвался с места, открыл шкаф и достал сумку, побросал туда кое-какие вещи. Затем вынул все свои документы из комода родителей, гаджеты, некоторые препараты для обеспечения своей жизнедеятельности.

Начало записи

«И как я мог до такого опуститься: сбегаю из дома, как обиженный малыш. Но что я тут забыл, в этой равнодушной семье и гнусном городе? Всё равно, куда ни пойди – везде лицемерные окулоры, и лучше они не становятся. Я как в большом капкане.

Мне очень интересно, что мне недоговаривают родители, может быть, и пришельцев на операционных столах найду, ха-ха. Детские фантазии.

Тем не менее, если я всё-таки сбегу, то надо придумать себе имя. Псевдоним, как говорится...С этим странным двойным именем меня никто не поймёт.

Хм... Э... Э... Эшли? Как героя из недавно вышедшего космического фильма про звёздные битвы? Прекрасно, думаю, оно достаточно нормальное, хотя я ещё н и ч е г о не знаю...

Ну что ж, отныне я Эшли, надеюсь, что на так называемой «голубой планете» всё будет замечательно. Конец связи.»

Конец записи

Подросток вышел за пределы квартиры прямо к лифту, всё ещё не выключая диктофон.

А я даже не знаю, смеяться мне или плакать над юнцом. Его ждёт таинственная и прекрасная, манящая и загадочная, знакомая и неизведанная «голубая планета».

Он плохо помнил, как пробрался на звездолёт, как, краснея до корней волос, врал, что, поскольку он отличник и лучший ученик школы, ему поручили слетать на голубую планету (ах, ненадолго! Совсем-совсем ненадолго!) и написать репортаж. Потом астронавты долго сканировали

его электронный табель успеваемости, проверяли пластиковую карточку – юный корреспондент, поощрительно улыбались и кивали головами.

Потом был полёт. Его он тоже плохо запомнил, потому что все время волновался, что обман откроется и его вернут назад.

Можно сказать, что очнулся он только тогда, когда вышел из звездолёта и астронавт, по-товарищески похлопав его по худенькому плечу, вывел его за ворота секретного космодрома и строго-настрого приказал вернуться обратно ровно через 3 часа.

И Попьюл остался один. Совсем один на голубой незнакомой планете. Он долго и бесцельно бродил по большому, скорее всего, столичному городу, пока не набрёл на маленькую неширокую улочку. Попьюл шел медленно: ему, в сущности, некуда было идти. Совершенно машинально остановился он перед невысоким зелёным забором с калиткой. Похоже, за забором была школа: веселые детские голоса звонко доносились из распахнутых окон. Еще не отдавая себе отчёта в том, что делает, Попьюл прочитал шёпотом надпись на табличке: «Золотое Сечение». Что-то знакомое и в то же время новое шевельнулось в его душе, какое-то странное внутреннее чувство заставило его толкнуть калитку и войти во двор. Он стоял и смотрел на здание, на блестящие окна, слышал весёлый детский смех и радостные голоса. Он понял, что ему сюда, что именно это «Золотое Сечение» он так долго искал, именно ради него он совершил дерзкое путешествие по галактике. И он пошёл по двору навстречу новой школе, новой жизни, в которой, это он теперь знал, все будет по-другому!

Прекрасный алый цветок

Василиса Железняк

...Будь то свет от солнца иль луны...
Или Царь Небесный мне послал тебя как наказание...
И пусть моя душа теперь твоя...
А судьба и вовсе мне не принадлежит...
К тебе меня она любовью привела...
Тогда позволь уж мне остаться с тобою на века...

(Из песней придворных миннезингеров)

Глава 1

Алые пряди её волос слегка блестели в тёплом свете утреннего солнца, струились с горы подушек послушным водопадом на деревянный пол. Несколько ярких лучей пробились сквозь тяжёлые небесно-голубые шторы и покрыли пятнистыми солнечными зайчиками её лицо.

Дверь скрипнула, раздался лёгкий стук:

- Просыпайтесь, принцесса! Сегодня день вашей церемонии, вам нужно подготовится. Это важный день, не стоит проводить его в постели.

Амира небрежно уронила ладонь себе на лицо, закрывая глаза от яркого света.

- Церемония... - пробормотала девушка. Ей все ещё хотелось спать, поэтому она на пару минут осталась лежать в кровати, наслаждаясь последними минутами тишины. Принцесса уже начала снова засыпать, как вдруг в голове вновь прозвучали слова служанки: «Сегодня день вашей церемонии...»

- Церемония! - вспомнила она. И вдруг весь сон как рукой сняло. Амира откинула одеяло, вскочила с кровати и, спотыкаясь, сунула ноги в изящные туфельки с розовыми султанчиками.

Затем она, все ещё сонная, раздвинула шторы и распахнула окно. В комнату хлынул поток света и свежего воздуха. Она облокотилась на подоконник и радостно улыбнулась.

За окном кипела жизнь. Все куда-то бежали, торопились. Торговцы с утра пораньше начали ставить палатки, открывать свои магазинчики, печь хлеб, выкладывать товары на широкие прилавки. Можно было раз-

глядеть, как от главного входа замка расстилают струящееся шёлковое полотно с красными кружевами, протягивая его вдоль главной улицы до самого порта.

Рыжие паутинки слегка развивались на теплом прибрежном ветерке. В порыве радости принцесса накинула свой кремовый халат, торопливо расчесала волосы и достала из ящика маленькую деревянную шкатулку с красивой ручной вышивкой и бирюзовыми ниточками по бокам.

Садясь за стол, Амира раскрыла её. Девушка осторожно достала серебряную цепочку и, откинув волосы назад, застегнула замок. Подняв глаза, она посмотрела на своё отражение в зеркале. Сверкающий рубин идеально гармонировал с её светлой кожей. Её зелёные глаза и огненные волосы напомнили ей о маме.

Она тихо вздохнула, улыбнулась своему отражению и, отбросив все сомнения, вскочила со стула, поспешно убрала маленькую шкатулку обратно в ящик и выбежала из комнаты.

Принцесса схватила за руку растерявшуюся служанку в белом фартуке и вместе с ней побежала вниз по лестнице. Они бежали вниз, с этажа на этаж, мимо кухни, гостиной, тронного зала и опустевших комнат сестёр.

Служанка неуклюже бежала за принцессой, еле перебирая ногами, путаясь в пышных юбках. Наконец, миновав длинный коридор, они вбежали в просторную комнату с распахнутыми окнами и начищенным до блеска сверкающим паркетом. По всей комнате были красиво расставлены вазы с розовыми цветами.

- Марта, оно здесь? - спросила девочка.

Служанка взяла Амиру за руку и повела её в конец комнаты, к месту, где стояло нечто, обёрнутое белой тканью. Марта отпустила руку девочки и взглядом указала на подарок. Амира оглянулась и увидела служанок, которые, улыбаясь, смотрели на неё. Они заботились о принцессе с самого первого дня её рождения, она была для них малышкой, которая теперь выросла и вынуждена была, вступив в брак, покинуть их.

Амира потянула за золотую ленту, удерживающую ткань… От восхищения у неё замерло дыхание. Прекрасное платье с очаровательными рукавами из белого бархата и длинными до пола кружевами сверкало в чистом свете, льющемся из высоких окон.

- Мамино платье? - её глаза наполнились искрящимся восторгом, а может, это были и слёзы, те самые, что нельзя предугадать и остановить.

Ещё минуту назад она видела в зеркале совсем юную принцессу Флиора. Сейчас, рассматривая своё отражение, Амира подумала о том, что её переполняют неизвестные ей ранее чувства: слабость, неуверенность, страх и одиночество. Однако она вдруг ощутила, что мама здесь, рядом.

Амира была очаровательна. Её волосы были уложены в аккуратную

корзиночку. Шею украшала серебряная цепочка с крупным сверкающим рубином.

- Вы прекрасны! Вылитая Элиза в шестнадцать лет! - сказала Камилла, ещё одна гувернантка молодой принцессы, подойдя поближе.

- Спасибо, - сказала девушка, полуобернувшись. - Я не знала, что это платье такое красивое.

Амира прижала руки к груди и прикрыла глаза, прислушиваясь к голосу своего сердца.

Женщина заботливо посмотрела на принцессу:

- Я знаю, что вам страшно, возможно, мне не понять ваших чувств и, уж конечно, не мне давать вам советы. Но я была совсем маленькой, когда увидела королеву в первый раз. Она была в той же ситуации, что и вы сейчас. Но со временем, когда Элиза стала королевой, она сумела затмить всех. Она была удивительной правительницей: все любили и уважали её за то, что она умела понять каждого и подарить частичку своей души любому, кто в этом нуждался. Многие рассказывают, что достаточно было лишь увидеть её, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливым. Нельзя было не влюбиться в её улыбку, лазурные глаза и в очаровательный голос. А вы...- она помедлила. - Вы столь же прекрасны. Ваши волосы подобны красному Миддлемисту, и вы сами похожи на удивительный цветок. Здесь вас будут ждать те, кто пришёл сегодня увидеть свою юную принцессу. А там за горизонтом вас будут ожидать те, кого вам ещё предстоит воодушевить, показать, какая вы на самом деле, не дать им усомниться вас, не позволить вас недооценивать! Пусть все увидят, насколько вы храбры душою! В вас есть сила! И это не просто магия, это ваша Душа! А мы, ваша опора и защита, всегда будем по ту сторону, где останется ваше сердце.

Амира с самого детства не умела сдерживать слёз; но сейчас, рыдая и всхлипывая, она чувствовала силу, а не боль. Камилла гордо подняла глаза, сдержав слезы, и произнесла последнее наставление своей воспитаннице:

- Королева, вы для нас как лучик солнца. Мы своими глазами наблюдали за тем, как вы с каждым годом становились все ярче и ярче, радуя всех нас. И преданные вам люди сейчас собрались здесь, в этом замке и за его стенами. Когда ворота откроются — настанет ваша очередь стать нашим солнцем, столь же прекрасным и тёплым, подобным солнцу её величества Элизы.

Амире хотелось рыдать и улыбаться одновременно. Её сердце наполнилось уверенностью и теплом, побеждая прежде нахлынувшие чувства.

Амира с особой нежностью взяла за руки Камиллу, а та мило, но слегка растерянно посмотрела на неё, пытаясь изобразить на лице счастье и утаить печаль. Она взяла её руки в свои, и будто по волшебству всё во-

круг окуталось дымкой. Амира не понимала, но они словно дотрагивались до самых потаенных струн её души. Тело принцессы словно стало невесомым, подобным нежному, но холодному порыву ветра. Ей показалось, словно она не могла пошевелиться, но в то же время была совершенно свободна, и ей не хотелось даже говорить... Она просто стояла, и слезы, не переставая, катились по щекам. Тело начала бить лёгкая дрожь.

Амира приподнялась на носочки, коснувшись лбом Камиллы. Та вздохнула с облегчением и утёрла слезы, катившиеся у неё по щекам. Камилла улыбнулась, улыбнулась уже в последний раз.

- Пришло твоё время, моя дорогая, - то были прощальные слова в дальнюю дорогу.

Амира обернулась: в комнате были и другие люди, всех она знала, каждый был дорог ей по-своему, для каждого была своя частичка души. Королева видела их улыбки и слезы, чувствовала, что не может сдержать своих. Она сделала лишь один шаг, и мир уже не казался прежним. Её сердце защемило, когда на неё обрушился радостный крик толпы. Свет почти ослепил её. Эти люди сейчас смотрели на неё. Но не на свою любимую принцессу - они видели новую Королеву Флиора, страны дождя и пламени.

Амира слегка обернулась назад, высматривая знакомые лица, но не смогла их найти. Тогда она взяла себя в руки; в последний раз она пройдёт по улицам своего родного города. Девушка гордо выпрямилась и в сопровождении гвардии, согласно церемонии, пошла вдоль дороги, выстланной ковром цвета роз. Люди выкрикивали пожелания, рассыпали в её честь лепестки. Амира улыбалась им в знак благодарности. Она чувствовала, как меняется жизнь. Теперь она готова к неизвестному будущему…

Глава 2

Мир, в котором живёт Амира, удивителен! В нём нет разделения ни на этнические расы, ни на касты. Здесь нет социального неравенства. Есть лишь мир в подобных ему красках. Каждая страна, каждый остров, каждый город имеет свою природную особенность. Проходя по улицам города или заглядывая в собрания гильдий, можно заметить человека из племени Облака или прекрасное создание с маленького островка, где проживали люди Огня. Вы можете встретить запросто на широких площадях Короля страны Солнца или нежных принцесс Страны Туманных Дождей. Все равны и все свободны в этом удивительном мире! Будь ты посол из Страны Леса, или представитель Королевской семьи, или даже династии, правящей Семью Морями, - тебе открыты все пути. Даже лукавые мерзавцы из страны Грёз, хоть и были презираемы честными и законопослушными гражданами, могли рассчитывать на благосклонный

приём в любой стране, конечно, до тех пор, пока не проявляли в полной мере своих склонностей. Вот в таком мире предстояло жить нашей принцессе, такой страной ей предстояло править.

...

Прибыв в порт рано утром, Амира была встречена королевской каретой с узорчатыми окошками и выстроившейся вокруг экипажа гвардией. Когда девушку почтительно усадили в карету, она в последний раз отчётливо вспоминала улыбки и возгласы любви, провожавшие её из родной гавани, и ей опять хотелось плакать… Глубоким вздохом она прогнала печальные воспоминания и, открыв глаза, улыбнулась вновь. Девушка уселась поудобнее на немного жестковатом сидении и оглянулась в сторону отплывавшего корабля, думая, что никто уже не смотрит в её сторону. Но на борту корабля собралась вся команда, не переставшая махать руками и бросать свои шляпы в воздух. Матросы, приветливо улыбаясь, выкрикивали её имя. Она резко отвернулась, стараясь скрыть слезы. Ей очень не хотелось, чтобы её будущие подданные видели её слабость. Кроме того, они могли бы подумать, что она вовсе не рада тому, что находится в их стране, а хуже того, кто-нибудь мог бы вообразить, что их гостеприимство не по вкусу новой королеве.

- Чёрт, чёрт, чёрт... - топая ножкой по полу кареты и размахивая в воздухе руками, пропищала Амира, ещё не умевшая держать себя в руках, как подобает Королеве. – Эти люди так добры и почтительны ко мне. Я просто не имею права оскорбить их своими дурацкими слезами!

- Госпожа! Ваше Величество! Всё хорошо? Вы в опасности? Что произошло? – неожиданно в окне кареты появилась голова одного из приставленных к ней гвардейцев.

Амира, охваченная нахлынувшими на неё чувствами, даже не заметила, что проговорила последнюю фразу вслух.

- Да всё в порядке. Я переволновалась, - поспешно, но учтиво и уже совсем смиренно ответила принцесса.

- О, я понимаю! Такое событие в жизни! Такая перемена! Разлука с близкими! Невозможно оставаться равнодушной… - сбивчиво, но, как показалось Амире, с особенным чувством проговорил молодой стражник.

Странно, но ей было приятно душевное участие этого простого, мало знакомого ей человека. Она улыбнулась ему сквозь пелену ещё не просохших слез, однако вслед за этим раздался суровый окрик другого:

- Эй, невежа! Ты чего вытворяешь! Нельзя так непочтительно относиться к своей будущей королеве! Как ты посмел даже подумать о том, чтобы заговорить с Её Величеством!

И в момент сильная и грубая рука оттащила непрошенного собесед-

ника за шиворот от окна кареты. Старший стражник гневно взглянул на своего молодого товарища, а потом почтительно поклонился Амире:

- Прошу прощения, принцесса! Он ещё молод, служит недавно и не успел освоить тонкости придворного обращения.

Амире вовсе не хотелось, чтобы человек, посочувствовавший ей, поплатился за свою доброту придворной карьерой. Она вскочила со своего места, готовя речь в его оправдание, однако растерялась сама и смогла лишь с неловкой улыбкой пробормотать:

- Да ничего...

- Её Высочество слишком добры к тебе, неотёсанный мужлан, - продолжал горячиться старший. – Имей в виду, если не научишься вести себя, как подобает почтительному слуге, не видать тебе службы в королевской гвардии!

Он ещё долго что-то говорил, горячился, спорил, но Амира, погруженная в свои мысли, уже не слушала. А карета все катилась и катилась вперёд, и за окном мелькали новые, удивительные пейзажи, так непохожие на те, что окружали девушку в её родном городе. Картины сменяли одна другую, и вскоре Амира совершенно позабыла об этой сцене, которая поначалу так поразила её пылкое воображение.

За размышлениями время пролетело совершенно незаметно. Амира была погружена в свои мысли, не замечая пространства вокруг себя, и вдруг неожиданно карета остановилась. Случилось это так внезапно, что резкий толчок заставил принцессу отвлечься от мечтаний. И тут же девушка услышала… Вы, наверняка, подумали, что на гвардейцах приключения не заканчиваются, но это не так. На сей раз никаких сюрпризов и никаких... совершено никаких приветствий... Ни церемонии... Ни людей... Вообще ничего… Тишина…

Неловкое чувство и лёгкое недоумение… Ведь на самом деле всё, о чём думала Амира последние тридцать минут, это её предстоящая свадьба. Какова будет её первая встреча с будущим королём — мужем!

И могли бы вы вообразить, каково было её разочарование, когда вместо украшенных цветами и лентами дорог и людей, всеми семьями собравшихся на парад в честь новой королевы, вместо всего того, что она готова была представить себе после пышных проводов на пристани – была сплошная тишина... И представлять ничего не надо было: ведь ничего и не было.

Шагнув из остановившейся кареты, Амира дала себе немного времени подумать. Ей необходимо было хотя бы несколько минут, чтобы успокоиться и принять эту беззвучную встречу кротко, как судьбу. Минуты текли медленно, а девушка никак не могла заставить себя сделать шаг навстречу будущему.

- Моя Королева, король вас ждёт, - озадаченный страж, пытался сгладить неловкость и намекнуть растерявшейся девушке, что сейчас не самое подходящее время стоять перед далёкими воротами замка. Надо идти вперёд, ведь ответственность за своевременное появление королевы лежит на нем и только на нем!

В полной тишине началось это шествие к замку. Амире, привыкшей к шуму рукоплесканий и восторженным крикам толпы, казалось, что из мира, окружающего её, пропали некоторые звуки. Почему, например, она отчётливо слышит шорох своих лёгких шагов по мелкому гравию дорожки, шелест шёлкового платья и даже нежный металлический звон шпор гвардейцев, сопровождавших её? Но куда подевались звуки человеческих голосов? Может быть, этот мир внезапно онемел?

Так в полном молчании подошли они к воротам замка. Когда широкие громоздкие двери распахнулись, Амира оказалась на пороге огромной залы, залитой ярким светом, льющимся через разноцветные витражные окна.

Зала была полна вооружённых людей. Они стояли шпалерами, вытянувшись по команде «смирно» и обнажив шпаги.

- Однако... – нерешительно прошептала Амира. Такой встречи она никак не могла ожидать. Замершие в безмолвии стражники представляли собой странную и, как ей казалось, зловещую картину. – Что, простите, здесь делают все эти люди?

- Это охрана, Ваше Величество. Они нужны для вашей защиты, - молодой гвардеец слегка коснулся её рукава, но тут же отдёрнул руку, боязливо оглянувшись на своего старшего товарища. Тот, похоже, не заметил нового нарушения этикета, поскольку все его внимание было приковано к собранному в зале войску.

- Ох! Благодарю, Капитан Сама Очевидность, - буркнула про себя Амира. – Зачем мне такая защита внутри Замка?

Она снова обернулась назад, и пристальные взгляды сотни солдат в ответ с неким страхом устремились на неё. Она довольно долго рассматривала их, ожидая хоть какого-то... движения … В какой-то момент ей показалось, что это и не люди вовсе, а пустые доспехи, какие во множестве стояли безо всякой надобности и в её родном замке. Но нет, недовольно прищурившись, принцесса убедилась, что все-таки это были люди.

- Удивительно, они даже не моргают... – с усмешкой прошептала она, обернувшись к своему молодому спутнику. Но он на этот раз ничего не ответил. Он тоже как-то подобрался и застыл в почтительной позе, устремив свой взгляд не на неё, а дальше, за неё. Амира резко обернулась и вздрогнула от неожиданности: прямо перед ней стоял высокий, очень высокий мужчина. Высокий не только в сравнении с ней, но и, по-види-

мому, со всеми остальными, ютившимися в широком коридоре гостиной. Принцесса готова была поклясться, что секунду назад его здесь не было. Так быстро подойти он не мог: в зале стояла такая звенящая тишина, что можно было бы, наверное, услышать полет бабочки, а не только мужские шаги. И все-таки это было правдой: секунду назад его здесь не было, а вот теперь он здесь.

Незнакомец молчал, и от этого становилось совсем неуютно. Чтобы скрыть смущение, Амира принялась внимательно рассматривать его. Мужчина был высок и тонок: стройные длинные ноги и, пропорциональные ногам, длинные руки. Сама Амира была невысока ростом, отчего ситуация казалась ещё более смешной и нелепой. У этого мужчины были тёмные, как чернила океанской каракатицы, волосы, и немного раскосые, по мнению Амиры, глаза, цвет которых с трудом можно было разглядеть за толстыми полукружьями очков. Тут девушка спохватилась, что слишком долго и пристально рассматривает незнакомца, а тот стоит перед ней и молчит. Принцесса отвела взгляд и снова обернулась к своим провожатым. По сравнению с молчаливыми гвардейцами и этим неизвестно откуда взявшимся человеком, они казались ей почти родными.

- Мое имя Рохелио. Я ваш будущий слуга, - сухо и чётко сказал незнакомец.

Его голос прозвучал так неожиданно в этом заколдованном царстве тишины, что Амира вздрогнула и невольно прошептала:

- Какое яркое имя для такого тёмного человека. Довольно иронично! Ох, вот надо же, а здесь бы стоило помнить, что говоришь вслух, - укорила она себя. В минуты неловкости Амира частенько разговаривала сама с собой.

- Что, простите? – голос звучал все так же резко и дисгармонично в становящейся уже тягостной тишине.

- А ведь он, правда, не расслышал! Странно, ведь здесь так тихо, - обрадовалась принцесса. - Ничего! – спохватившись, громко сказала она, и будто озорные мурашки пробежали по её спине. К счастью, разница в их ростом была слишком велика, что не позволило незнакомцу услышать её неловкую фразу. И в тот момент она тоже позволила себе чуточку улыбнуться.

- Кх-кхм, наш король вас ждёт! – это «кхм» напомнило Амире не то тихое карканье ворона, не то громкое хлопанье крыльев летучей мыши. - Не нужно ли вам время, чтобы подготовиться?

- Подготовиться к чему? – затянувшаяся непонятная церемония начала уже тяготить Амиру. Ей уже просто хотелось перемен.

- К встрече! – с какой-то особой торжественностью произнес Рохелио.

- Нет, вот я готова, - осмотрев своё платье, гордо сказала Амира.

- Ох, я был уверен, что это ваше дорожное платье, какая незадача… Ну, тогда не изволите ли пройти за мной? - и он пошёл вперёд, не проронив больше ни слова.

А Амира... ну вы и сами понимаете, с каким негодованием проследовала она за своим провожатым. Его ответ, его оценивающий, а потом и разочарованный взгляд буквально вывел её из равновесия. Ей едва удалось сдержаться, чтобы не оскорбить его в ответ. Но увы, без открытого рта и изумления не обошлось! Однако собравшись с духом, она все-таки прошла за ним, в полной уверенности, что его слова были ответом на её прошлое замечание, а значит, и обижаться на них не стоило.

Но обидеться, видимо, все же стоило. Слова девушки он, правда, не расслышал, потому что попросту не слушал её. А это значит, что его слова, как и его к ней пренебрежение, были совершенно искренними. Да, да... такой вот он и есть - самый приближенный слуга короля, его советник, его помощник.

Неприятные слухи ходили про нового короля Династии Солнца. Начать с того, что он как-то внезапно оказался на престоле. Нет, это не был насильственный захват власти, но и не легитимное престолонаследование. Не только за границей страны, но, похоже, что и за городскими стенами об этом никому не было известно. Это стало для всех секретом. И не только это. Мало кому представилась возможность увидеть Его Величество, хоть это и можно объяснить тем, что годы его правления на данный момент составляют лишь пять лет. Но при этом пяти лет оказалось достаточным, чтобы не только взять власть, но и неслыханно укрепить её. Всего лишь за пять лет он сумел взять под контроль половину прибрежных стран, при этом не вступая в войну, не угрожая, не интригуя.

Он сумел сохранять порядок по всей стране и не нарушить ни одного мирного договора с другими странами, предотвращая захваты территорий и не захватывая самим. И либо он настолько обаятелен, чтобы подчинить себе полмира, или настолько же ужасен.

Хотя слухи и про его внешность тоже были. Говорят, что он невысок ростом, а по натуре жесток, груб, суров, беспощаден... Шептались даже, что когда его охватывает злоба, можно видеть, как изо рта выходит с пламенем дым, как у огнедышащего дракона...

Но, слухи и есть слухи, чтобы быть слухами и слухами же оставаться, - так гласит народная мудрость Флиора.

Там временем Амира вслед за своим провожатым, прошла несколько полутёмных залов и остановилась перед входом в тронный зал. Не решаясь поднять глаз, девушка склонилась в изящном полупоклоне и услышала два гулких удара посохом о каменный пол.

- Принцесса Страны Тумана и Семи Ветров, Амира Альдерона с Се-

вера! – странно прошелестел её титул под сводами замка, как шелковая лента на ветру. Звонко отозвалось её имя, напомнив звон тончайших серебряных браслетов.

- Вот теперь и начинается все самое интересное! – подбодрила мысленно себя принцесса и медленно подняла глаза.

Свет, проникающий из больших окон и заполнивший весь зал, мешал ей увидеть все. Глаза так привыкли к полумраку лестниц и переходов, что теперь золотое сияние вызывало невольные слезы. Все, что она могла заметить, - были золотистые частицы, сверкающие в воздухе. Мраморные стены и пол и … что же это... Амира услышала звук шагов и, затаив дыхание и выпрямившись, она увидела...

...Она увидела его...

- Ну, здравствуй, жёнушка!

Глава 3

«Может, слухи и преувеличивают… Ведь все прекрасно знают, что слухи - это всего лишь россказни завистников, сплетников и выдумщиков. Но, как и в любой шутке, в сплетне тоже есть всегда своеобразная правда. Однако в этот раз…» - размышления Амиры были прерваны внезапным появлением того, о ком она столько слышала, о ком беспрестанно думала последнее время.

- Что, простите, за абсурд такой?... - последнюю фразу девушке с трудом удалось не произнести вслух. В первую минуту ей показалось, что она уже научилась хотя бы немного скрывать свои эмоции. Но следующая фраза, сорвавшаяся у неё с языка, показала, что ей еще учиться и учиться.

- Почему ты настолько молод?

Действительно, почему? Глупо, конечно, было об этом спрашивать. Да и что может ответить человек, даже самый мудрый и красноречивый, на подобное «почему»? А перед Амирой стоял, высоко подняв подбородок, мальчик немного моложе самой девушки. Да… Не так она представляла себе короля, своего будущего супруга… В ответ на её слова он гордо вскинул голову и, развернувшись на каблуках, пошёл в сторону своего трона.

- Я помню, мне обещали в жены самую красивую из дочерей Альдерона, - с холодной усмешкой громко проговорил он. Слова он произносил очень чётко и как-то нарочито внятно, словно опасаясь, что хоть одна из его драгоценных мыслей не будет услышана.

Амира растерялась. От горечи и обиды она просто остолбенела на месте. Пауза затягивалась. Девушка чувствовала, что сейчас надо что-то сказать. Вот только никак не могла придумать достойной отповеди.

И тут вмешался Рохелио:

- Перед тобой, Амира Альдерона, Сиятельнейший Король страны Солнца и глава королевства Флиора - Динарий Альтаир.

Амира пристально смотрела на стоящего перед ней юношу. Сколько же силы должно было быть в этом мальчике, чтобы покорить весь мир?! Обида совсем прошла, её место заступило любопытство, а потом и… жалость. Амира сердцем почувствовала, какая глубина страдания таится в это сверкающем голубом взгляде, будто смотрящем свысока. Да, конечно, было в его глазах и высокомерие, и чувство собственного достоинства: но где-то на самом дне этих синих озёр таились боль и одиночество. Этот взгляд вовсе не пугал девушку, он зачаровывал. Как неразгаданная загадка, до дна которой так и тянет проникнуть.

Поймав изучающий взгляд Амиры, Динарий спохватился:

- Что, неужели настолько разочарована? - надменно спросил он.

- Разочарована? Нет! …. Озадачена? Да!

- И что же тебе непонятно?

- Жестоки ли Вы или же очаровательны... - голос принцессы звучал уверенно.

- А-а-а... - равнодушно протянул он, и холодная усмешка тронула его красивые губы. - Это из-за дурацких слухов, - он сердито посмотрел на Рахелио. – Скорее, второе!

- Вряд ли... - девушка помедлила, а потом с тихой улыбкой прибавила: - Иначе вы не признали бы этого так быстро.

- Амира, - глубоко вздохнув, серьёзно начал он. - Раньше начнём, быстрее закончим… Ты знаешь, почему ты здесь? Тебе известна причина твоего визита? Или, может, цель этого союза скрыли от тебя? - вновь суровый взгляд в сторону Рахелио.

«Он считает меня наивным ребёнком», - с обидой подумала принцесса и решила говорить прямо без обиняков, чтобы показаться чуть более взрослой, чуть менее мечтательной.

- Женитьба, - несколько резко ответила она.

- Ещё? - вопрос прозвучал отрывисто и требовательно. Так строгий учитель экзаменует нерадивого ученика.

- Союз не из равных, - нелегко далось Амире это признание, но начистоту - так начистоту. Она сделала глубокий вдох и продолжала: - Вы обеспечиваете нас вашей испепеляющей силой и энергией. Мы же даруем вам то, чего нет у вас.

- Тебя…

- Что, простите?... - вот тут Амира застыла. Видимо, к настолько прямой постановке вопроса она не была готова.

- Твое королевство и Король дарует нам тебя.

Амира молчала. Её сердце колотилось так отчаянно, что девушка боялась, что этот стук слышен по всей зале.

- Ты назвала наш союз неравным… это не так. Мы обмениваемся силами друг друга. У вас будет наша энергия солнца, у нас - ваше сердце.

Сердце? То самое сердце, которое так предательски стучит теперь под мрачными сводами тронного зала? Амира огляделась по сторонам, и вдруг все стало ясным, понятным и простым.

- Столько людей, вся эта стража и охрана… вовсе не для того, чтобы оберегать меня, но для того чтобы вы смогли уберечь себя! - на сей раз голос её звучал решительно и уверенно.

- Это всего лишь методы предосторожности. Кто знает, что за оружие ты прячешь... - на сей раз он соизволил встать и даже сделать несколько шагов ей навстречу.

- Невероятно… А что если я скажу «нет»?

- Ну знаешь, мне тоже наобещали тихого и нежного ягнёнка, а получил я явно самку росомахи. Так что нам обоим придётся смириться.

- Нетушки….

- Ну хорошо… Делай, как хочешь… - в его голосе прорезались какие-то отчаянные нотки. - Давай, заливай меня своими нелепыми слухами о моих злодействах!.. Высказывай сразу все требования! О шёлковых платьях и бриллиантах, о свободе действий и тому подобном… - вся сдержанность и чопорность мгновенно слетела с него. Он размахивал руками и надувал губы, как обиженный ребёнок, говорил жарко и сбивчиво. Амире показалось, в ледяных голубых глазах блеснули слезы.

- Корабль - домой!

- Хочешь рискнуть пойти против меня? - его голос стал твёрдым и холодным, как расколотое стекло.

- Да, рискну! - Амира решила быть непреклонной, хотя душа её, порезавшаяся острым осколком его слов, болезненно сжалась.

- Я очень тебе не советую, а то…

- А то что?.. Посадите в темницу?

А в ответ лишь искры холодного взгляда, недоуменно приподнятые брови и неопределённый жест рукой...

...

- Боже…. Я глазам своим не верю… Он просто взял и посадил меня в темницу! Как он вообще посмел на такое пойти? Это же кем надо быть, чтобы посадить молодую принцессу вместе с преступниками и ворами… Хотя о чем это я? Для того, чтобы додуматься так сделать, надо быть именно им…, - когда Амира волновалась, она всегда разговаривала вслух.

Девушка слегка пришла в себя, сделав глубокий вдох и медленный выдох:

- Ладненько…

Подвернув свое длинное платье и освободив длинные алые локоны, встала коленками на холодный каменный пол. Она протягивает руку перед собой. Стены тюрьмы дрожат. Их заволакивает туманом. Мир растворяется. Мир как будто перестаёт существовать рядом с ней.

Будь то луна,
Будь то солнце,
Будь то создатели семи богов
или Небесные цари,
Прошу: ответьте на мой зов
При алом отблеске зари.
И принесите ветер в рукаве,
Что мягко шелестит в сырой траве,
Чьё острие прочнее, чем металл,
Чей голос тихий во дворце моём звучал.
Приди ко мне, небесное предначертание!
И не оставь в беде меня, своё созданье!

...Золотой лучик солнца, пробившись сквозь тюремную решётку, осветил тонкие пальцы, которые сделались почти бронзовыми в его теплом свете. Девушка взмахнула рукой, широкий рукав платья повторил это движение, подобно крылу волшебной птицы. Амира склонила голову, и алые локоны водопадом заструились по её стану.

Теперь она была свободная как ветер….

Куда же ляжет её путь?

Глава 4

В стране Солнца, в стране лугов, полных закатов и рассветов, наконец-то наступила ночь.

Спокойная и мирная, погруженная в затихшие полутона уличного света от таверн и гильдий. Целая ночь впереди. На самой высокой горе, в самом конце главной улицы с подвесными мостами и большими великолепными воротами высился замок, погруженный, как в морскую гладь, в тишину ночи. Только лишь в одном оконце ещё горел свет.

В большом кабинете с лепным потолком и красивыми высокими стенами, вдоль которых выстроились глубокие стеллажи книг и бумаг, за резным столом, почти склонив свою светловолосую голову, сидел Динарий. На его столе были две стопки бумаг, одна была больше, другая меньше, однако подписанная кипа намного превышала ту, что ещё требовалось подписать.

Когда смотришь на него, такого строгого, сосредоточенного, усталого и очень одинокого, язык не поворачивается назвать его мальчиком. И все же это светловолосый мальчик. Усталый и очень одинокий.

Такая тишина. Ни звука, ни крика с улицы, ни шороха во всем замке… Тишина заставляет задуматься, не правда ли?..

Динарий отложил в сторону перу, уронил голову на руки… Он глубоко задумался в этой тишине. Только, увы, он один... Слишком поздно!...

Тут громкий стук распахивающихся ставней заставил принцы очнуться от размышлений… Потом звон оконного стекла, неугомонный шелест рассыпанных бумаг...

- Ты?

Длинные до пола занавески, танцуя, разлетались по комнате. Это всё сквозняк! На полу стопки бумаг превратились в сплошной хаос. Но это неважно. Для него… сейчас… это неважно… Все сейчас для него неважно… Все, кроме неё...

Её манящий взгляд, от которого невозможно было отвести глаз, зачаровывал, удивлял, околдовывал.

- Как ты сумела? - восторженно прошептал принц, медленно поднимаясь из-за стола навстречу дивному алому видению.

Сейчас он не мог и не хотел быть холодным и равнодушным. Больше всего он боялся, что волшебство исчезнет и он останется опять один со своими бумагами, со своими мыслями, со своим холодом одиночества. Сейчас он отдал бы всё своё Королевство и все сокровища, чтобы только остановить это мгновение: ночной ветер, танцующие занавески и алый шёлк разлетевшихся от сквозняка волос...

- Знайте своего врага, Король! - лёгкая, чуть насмешливая полуулыбка, лёгкий взмах длинных ресниц, лёгкий, едва уловимый кивок головой.

- Ты мне не враг, - он уверенно шагнул вперёд. Его голос вновь наполнился силой и властностью. Очарование развеялось. Ветер стих.

- Вы сами того желали, ваше величество. Вы хотели видеть силу. Я вам её показала, а теперь, будьте так добры, выполните мою просьбу.

Он сразу понял, о чем идёт речь.

- Я не могу этого сделать. Особенно теперь.

- Но Вы же видели, я многое могу…

- Ты не причинишь мне боль. Не сумеешь.

- С чего ты это взял, - величественность момента прошла, и Амира опять почувствовала себя обиженной девочкой, которой очень хочется постоять за себя. - В моих венах течёт огненная кровь.

Динарий лишь презрительно улыбнулся. Он не боится? Совсем не боится Силы Огня? Это потому что он её просто не знает! Она скользнула к нему, взмахнула тонкой рукой, и стальное лезвие ножа прикоснулось к

его шее. В комнату вновь ворвался ветер, и полотна штор опять начали свой упоительный вальс за её спиной.

- Вы позволяете мне уйти. Добровольно и беспрепятственно, - и ветер стал сильнее. - Мы заключаем новый контракт: вы даёте мне корабль, а я не убиваю вас!

Он сделал какое-то порывистое движение, хотел что-то сказать, но Амира решила продолжить прерванную речь:

- Ах, что же, я вас всё ещё не убедила? Тогда позвольте мне кое-что показать!

Теплый ночной ветерок усилился, стал порывистым и хлёстким. Она выпрямилась, её напряжённая осанка показывала всю исходящую из неё уверенность и силу. Не отводя своих изумрудно-зелёных глаз, смотрящих прямо на него, она предупреждала о грядущем шторме, урагане и беде…..

Как вдруг…..

Манящий аромат горячего грушевого пирога, пригнанный злорадным ветром, поманил её к себе.

Ну и как тут удержаться?? И правда… Как?

В дверь резко врывается тот самый господин, одетый в тот самый пингвиний смокинг. От долгого бега он запыхался. Он взволнован. Испуган. Врывается в кабинет, не успевая заметить, что здесь происходит.

- Господин! Она сбежала! Наша пленница сбежала! Мы уверены, что она вооружена и очень опасна! И не стоит….

- Кто-кто, говоришь, опасен? - медленно повернувшись к вошедшему, уточнил принц. - Не она, случайно?

И он указал глазами на бедную Амиру, оставшуюся наедине с чудесно обретённым за сбившейся занавеской грушевым пирогом. Девушка так и не перестала руками закладывать за обе щеки, кусочек за кусочком.

Динарий, поправив рукава, спрыгнул со своего стола и направился к остолбеневшему в тот момент Рохелио, дабы тот подал его Королевский плащ.

- Амира, будь так добра, выслушай меня, - он продел руку в правый рукав. - Ты видишь мир через розовые очки, даже если учесть что ты вовсе не слепая простушка, - вторая рука нашла левый рукав. - Однако получить то, в чем заинтересованы наши два королевства, можно только благодаря деловому подходу, - небрежный жест, поправляющий волосы. - Вам нужна защита и помощь для поддержания жизни вашего королевства; нам же нужен ваш козырь в рукаве, для вашей же защиты, которым вы не умеете воспользоваться, - он подошёл к ней. - Как видишь, на данных условиях мною подписанного договора в выигрыше останетесь вы, а не мы!

- Кхем...кхем. Позвольте я расскажу вам истинную историю, - отряхнув с платья запутавшиеся в нём крошки и перенеся свою трапезу на

потом, начала Амира. - Вы не станете нам помогать, лишь бросите на воздух бесчисленные множества обещаний о нашем будущем процветании, - поправила волосы. - Молодой король, а значит, управляемый, а значит, глупый и надменный - не такая уж счастливая находка для моего народа, - ловко заплела струящийся шёлк волос в густую отливающую алым косу на бок. - И прежде всего, вы, может, и боитесь меня, но стоит мне подчиниться, вы начнёте использовать меня как секретное оружие, - поправив вновь своё платье, она внимательно посмотрела на него. - А я знаю, что в таком случае для моей семьи и Королевства будет лучше всего, если я останусь в своей стране. И даже если это будет не самым лучшим решением, я буду продолжать смотреть на мир через свои розовые очки и верить, что это лучшее, что я могу сделать для моего народа.

- Так ты боишься, что тебя обидят? - и в тот момент её сердце дрогнуло: таким тихим, нежным вдруг стал его голос. Очень не хотелось вновь поддаваться очарованию.

- Думаю, на этом наш разговор окончен! - она направилась к двери…

- Нет! Нет! Остановись! - в голове прозвучала мольба, и девушка замерла на мгновение. - Прошу, дай мне и моей стране четыре недели! - упоминание о стране вернуло все в исходную точку. Это не могло её остановить. - Ладно, мы подпишем новый маленький поддоговор.

- Поддоговор?- заинтересовалась Амира.

- Да! Который будет гласить, что ни я и никто другой не имеет права к тебе даже прикасаться в течение этих четырёх недель, пока ты будешь решать, хочешь ли ты стать моей женой или же все-таки решишь аннулировать контракт и отплыть домой. У тебя будет четыре недели для принятия решения. До этого момента наша помолвка не состоится.

- Что? Неужели так можно? - вдруг встрял в разговор доныне всеми забытый пингвин Рохелио.

- Можно, Рохелио. Мне всё можно, - холодно процедил Динарий.

- Неужели? - насмешливо проговорила Амира, понимая, какие проблемы ждут бедного короля в связи с принятием такого решения.

- Да, - с лёгкой судорогой возле губ ответил он.

- Ладно! Давай подпишем твой поддоговор, - она пошла навстречу к нему, протягивая тонкие руки, и каждый её шаг заставлял лицо короля все более смягчаться. Надежда засветилась в его глазах.

- Хотя, знаешь… - Амира остановилась.

- Да заключи ты уже со мной контракт, пока я не передумал! - теряя самообладание вскричал Король.

- Ладно-ладно… Так уж и быть.

Наконец этот момент настал, и их долгожданное рукопожатие состоялось. Они оба, все ещё держась за руки, обернулись к Рохелио, который

растерял свой былой чопорный вид и белым кружевным платком вытирал влажное то ли от пота, то ли от слез умиления лицо.

- Эммм… Рохелио, будь так добр, отведи, пожалуйста, Госпожу Амиру Альдерону в её опочивальню, - голос звучал как-то глухо, устало, обессиленно.

Глава 5

Яркие лучи солнца, так приятно греющие своим светом, попадали из распахнутых окон прямиком в комнату. Лёгкий ветерок развевал длинные персиковые шторы, и тени их тонких крыльев скользили по стенам и сверкающему паркетному полу в каком-то волшебном фантасмагорическом танце.

Из всего огромного замка Солнца, у Амиры была самая уединённая спальня, та, что ближе к небу и к солнцу, в правом крыле одной из невысоких башен.

Для молодой гостьи яркое солнце было настолько непривычным явлением, что ей приходилось время от времени насылать маленькие тучки, которые сумели бы скрыть его неистовый свет ещё хоть на пару минут.

Дело в том, что в стране Туманов солнце - явление очень редкое и значимое. Его принято считать знаком величайшей удачи, посылаемым с небес, и благословением на дела благие. Такие дни всегда являлись одними из самых радостных праздников. Тогда люди отбрасывали прежние негодования, сомнения, обиды, злость и тревогу и радовались жизни со своими соседями и друзьями. В такие дни принято было все прощать, забывать конфликты и планировать разные увеселения. В мире, в котором грань между гармонией и хаосом так тонка, такие мелочи делали жизнь всегда чуточку лучше.

Амира спустила свои ножки на тёпленький, нагретый солнцем пол. Потом зевнула, встала с кровати и неуклюже, с одеялом на голове, направилась, полусонная, к распахнутому окну. Пробираясь через раздуваемые утренним бризом шторки, она, приспустив одеяло, вышла на маленький балкончик и, глубоко вдыхая свежий, насыщенный прохладой воздух, проговорила:

- Ну и пусть начнётся новый день!

Амира причесала волосы, заплела их в тугую косу, достала из своего сундучка платье, выбрав себе “под настроение”, и выбежала из комнаты.

Замок был довольно большой, так что Амира не раз задумывалась, как бы ей здесь не потеряться в будущем… И в это самое время её нашёл Рохелио; сказав, что король Динарий подойдёт ещё нескоро, он проводил её до кухни, где она могла выбрать все, что ей захочется на завтрак. Он казался

намного добрее, чем раньше, хотя тут, видно, и думать не стоит о причине такой любезности. После достаточно долгой разлуки с домом для Амиры был прекрасен её завтрак, наполненный разными оттенками севера, приправленный сладким ароматом дикого мёда. Хоть она и трапезничала, как это и полагалось, в большом зале, за бесконечно длинным столом, такое времяпровождение только для себя ей не пришлось по душе.

В этот день во всем замке было слишком тихо, настолько тихо, что буквально ни одного яркого события не носилось в воздухе. Так что Амира решила пойти прямиком в логово льва с именем Динарий.

Пока она шла по знакомому ей уже пути к его кабинету, ей приглянулся почти незаметный садик, раскинувшийся за окном. Наконец дойдя до двери, она была готова постучать, как вдруг дверь распахнулась, и перед взором девушки предстал тот самый «лев».

Первое, что заинтересовало Амиру, были его всклокоченные кудрявые волосы, идеально спадавшие на аккуратные очки. Поразил раннюю гостью и его внешний вид: он был не в халате, нет! А в ослепительно белой шёлковой рубашке и наверняка новых идеально отутюженных брюках.

- Лиса…. А то есть… Амира… Что ты делаешь здесь? –торопливо сказал он, рассеянно глядя по сторонам.

- Мне было одиноко внизу, и я решила найти самого шумного здесь, вот и пришла к тебе, - пролепетала принцесса.

- Ох! Надо же! Последнее пропущу между строк, - он перекинул через руку королевскую длинную накидку, в которой был вчера. - Сегодня весь замок в твоём распоряжении, - он захлопнул за собой дверь. - И если чего желаешь, не бойся спросить Рохелио, и если увидишь его, не говори ему, что только что меня видела. Ладно?

Ну и, разумеется, последний штрих его идеальной ясности - поправленные очки, перед тем как убежать. Входная дверь хлопнула, но Амира не сдвинулась с места, так и стояла, как прибитая гвоздями к верхней ступеньке лестницы. И правильно, что не ушла. Диалог неожиданно продолжился. Дверь вновь приотворилась:

- И хэй, хэй, хэй, даже если сегодня спокойный день, пожалуйста, не доставляй мне неприятностей и не выходи в город… для твоей же безопасности!

Сказав это, он скрылся. Теперь уже окончательно. Амира, неподвижно уставившись на закрытую дверь, стояла так ещё пару минут и потом, будто осознавая какую-то очень важную вещь, наклонив голову и опустив руки, сказала:

- Он всегда был таким обаятельным?..

Ну что ж, день и вправду был необыкновенно спокоен и красив. Долго прогуливаясь по всему замку, заглядывая во все комнаты в поисках хоть

чего-то интересного, она скоротала весь день. Проголодавшись, принцесса вспомнила, что на кухне можно попросить всё, что угодно, и, восхищённая вкусом вчерашнего пирога, попросила приготовить ей один такой же.

Потом она вспомнила про увиденный ею утром садик, и, не желая сидеть вновь одной за большим одиноким столом, Амира укутала только что приготовленный грушевый пирог с отчётливым запахом корицы в кружевное одеяло, положила его в плетёную корзинку и радостной походкой направилась к саду.

Когда она проходила мимо одной из дверей, ей вдруг почудился запах… запах очень знакомых ей цветов. Тогда она остановилась и внимательно присмотрелась к двустворчатой двери. Эта дверь была очень красивой, красивее остальных. Деревянные цветы и ветви диковинных растений красиво сплетались, образуя великолепный орнамент, напоминавший силуэт девушки. Амира поняла, что эта дверь наверняка должна была вести в сад, но ей показалось странным, что она не заметила такую необычную деталь интерьера раньше. В тот самый момент, когда она отворила дверь, девушка будто бы попала в другой мир.

Ветви большой плакучей ивы завешивали проход красивыми серебристо-зелёными струйками. Тот запах, напоминающий Амире детство, исходил от розовых миддлемистов, посаженных по всему саду.

Сад был так аккуратен, так ухожен, будто кто-то заботливый и умелый никогда не упускает возможности прийти в это место, не давая прекрасному саду почувствовать себя одиноким, ненужным и заброшенным.

Рядом с зеленокудрой ивой стояла красивая лавочка с резными ручками и расписной спинкой. Амира пристроилась на лавочке с корзинкой на коленках, укутала плечи одеялом и задумалась...

На душе у неё было такое же состояние, как если бы она никуда и не уезжала вовсе. В своём родном доме каждый её вечер так и проходил. Амира не любила вечера, не любила то самое романтичное время суток, когда пылающее солнце закатывается за горизонт.

Но это было дома… Здесь же вечера казались ещё более невыносимыми, а одиночество давило все сильнее.

Сидеть так и дальше, сжимая в руках ручку корзинки с забытым в ней пирогом, было глупо, и Амира спустила ноги со скамьи и подошла к краю сада, откуда ей стал виден весь город как на ладони. Ветерок легонько развевал длинную косу, шёлковое платье и звуки, волшебные и таинственные, переплетающиеся с лепестками розовых капель и зелёных степей.

☼ ☼ ☼

Небеса золотистые,
И куртины тенистые,
И закаты огнистые,
Вы услышьте меня.
Не прогневайтесь, грозные,
Тучи-ветры морозные,
Не глядите серьёзно вы,
Солнца луч заслоня.
Вы пошлите мне волюшки,
Счастья-радости долюшки,
Жизнь простую, как полюшко,
Как рассвет в тишине.
Я хотела бы высказать,
В небесах, в вышине...
(Песнь света темноты)

В коридоре, уже почти съеденном темнотой мирного вечера, были слышны отчётливые усталые шаги задумчивого человека. Динарий, с красным плащом в руках, ни разу не взглянув по сторонам, медленно брёл по коридору. С каждым разом его шаг становился все спокойнее и смиреннее. Он остановился, вздохнул глубоко, снял очки и взглянул в окно. На лице его отразилось – нет, не волнение, не испуг, но, скорее, недоумение.

«Почему внезапно стало так темно?» - это была его первая мысль. Но молодой человек быстро овладел собой, не дав ни страху, ни недоумению закрасться в сердце.

С первого взгляда по нему не скажешь, что в этом очень серьёзном, на первый взгляд, человеке, живёт просто ребёнок. К своему высокому предназначению он относился противоречиво, позволяя себе побыть иногда ребёнком. Все-таки он же Король! Однако мало кто знал его таким. Эту сторону своей души он старательно прятал ото всех.

После серьёзной работы и ВСЕХ навалившихся на него проблем без решений у него оставался лишь единственный вариант: пойти туда, где, по крайней мере, он сможет спокойно подышать свежим воздухом на ночь… Хотя ночь - это не ночь, когда не спишь… А во всём замке было лишь одно сокровенное место. И это был - Сад.

Он шёл прямиком к той самой необычной двустворчатой двери, а когда пришёл, заметил, что она приоткрыта. Поскольку по вечерам покой сада никто не беспокоил своим присутствием, это обстоятельство не то чтобы насторожило, скорее, заинтересовало молодого правителя.

- Ууу, надо же, у нас посетители… - тихо и насмешливо проговорил было

он, однако, как только вошёл в сад и огляделся, остановился в неподдельном изумлении. То, что увидел он, никак нельзя было назвать ожидаемым.

Цветы Миддлемисты, ласкаемые тихим и тёплым ветерком, лепестками смешались с многочисленными руками длинной ивы. Растения танцевали в медленном танце грусти и ветра, будто волнами нежности и покоя наполняли все вокруг.

В этом глубоком море, среди розовых и зелёных цветов настоящего света, среди атмосферы, созданной красивой печалью и чуткой грустью, плавала маленькая золотая рыбка, чем-то напоминающая лепесток, который в любую минуту мог исчезнуть в усыпанной отражениями звёзд воде тихого пруда. Рыбка была такой яркой, что, казалось, даже в тёмном океане, даже непроглядной штормовой ночью корабли могли бы идти на её зов, как на свет маяка. Она была такой хрупкой, что, казалось, если взять её в ладони, то, как ни старайся, все равно раздавишь её маленькое тельце.

Тревожная и хрупкая красота её манила, отторгая тебя от всего беспокойного в жизни: от всех невзгод, печалей, мрака, тьмы…

Такое хрупкое создание меняло мир одним лишь взмахом маленького золотистого хвоста…

Динарий стоял в глуби ивовых ветвей, облокотившись на ствол дерева, не произнося ни слова. Казалось, он старался даже тише дышать, чтобы не спугнуть дивное видение.

Но смотрел Король не только на рыбку. У самой кромки воды, наполненной до краёв звёздным блеском, стояла Амира. И Динарий, как зачарованный, смотрел на переливающиеся алым блеском волосы. Он видел, как длинные ресницы её закрытых глаз кончиками касались развевающихся на ветру волос. Он заметил, что платье её время от времени походило на медузу, выплывшую на поверхность этого моря. И он слушал её прелестный голос, тихо напевавший какую-то странную песню, песню моря и ветра, песню ивы и звёзд.

...Ветер прекратился… Звёзды укрылись за пеленой облаков… Растаяла золотая рыбка в пучине внезапно потемневшей воды…

Однако мир никогда не станет прежним для него… Нет, для них двоих…

Амира приоткрыла глаза, удовлетворённо улыбнулась, радуясь тому, что теперь на душе стало спокойно и радостно, как бывало всегда, когда запевала она песню летнего вечера. Девушка поправила немного намокшее у подола платье, переплела ставшую бронзовой в вечернем полумраке косу и была уже готова пойти спать, как вдруг, обернувшись, заметила...

«Ёк!» - всхлипнуло сердце при виде его.

Колдовство летнего вечера рассеялось, и Динарий, уютно устроившись на скамейке, принялся за красиво приготовленный пирог.

- Эй! Не ешь мой пирог! - обиженно воскликнула Амира.

Казалось, что этот голос совсем не был похож на тот, что сплетал несколько минут назад песню вечера. Но для Динария это был по-прежнему тот самый голос.

- Неужели так надо делать всегда? Взять чужое, отнять, присвоить себе, - она взглянула на Короля, и голос её смягчился. - Небеса любят слушать людей. Если всей душой обратиться к ним, то они услышат.

Она ласково улыбнулась и подошла к Динарию. Безжалостно сминая платье, Амира присела рядом с ним. Её лучистые глаза обречённо наблюдали за тем, как он… положил за щеку целый кусок пирога.

- Как ни странно, но они внимательно слушают… в отличие от некоторых, - девушка укоризненно взглянула на него, и в этот самый момент он вытащил из корзинки последних два куска пирога.

- Вой пивог! - промямлил он.

- Почему ты такой голодный? – в голосе Амиры послышалось сочувствие.

- Я весь день бегаю от Рохелио…

- Почему?

- Нууу… потому что он слишком заботливый!

Амира рассмеялась, и Динарий, как ни странно, тоже улыбнулся.

- А если серьёзно, как ты нашла это место?

- Это было несложно, я ходила вокруг да около целый день…

- Серьёзно? И ни разу не вышла за ворота замка? - он удивлённо приподнял бровь.

- Но ты ведь не велел ходить, - в голосе девушки послышались обида и недоумение.

- О! Ну, я же не ожидал, что ты послушаешься…

- Ха-ха-ха, а где же ваша стража? Неужели больше не боитесь, что под покровом ночи я лишу вас воздуха, упрямый король?

- Согласен, заслужил. Но на моём месте ты бы поступила так же.

- Это когда же? Когда вы засадили меня в темницу или когда я оказалась монстром, от которого надо защищаться? – раздражение в голосе девушки нарастало.

Но он промолчал… И тогда в воздухе повисла тишина, плотная и высокая, как стена, которую никак не сломать.

- Надеюсь, ты понимаешь, что я выбрал тебя, а не просто кого-то там... Да, возможно, свет на мне клином не сошёлся, но я соответствую своему статусу. Я - король, а значит, все мои деяния должны быть разумны! А это значит, что где есть я, там всегда есть другие…

Говорить больше было не о чем. Он просто встал и ушёл. Удалился, придерживая левой рукой болтающийся на правом плече плащ.

Амира молча наблюдала за ним, пока он был здесь, и продолжала вспоминать каждое его слово, каждый жест теперь, когда он ушёл.

Она слышала голос мальчика, маленького одинокого мальчика, запертого, как птица в маленькой клетке, в таком огромном мире. Она понимала, как каждое его слово шло рядом с болью, будто с сердцебиением, не замедляя шага. Но в то же время она видела и другое: сад, в котором летала колыбельная, а под плакучей ивой девушка с золотистыми волосами бережно и с любовью качала на руках дитя с такими же прекрасными золотистыми волосами.

И в тот самый последний миг, когда Динарий шагнул за пределы ивы, Амира, не успев опомниться, тихо крикнула:

- Кенаи…

Он остановился….

- Можно, я буду звать тебя Кенаи?

-Да, можно, - так и не обернувшись, ушёл из Сада упрямый Король.

Глава 6

Шагнув лишь шаг… один лишь шаг…
Слеза из моря голубого
струёй скатилась на улыбку
И замерла счастливым смехом
Младенца из страны волшебной…
(Народная песня жителей страны Туманов)

День за днём Амира просыпалась в своей тёплой кроватке, на которую каждое утро падали лучи солнца. Через распахнутое окно в комнату проникал свежий бодрящий ветерок, раздувая длинные шторы. И Амира каждое утро вставала, словно солнце, в одно и то же время, любовалась видом из окна, наслаждалась городским шумом, причёсывала локон за локоном свои алые косы и одевалась. Так как в замке уже все прознали, что появилась нежданная гостья, каждое утро, рядом с кроватью принцессы, возможно, просто замечательная фея оставляла на блюдце угощение с запиской:

«Молоко и сладкое печенье - лучшее в мире угощение.»

И каждое утро, стоило Амире открыть дверцу своей комнаты, с радостной улыбкой до ушей её встречали две фрейлины, Лисанна и Миражанна. Своё приветствие они произносили хором:

- Доброе утро, дорогая Госпожа!

На что Амира, всегда приветливо отвечала с такой же нежной улыбкой:

- Доброе утро!

Кенаи никогда не успевал на завтраки, поэтому принцесса проводила это время в одиночестве.

Рохелио, наш знакомый человек-пингвин, довольно часто бегал по замку в поисках Короля.

Отныне каждый ужин Амира проводила в компании, иногда сидя со своими фрейлинами, которые обожали слушать её истории, а иногда к ним присоединялся измотанный беготнёй Рохелио. Позже к ним подсаживался и повар, который и был той самой доброй фей. А вскоре на такой прелестный аромат приходил и Король.

Однако это утро, вновь все изменило!

Амира, в красивом голубом платьице, с тщательно причёсанными волосами, стояла перед дверью кабинета короля, не в силах пошевелиться и напряжённо прислушиваясь. Из-за двери доносились крики двух детей, спорящих между собой, какая машинка лучше.

- Да! Но мой Господин! Съезд был назначен через неделю! Как можно было так просто взять и перенести его?

- Я без понятия, Рохелио. Без понятия как у этого айс Берга все получилось. Чтобы перенести пораньше такой важный съезд, надо поднять на уши аж четыре континента с главами семи стран! А ведь это мероприятие изначально было запланировано им! Как он посмел все так мне испортить, дурацкий Ледышка…

- Аааааа! Мы все умрёёёём! - донесся голос из глубины кабинета.

- Успокойся, малец! Мы умрём за нашего Короля!

- Эй вы, двое, уймитесь, - сказал Рохелио. - Мой Господин, но что же нам делать? Как нам поступить?

- О чём тут думать, Рохелио! У нас нет иного варианта…

- Мой Господин…

- Пакуем вещички и по-быстрому сваливаем!

- Но мой Господин!

- Мы все умрём!

- Зато за нашего Короля!

- Где-то у меня тут были накладные усы и чемодан…

- Но мой Господииииин!

Разбирать хоть что-нибудь дальше трудно, а подслушивать неприлично. Амира постучалась, но никто её не услышал. Тогда принцесса вошла в комнату и, уставившись на происходящую картину, не могла промолвить ни слова.

По комнате в чрезвычайном волнении бегал молодой стражник, а второй, постарше, зачем-то встав на одно колено, произносил очень длинную и запутанную речь. Казалось, что он хорошо выучил лишь её начало, а вот конец начисто забыл, и теперь без конца повторяет одно

лишь начало, а когда доходит до середины, начинает сызнова.

Наконец поймав момент тишины, Амира воскликнула:

- Господа! - в ту же секунду все мигом уставились на неё.

Она, конечно, хотела сказать что-то ещё, но ей не дали такой возможности.

- Господин! – возопил Рохелио. - Вы правы, у нас есть лишь один вариант, и это Амира! Надо попросить её о помощи!

- Что? Я? Я? Почему я? – Амира смешалась, совершенно позабыв, о чем хотела говорить.

- Эххх! - прошипел Кенаи и, плюхнувшись в своё тронное кресло, сцепил пальцы в замок. - Она и вправду единственная надежда, которая у нас есть, но она ведь может всё испортить! Понимаешь, всёёё!

- Хмм… - Рохелио тоже скрестил руки и задумчиво промычал.

- Да кто-нибудь может объяснить мне, что здесь происходит!? –совершенно не по-королевски взвизгнула Амира, теряя терпение.

Тогда Кенаи глубоко вздохнул, посмотрел в окно, и с самым серьёзным видом сказал:

- Надо нам, братцы, сваливать, да поскорее.

- Да возьмите себя уже в руки, ваше величество, если вы и в самом деле король, и скажите мне, наконец, что происходит!

Король Динарий вздохнул и, внимательно посмотрев на девушку, начал:

- Ты и сама прекрасно уже поняла: всё, что происходит в замке, в замке и остаётся; никто за чертой страны представления никакого не имеет о её внутреннем устройстве. Я уверен, ты и сама наслушалась многочисленных слухов обо мне… - он остановился, Амира кивнула. - В течение двух месяцев большинство горожан не знали о новом наследнике своего королевства, а некоторые и до сих пор представления не имеют о моей внешности. - Но как это вообще возможно? - спросила Амира.

- Потому что как правитель Господин выполняет всё, что от него требуется, - поправляя очки, уточнил Рохелио.

- Однако каким-то образом подлец из страны Льда, который является её будущим королём, услышал о твоём приезде, то есть, корректнее будет сказать, о слиянии наших двух королевств, и заставил меня устроить приём в честь… будущей Королевы.

- Что? Но почему? - удивлённо спросила Амира.

- С деловой точки зрения, это пиар… Ты разглашаешь о своём союзе всем союзникам, и особенно врагам, чтобы трепетали.

- Тогда почему бы просто не отказать? - спросила Амира и поймала сочувствующий взгляд юного мальчика, прекрасно понимающего, в какой опасности будет теперь её жизнь.

В ту же секунду Амира поняла: никто из горожан не встречал её на

пристани, потому что о её приезде никто не знал. Ведь Кенаи прекрасно понимал, что может случиться, если все пойдёт не так....

- Мы не можем... - он серьёзно вздохнул… - В случае моего отказа все мои старания… все труды моего народа… пропадут даром. Да, мы подставляемся под удар, но выбирать и вправду не приходится, - он встал с кресла. - Ведь в нашем положении можно только из двух зол выбрать меньшее. И хоть моё решение просто ужасное… ведь ты наверняка все испортишь… и все станет ещё хуже, чем могло быть… Я знаю, что дал тебе время обдумать своё решение, я не собираюсь заставлять тебя, но, пожалуйста… притворись моей женой….

Глава 7

В одном из тронных залов звучала красивая музыка, которая, по мнению Рохелио, должна была прививать изящество и грациозность. Почти во всем замке бурлила жизнь, все куда-то бегали, спешили и готовились к чему-то важному. А что может быть важнее танцев?!

Так вот, в большом зале, из которого доносилась музыка, Рохелио и Динарий наперебой старались обучить светским манерам их слабое звено, то есть - Амиру!

- Раз, два, три… Раз, два, три - с каждым разом все чаще говорил Рохелио.

- Принцесса, вы снова ставите не ту ногу! Надо начинать с правой, а не с левой… С правой! – Рохелио сердился, выходил из себя и чуть не топал ногами.

Амира в ответ лишь, задыхаясь, кивала.

- Давайте заново. Миражанна, музыку, пожалуйста.

И Амира начала свой танец сначала. Сделав правильно три шага, она сделала изящный поворот, потом снова два такта, снова поворот, на котором Амира снова споткнулась.

- Нет же, нет же, - твердил Рохелио. - В этом танце нужна грация, а вы неуклюжи! Не забывайте переставлять ноги, иначе в следующий раз, когда вы споткнётесь, Динарий не успеет вас подхватить.

- Да брось ты эту затею, Рохелио. Она ужасна, и мы оба это знаем! - фыркнул Кенаи.

- Вы имеете в виду музыку, ваше величество? – усмехнулся Рохелио.

- Ну что ты! Музыка прекрасна! – отпарировал Кенаи.

И оба рассмеялись.

- Эй! - все ещё не в силах перевести дух, прервала их смех Амира. - Я бы посмотрела, как бы ты гарцевал с клеткой на теле.

Что и говорить? Корсет ей действительно мешал!

- Перестаньте оба! - внезапно пингвин заважничал, и в голосе его про-

резались требовательные нотки. - Этот танец очень важная часть любого придворного бала! Во всех странах принцессы всех народов и племён обучаются как хорошим манерам, так и умению держать себя в обществе. Танец же нашей страны особенно важен, ибо искусством его танцевать вы показываете своё уважение к законам нашей страны. Все увидят, что вы достойны стать королевой страны Солнца!

Амира и Динарий тяжело вздохнули.

А Рохелио тем временем продолжал свои нравоучения:

- Ваше поведение друг с другом в уважаемых светских кругах недопустимо.

- Слышала, не-до-пус-ти-мо, - хитро улыбаясь, сказал Король, обращаясь к уставшей Амире.

-Мой господин, к вам это тоже относится. В вашем кругу будет множество правителей намного старше вас, и хоть никто и не посмеет поспорить с вашим величием, но многие не одобряют такого поведения. Вспомните выражение лица Амиры, когда она увидела вас впервые! Не будем забывать, что вы оба дети… А теперь продолжим!

...Вот так и прошёл последний день перед приездом всех господ…

Вечером во всем городе и в замке повисла умиротворённая тишина. Даже в шумном центре города, где обычно открывались таверны и гильдии, этим вечером устроили затишье. В течение целой недели все без исключения готовились к большому событию. Как и предупреждал Амиру Динарий, такие события очень важны как для самой страны, так и для соседних государств. Ведь их союзник становился либо сильнее, либо слабее.

Динарий рассказал однажды Амире, кто был зачинщиком всего этого переполоха.

- Кто он? Ты, кажется, назвал его негодяем? - спросила Амира, сидя однажды вечером за кипой исторических книг.

- Он и есть негодяй. Мой соперник с самого рождения. Подстраивает гадости на каждом шагу. Будущий наследник королевства Льда и тьмы.

- Надо же… Он тоже будет на приёме?

- Да, разумеется.

- Он тебя пугает, не так ли?

- Ты даже не представляешь, насколько! – абсолютно честно и безо всякой рисовки проговорил Король.

Она всё думала, что же такое он пережил, ведь каждый раз, глядя ему в глаза, она всегда видела в нем того мальчика, сидящего под ивой. Кенаи никогда не жалуется, хоть и ведёт себя он иногда до жути напыщенно, упрямо и высокомерно. Но он уж точно не был тем монстром, в которого его превратили люди.

Девушка услышала, как дверь в сад скрипнула.

- Снова сбежал от Рохелио? Он тебе этого не простит.

- Простит, если только ты ему не расскажешь, - он прошёл сквозь ветви плакучей ивы. – Не хмурься, это просто просьба – не приказ.

- О! Снова просьба? Вы не устали просить девушку об одолжениях, мой Король?

- Я прошу, только если она сама позволяет это делать.

- Я сначала хотела спасти тебя, но вот тут начала как раз думать: не рассказать ли мне всем правду и не избавить ли себя от проблем…

- Ты этого не сделаешь, - и ни капли беспокойства или тревоги в его голосе.

- Это почему же?

- Потому что тогда тебе этого не простит Рохелио. Слишком уж много сил он вложил в твой танец «Не отдавите мне ноги, Принцесса», - от его шутки стало легко и радостно на душе.

- Как вы познакомились?

- Ну, он был близкий друг детства моей мамы, и после её смерти у меня не оставалось родных. И тогда он стал моей семьёй.

Амире не хотелось, чтобы Король погружался в грустные воспоминания, и она поспешила разрядить обстановку.

- Потанцуй со мной. Мы же должны тренироваться перед важным приёмом? – она заглядывала ему в глаза снизу вверх, просительно и нежно.

- Хочешь оставить меня калекой накануне приёма? Как это низко с вашей стороны, Принцесса Амира.

- А ты рискнёшь мне отказать? Как это невежливо с Вашей стороны, Ваше Величество…

- Между прочим, ты обо мне знаешь уже многое, а вот я о тебе совсем ничего.

- И чья же в том вина, мой Король? – лукаво улыбнулась Амира.

- Ой, да брось… - слова звучали чуть слышно, а танец продолжался, медленный и лиричный. - Ты много времени проводишь с Рохелио, к тому же я знаю, что фрейлины - Миражанна и Лисанна - самые большие кладези тайной информации.

Амира не стала отрицать и, безошибочно выполнив все па, предала ситуации больше пикантности.

- Законный правитель моей страны - мой отец, - Амира предпочла начать рассказ с очевидного. - И у меня есть три занятые старшие сестры.

- Я так и знал, что что-то здесь не так! Я опоздал, а они, наверняка гораздо красивее тебя. Мне досталось то, что осталось?– в противоположность его словам голос звучал нежно и ласково.

- Ха-ха-ха! – раздельно проговорила Амира и нарочно наступила Динарию на ногу.

- Ауу! Ты все-таки это сделала! Я боялся этого весь танец! И теперь, в самом финале, ты отдавила мне ногу!

- Ничего: до свадьбы заживёт! - она сделала последний поворот через руку и остановилась.

Танец окончился, но девушка все ещё держала его руку в своей.

- Моя мама… У неё тоже был дар… его называли даром Огня. Это почти невозможно и случается очень редко, но он у меня от неё.

Амира склонила голову, и алый пламень её волос огненными ручейками заструился вниз

- Как?… Как возможно узнать происхождение твоей силы? - он знал, что говорить о таком нельзя: природа дара непознаваема, о её происхождении не стоит не только гадать, но и думать.

- Странно, правда? Моя мама была богиней Огня, - она подняла на него свои большие прекрасные глаза. - А я урождённая жрица Небес и Тумана…

Слёзы, навернувшиеся ей на глаза, мешали девушке говорить.

- Это совершенно противоречить природе… - она всхлипнула. - И я не узнаю причину, потому что… - всхлипывания стали чаще. - Я не успела… В какой-то момент она просто исчезла…

И слёзы одна за другой жемчужинами покатились по её белоснежной коже.

Иллюстрация автора

Он нежно и мягко обнял её, положил свою сильную руку на её голову, поглаживая и успокаивая её, как ребёнка, так, как хотел бы, чтобы успокаивали его. Она уткнулась лицом в его рубашку и ещё долго была не в силах поднять заплаканные глаза. Так они и стояли, прижавшись друг к другу, несчастные и одинокие дети, Король и его будущая Королева.

История Амиры начинается с истории любви богини Элизы из племени Огня и принца Эдмунда из королевства Тумана.

Однажды принц из северного королевства совершал путешествие по свету в поисках союзников для своей

страны. И совершенно случайным образом он попал на юг, где обитало племя Огня. Здесь Эдмунд повстречал прекрасную аловолосую девушку с сердцем и кровью из пламени. Юная богиня пленила его своей доброй душой, своей красотой и величием. Он знал, что она не похожа ни на одну из девушек, которых он встречал раньше, что жизнь его без этого огня отныне невозможна.

А прекрасное создание понимало, что её жизнь без него подобна скитанию рыбы по безводной пустыне.

Став наследником престола, Король Эдмунд заключил кровный союз с племенем Огня. Все окружающие его люди видели в этом союзе роковую ошибку, но оказалось, что ошибались они. Сила, что скрывается в носителях дара, безоговорочно волшебна. Элиза, став королевой своего племени и его страны, изменила всё королевство. Мир не видел королевы лучше её, а Короля добрее Эдмунда.

Королева Элиза родила четырех дочерей, прекрасных и добрых. Трёх старших дочерей звали в честь страны Тумана - Люси, Анита и Винонна. Однако четвёртая, Амира, была названа в честь племени огня.

Но после рождения четвёртой дочери Элиза захворала, рождение ребёнка ослабило её тело, и потихоньку огонь её сердца и крови начал угасать. А самое загадочное было то, что с каждым годом взросления маленькой девочки Амиры все чаще и чаще люди начали замечать проявляющиеся способности наследницы. Все думали, что она возьмёт дарование матери, но способности Амиры оказались вовсе не огненными, а ветряными…

"Дитя небес, рождённая от огня и тумана"- так прозвали девочку в народе.

Но когда время богини утекает, её тело, состоящее из магии пламени, больше не привязано к земле. Время приходит, душа и тело, обретая свободу, становятся добычей ветра перемен. И её душа превратилась в вечный пламень...

Амира сидела на скамье. Её развевающиеся волосы волнами следовали за ветром. Свет звёздного неба, умиротворяющий все вокруг, лунными лучами падал ей на щеки.

А рядом с ней сидел мальчик с черными волосами, похожий на воронёнка. Он не произносил ни слова и только молча и внимательно смотрел на танцующую под ветром зелёную иву.

- Моя мама погибла, когда мне было шесть лет, - Амира посмотрела вниз, на лежавшие у её ног розовые лепестки. - Я мало что о ней помню. Только самое светлое… Цвет её глаз… Длинные красные волосы… Её улыбку, с которой она всегда смотрела на меня, и её голос, красивый, вечно спокойный голос…

Подняв лепестки в ладонях, Амира подула на них, и они устремились в свободную гавань ночной тишины. Девушка наблюдала, как разлетаются они по ветру.

- Я всегда искала связь между моей мамой и тем, кем я стала… Жрица ветра - вот каково моё предназначение, ребёнок, родившейся от слияния огня и тумана… Странно, да? Мир, в котором мы живём, невозможно осмыслить. Рождённые единицами, дети с даром природы не могут найти ответов на простейшие вопросы: откуда они, являются ли они монстрами или прекрасными экзотическими цветами, заброшенными в этот мир неизвестно кем и для чего… Кенаи! Она погибла из-за меня… я ведь стала причиной её исчезновения. Причиной её смерти… Никто во всем белом свете не может дать ответы на мои вопросы, никто не поговорит со мной… Все всегда молчат, думая, что так мне будет легче, но это не так. Я уверена, что их молчание означает осуждение… Но остановить маму, я знаю, было уже невозможно. А все.. все эти люди.. Они знают… знают, что я монстр…

- Ты не монстр! - Кенаи крепко обнял её. – Я это знаю.

«Мир, в котором мы живём, порой бывает жесток и холоден.

Нам больно от того, что нас предали, от того, что те, кого мы любили, нас покинули. От осознания того, что болит душа. От того, что мы не уберегли их… И от того, что нас считают монстрами.

Мы живём в страхе перед миром, поступки которого невозможно предугадать. Когда каждый миг твоей жизни важен, ты начинаешь искать формулу своего счастья, чтобы боли было меньше, чтобы мир казался красочным всегда, чтобы время, прожитое тобой, было потрачено не зря.

Однако стремление найти противоядие от яда тьмы никогда не увенчается успехом. И размышляя, как поступить правильно, ты будешь скитаться по реке времени, избегая сложных чувств, эмоций, влекущих за собой череду несчастий и страданий.

Однако что толку в жизни, полной страха перед возможной болью, перед ожидающим тебя на пути несчастьем, перед, возможно, грозящей тебе впереди потерей?

Ведь там где, есть плохое, найдётся всегда и хорошее».

(Из творений мудрецов Страны Тумана)

Глава 8

Амира открыла глаза и посмотрела в окно. За развивающимися на ветру шторами небо было покрыто тучами, густыми, как хлопковое поле. Она приподнялась.

- Неужели это я? Что со мной? Сегодня что-то не так… - она встала с кровати, и зябкий холод, охвативший тело, заставил поёжиться.

Подойдя к окну, она увидела… СНЕГ. Она никогда не видела снега раньше. Протянув руку, девушка поймала в ладони снежинку, крохотную, но такую красивую, превратившуюся за секунду в её ладони в ледяную капельку. Внезапно налетел холодный ветер и заставил Амиру отпрянуть от окна.

- Холодно, - выдыхая замёрзший пар, сказала она.

- Он уже близко, - сообщил голос сзади.

Амира резко обернулась; это был Кенаи, медленно и сонно вылезавший из-под одеяла. Он дотянулся рукой до комода, на котором лежали его очки, потом сел, надев их, и, опершись на локоть, посмотрел на неё. - Тот парень из страны льда. Это его фишка: куда бы он ни приехал, он привозит за собой снег, чтобы все знали о его появлении. То, что снег уже начал идти, означает, что он близко.

- Так у него тоже есть дар?! - глядя на падающий снег, зачарованно сказала Амира.

- Ну, важно не это… Сейчас главное другое: Амира Альдерона, из страны туманов, готовы ли вы стать моей Королевой… временно, разумеется, - поспешно добавил он.

- Да начнётся же игра, мой Король. ….

Топая каблуками своих лакированных туфель, Кенаи продолжал прокручивать в голове казавшиеся невозможными и страшными предстоящие события. Страх и беспокойство не уходили. Порой ему казалось, что вся их с Амирой игра расколется на мелкие кусочки, как все его надежды на счастливое и беспечное будущее.

За воротами, перед которыми он так безнадёжно топтался, раздавалась оглушительная барабанная дробь. Было ясно, что на сей раз за этими стенами собрались люди со всего города, а может быть, и со всей страны…

Амира была так прекрасна, как истинный алый цветок, наполненный ярким светом пламенного мира. Кенаи не мог отвести от неё глаз, не в силах вымолвить ни слова…

- Что, упрямый Король, Вы потеряли дар речи? – лукаво улыбаясь, спросила Амира.

- Ты прекрасна, принцесса Альдерона! – восторженно проговорил Динарий, не в силах отвести от неё восхищённого взгляда. - Пойдём?

Она взяла его за руку. Её дыхание было ровным и спокойным. В этот самый момент, когда открывались ворота, за которыми стояли люди, которых ей сейчас предстояло поразить, она не сомневалась, что в конце всех концов она будет достойной этой великой чести. Только она и никто больше будет стоять рядом с ним и держать его за руку.

Гости следовали один за другим, входили в ворота, отдавали церемонный поклон и проходили на почётное место.

Дворецкий с важностью возглашал:

- Король из Страны Семи Морей с красавицей женой и молодой принцессой…Господин из большого племени Облака и всей его свитой… Принц из северной Страны Лесов... Старшая дочь важного Господаря из Приморья… И Король из Лисобона…

Одного за другим Динарий и Амира встречали и приветствовали гостей.

После встречи всех гостей по плану, составленному Рохелио, была назначена деловая встреча Кенаи со всеми правителями для решения важных вопросов, ну а после - одна из самых сложных задач для Амиры - бал в честь её «коронации», из-за которой и был весь этот сыр-бор.

Однако не было его… Наследника престола из страны Льда и пламени… После утреннего сюрприза снег уже успел растаять, однако тучи, тёмные, как дымка, и не собирались расходиться.

Опечаленная Амира вглядывалась в помрачневшие небеса. Она вникала в каждое дуновение ветра, в каждое движения облака; как ей было это знакомо! Она вспомнила, что Кенаи рассказывал ей о сущности магии Айс Берга:

- Это снег и тьма…Снег, лёд – все светлое! Прозрачные сияющие кристаллы… Порхающие феи-снежинки…

- Это все сказки! Он из очень далёкой страны вечного мрака. Хоть снега и льда там, действительно, предостаточно. Тьма и лёд совершенно изменили его характер, его душу, его внутреннюю природу. Тьма и лёд вокруг него. Тьма и лёд в нем.

-Ты был там?

-Да, однажды с отцом, когда был совсем маленьким. Мне было около семи лет, когда я впервые встретил этого мальчика с серебристыми волосами.

- Мальчика?

- Да, что ж тут такого? Неужели я тебе не рассказывал, что он наш ровесник? Он, как и ты, в раннем возрасте лишился матери, а отец его был скверный человек. «Одинокий завоеватель» - так его прозвали.

- То есть он - как и ты? Тоже молодой Король? И тоже сирота?

- Да, как и я, - улыбнулся Кенаи, но улыбка получилась какой-то странной. – Кстати, через несколько лет после той встречи мы увиделись вновь. Точнее сказать, пару лет назад… Когда пришло моё время… Занять престол…

Он внезапно замолчал.

- И что произошло тогда? - настойчиво спросила Амира.

- Я увидел, как странно, как сильно, как непоправимо он изменился…

Амира внимательно слушала Кенаи, смотрела на облака, вдыхала морозный ветер с севера и слушала…И тут внезапно повеяло не ощутимым ранее холодом… Это уже был не просто холодный ветерок, не просто дыхание отдалённого морозца – нет, это был холод, мрак и лёд.

Будто все небо, своей густотой обволакивая пространство, образовывало неприступную стену снежной вьюги. И рассекая пространство и воздух из-за снежной стены, рассыпая её за собой, вышел он со своей свитой.

- И это он? - дрожащим голосом спросила Амира.

Заметив выражение её лица и разгадав её состояние, Кенаи крепко сжал её руку в своей и шепнул так тихо, чтобы никто, кроме неё, этого не услышал:

- Просто будь рядом. И я никому не позволю обидеть тебя.

Как и раньше, они подошли к прибывшему гостю и поприветствовали его.

- О, приветствую тебя, мой старый друг! –голос звучал резко, слова были приветливы, но тон, которым они были произнесены, - холоден, как лёд. - Мы так давно с тобой не виделись. Сколько же лет прошло... Десять?

- Шесть, вообще-то, – Кенаи отвечал спокойно.

Казалось, он ожидал чего-то подобного. Амира же, напротив, такого совсем не ожидала. Она была потрясена. Не холодного правителя с сердцем из тьмы и льда, а всего лишь мальчика видела она перед собой. «Он что, такой же как Кенаи? Глупый, упрямый ребёнок?» - подумала Амира, переводя свой взгляд с одного на другого.

- О! – гость обратил своё внимание на Амиру, выглядывающую из-за спины Кенаи. - А это, должно быть, Амира! Вы прекрасны, принцесса! Позвольте представиться лично! Я, Грей Северус из Страны Льдов и Тьмы, долго ждал встречи с вами… С принцессой из страны Грёз. Это большая честь для меня - встретиться с человеком, обладающим столь редкостным даром!

- С королевой…

- Что, простите? - он поднял на неё голову.

- Уже с Королевой из страны Тумана, - отчётливо проговорила Амира,

твёрдо глядя ему в глаза.

- Ах, да… - последовала многозначительная улыбка. - Простите меня, я совсем… не слежу за тем, что говорю.

И Северус Грей, склонившись в галантном поклоне, поцеловал её руку. Вот этого совершенного никто не ожидал: ни гости, ни сама Амира, ни Кенаи, ни Рохелио, торопливо зашептавший на ухо своему Королю: «Держите себя в руках, ваше величество! Держите себя в руках! Это просто нарушение этикета, и ничего больше! Ничего больше, я вам говорю!…» А сам гость, наделавший столько шума, внезапно повернулся и зашагал в сторону замка, не обращая внимания на остолбеневшего Короля и остальных. Проходя мимо Амиры, он снова бросил ей этот взгляд, на сей раз говорящий: «Я разгадал вашу игру, но - не переживай - это будет наш маленький секрет». Она проводила его долгим и внимательным взглядом. У неё возникало ощущение, как будто он прекрасно знает, что он делает…. А то, что он делает, совершенно не нравилось ей, Амире.

- Пойдём! - сказал Кенаи н потянул её за руку. Несмотря на то, что шагал он стремительно, а в каждом его жесте сквозило раздражение, руку её он держал с нежностью. А ведь и вправду, все это время, он ни разу не выпустил её руки.

Главы всех приехавших стран во главе с Динарием покинули гостей и приглашённых лиц, дабы решить все возникшие вопросы и проблемы. А Амира осталась с Рохелио и всеми остальными, чтобы подготовиться к торжественной части приёма. Её фрейлины и, стало быть, пингвин должны были ждать её в большом зале. Но ей следовало бы пройти туда как можно незаметнее. Надо было воздержаться от лишних разговоров, ведь она была ещё очень неопытной Королевой. Амира проводила взглядом толпу, крайне шумно направлявшуюся в главный зал, и готова была уже скользнуть в боковой коридор, как вдруг её остановил чей-то тихий голос и робкое прикосновение.

- Моя госпожа! - из-за её спины показался тот самый молодой стражник, который встречал её в день приезда. По-видимому, он хотел продолжать, но под её взглядом покраснел и смешался.

- О! Ли, здравствуй! - она повернулась к нему. – Я действительно рада тебя видеть! Эй, ты в порядке?

- Ой… Не-еет… не-ет… В смысле, да, в смысле, в порядке! Всё хо-роошо! - он нервно замахал руками. - Вы-ы просто… очень красивая!

- Хмм… Правда? - девушка остановилась и внимательно посмотрела на собеседника. – Спасибо. Ну ладно, я пойду, а то Рохелио меня убьёт, если задержусь…

- А-а-а-а-а… Ну… я э-ээ-то… Мне стоит вас проводить, чтобы у вас была хоть какая-то охрана...

- Нет, не стоит. Так только больше внимания буду привлекать, а когда я одна, на меня даже внимания некому обращать.

Она помахала ему рукой, попрощалась и ушла.

Амира воинственно шагала по безлюдным коридорам, комкая в руках перчатки. Она думала очень о многом, к примеру: как справиться с волнением, ибо руки её выдают, как не отдавить никому случайно ноги, как сделать так, чтобы её уважали и одновременно не боялись и как прекратить думать о сероволосом Грее, который её так напугал…

- Моё почтение, принцесса! - холодным взглядом глядя прямо на неё, сказал наследник страны Льда и Тьмы. Он застал Амиру врасплох, поэтому она не смогла сдержаться и ойкнула… - Ну что вы, я вас напугал? – он оттолкнулся от стены, на которую до сих пор облокачивался, и двинулся прямо к Амире. - Прошу простить, я совершенно этого не хотел…

- Не напугали! - она вспомнила, с кем разговаривает, и успела совершенно овладеть собой. – И не забывайте: ко-ро-ле-ва.

- Ну, к чему такая враждебность? – неприятный гость не отставал ни на шаг. - Чем я заслужил такую нелюбовь?… Разве Король не успел рассказать вам о нашей долгой дружбе, Принцесса?

- Простите меня, но враждебности нет никакой. Если вам так будет удобнее, зовите меня, как вам нравится, - и добавила с гордостью и самодовольством. - Слова моего положения не изменят.

- Так вот вы как, милая! Тогда следующий ход мой. Позвольте составить вам компанию: в замке не настолько безопасно, чтобы красивая девушка ходила тут одна.

-А вы разве не должны быть на заседании? Вместе с остальными главами своих стран.

- На данный момент я не являюсь полноценным главой своей страны. Да, в конечном счёте, это заседание просто бесполезная вещь для меня.

- Но все же вы здесь, - она остановилась и внимательно посмотрела на своего непрошенного провожатого.

Он был чуть выше Кенаи, практически одного с ним возраста. Однако вот его глаза, тусклые, как снег, источали холод. Как бы он ни скрывал это за своей фальшивой улыбкой и манерами, он бы никогда не смог бы убедить Амиру в своих добрых намерениях.

Она поняла это, всего лишь раз взглянув на небо в просвет облаков. Не то чтобы оно говорило ей о коварстве и злобе этого гостя, но оно предупреждало о пустоте внутри его сердца, о холодной стылости его души. Она и представить себе не могла, что он должен был пережить, чтобы потерять, уничтожить ребёнка внутри себя… Но не подумайте, ей вовсе не было его жаль.

Этим он Амиру и пугал. Этот взгляд, вечно говорящий о чем-то, веч-

но загадывающий страшную загадку, вечно задающий какой-то роковой вопрос…

И вот тогда, словно бы вдруг решившись окончательно и бесповоротно, Амира пошла в наступление:

- Вы ведь знаете про все эти слухи, слышали, что говорят о воплощениях монстра? Сколько гадостей говорят о Кенаи! - Северус вздрогнул, как только услышал это имя Короля. –Знаете, что люди представляют его монстром? И если да, то я уверена, что вы слышали, как в народе называют и меня. Как и о Кенаи, обо мне станут расти слухи, и в конце концов мы станем монстрами для других.

Она замолчала и, задыхаясь, с раскрасневшимся от волнения лицом, остановилась перед ним.

- А о вас ходит очень много слухов, - словно бы и не заметив её волнения, продолжал Северус. - Но ни один из них не рассказывает о вас, как о простом монстре среди людей.

- Считайте это глупостью или ребячеством, Господин Грей, но я убедилась, что слухи, в большинстве случаев, совершенно беспочвенны.

И, не оглянувшись ни разу, Королева своего Короля удалилась.

В большом зале с высокими окнами ждали Амиру её фрейлины и верный Рохелио.

- Да где же она, - нервно вышагивая по залу, продолжал твердить Рохелио. - Амира давно должна была быть здесь, может, с ней что-то случилось? Может, она упала или же заговорила с кем-то? Лишь бы не второе….

Миражанна и Лисанна переглянулись и хором отчеканили:

- Тогда мы за ней сходим.

И тут, буквально срывая двустворчатую дверь с петель, в зал врывается Амира…

- Рохелио! Наши планы меняются! - стремительно выпалила она.

Глава 9

После долгого заседания, бледный и измождённый, Динарий, одинокий в окружении этой деловитой толпы, ждал появления Амиры. А вопросы сыпались со всех сторон:

- Где же ваша Жена?

- Когда же мы увидим её?

- Что-то не так или же Королева просто не изволила прийти?

- Какая же она непунктуальная… А ведь точность – вежливость королей.

Даже тогда он просто стоял и ждал…Он не желал слышать их, ни единым словом не хотел упрекнуть её, свою Королеву. Ему было наплевать,

что это кого-то не устраивает… Он просто волновался за неё. Он хотел наконец увидеть её, услышать её звонкий приятный голос…Только она и спасала его от сумасшествия этого мира, только теперь он понял все совершенно ясно. И потому он спокойно стоял в шумной толпе, гордо подняв голову.

- Кенаи! Салют, дружище! – неожиданно прозвучал столь неприятный ему голос, и тяжёлая холодная рука легла на его плечо.

- Не зови меня так, слышишь?–с лёгкой ноткой угрозы в голосе проговорил Денарий.

- Чтоооо? Почему так холодно, неласково, недружелюбно? – Грей отлично знал почему, но продолжал играть этот недостойный спектакль.

- Тебе не привыкать! И не мог бы ты убрать руку с моего плеча?

- Да-да, разумеется! –не совсем понятно, к чему относилось это «да-да», поскольку рука осталась на прежнем месте. - Кстати, а твоя Амира… ничего.

Динарий резко дернул плечом, и ледяная рука соскользнула с его плеча.

- Если ты посмеешь её обидеть - не сомневайся: я тебя убью.

- О-го-го-го! Вот это пафос! Почему это я всегда злодей? Мы всего лишь немного поболтали, очень мило и по-дружески. И вообще, на этот раз скорее она была лисой, а я кроликом.

Он неспешно удалился, а Динарий так и остался стоять, сжимая в бессильной ярости кулаки: все-таки Северус был его гостем.

- Может, пойти поискать её?- почему-то вслух сам у себя спросил Король.

- Не стоит.

- Ох, Рохелио… И почему у всех манера подкрадываться ко мне со спины?!

- Прошу меня простить, - верный слуга встал рядом со своим Королём. – Но я видел и слышал всё.

- Ну и что ты слышал? Амира ничего тебе не говорила?

- Говорила.

- Правда? Что?

- Мой господин… - сказал Рохелио. - Амира вовсе не так слаба, как это представляется вашему величеству!

- Я знаю, но...

- Я бы сказал, что она даже сильнее, чем ей следует быть. С этих самых пор её будет преследовать та же участь, что и вас, мой господин, и она должна быть сильной. Она должна быть равной Вам. Вы с детства знали это чувство, когда надо доказывать недоказуемое те людям, которые этого даже не оценят.

- Но почему???

- Мир не ценит доброту и наивность, не правда ли? – Рохелио, улыбнувшись, посмотрел на Кенаи. - Однако думаю, что Мир будет вынужден полюбить в ней это, потому что меняться она... не собирается.

Он улыбнулся своему Королю еще раз и взглядом указал на НЕЁ.

- Это…. Это Амира...? - увидев её в толпе, Кенаи не мог отвести от неё глаз: она была блистательна!

- Прошу простить за то, что заставила вас ждать, - изящно поклонившись, она обратилась к присутствующим. - В стране Солнца Фиоре существует обряд, при котором я принимаю своё место под солнцем и преклоняюсь перед ним. Однако в моей стране принято воздавать честь стихии, под знаком которой мы живём – Ветру, посвящая ему танец Жрицы Ветра. И этот танец я преподношу как дар своему Королю!

Рассекая небеса,
Превращая ветер в пепел,
Вызывая чудеса,
Чтобы ты на зов ответил.
Я зажгу в сердцах людей
Пламень света, звёзд и ветра.
Только ты мне стал родней
Ветра, звёзд, огня и света.
Я дарю тебе свет -
Все, что ты пожелаешь.
Я дарю тебе дождь,
Если ты всё узнаешь.
Дружбу я тебе дарю,
Сердце, душу всю живую,
Я тебя боготворю,
Без тебя я лишь тоскую…
Свет моей любви большой
В дни холодные согреет,
Поведёт нас за собой
И теплом любви согреет…

Иллюстрация автора

- Невероятно, это просто невероятно! - глаза Динария сверкали от изумления.

- Она пришла ко мне и настаивала на исполнении именно этого танца. И хоть это несколько и нарушает наш сценарий, но, думаю, после её выступления ни у кого не хватит смелости сказать что-то плохое про неё за спиной.

- Это просто невероятно…

Похоже, словарный запас Динария несколько истощился под влиянием прекрасного танца. Да и немудрено! Каждое движение принцессы, каждый жест, каждое слово песни было наполнено любовью и светлой силой.

- Она искрится, как солнце, сияет, как звезды, танцует, как огонь на ветру! –задумчиво проговорил Король, покидая залу.

Он сидел один в своём кабинете. Он смотрел на уходящее солнце и пытался поймать миг, когда солнце в последний раз коснётся земли, а потом утонет в темноте. Когда-то давно… Когда-то очень давно ему нравилось солнце и закат…

Утопающий в пустоте и одиночестве, Динарий всё ждал, когда же оно сядет. Когда же этот миг пройдёт. Уверяя себя, что, когда это случится, ему станет легче… Он излечится… Он проснётся… Чтобы встать и сражаться дальше.

Он просто ждал, когда мир для него станет снова прежним. Ждал, когда же уйдёт его боль. Ему было больно, больно от того, что он чувствует. А ещё от того, что он запутался…. Больно от того, что у него есть сердце, то самое сердце, что продолжает болеть.

И Король вновь и вновь прокручивал назад свою жизнь, просматривал свои ошибки… Он ощущал вину за то, что не смог удержать… Не смог спасти… Не смог сказать «нет»… И не смог сказать «да».

Он так хотел, чтобы его спасли, чтобы его вытащили из этой пучины, чтобы ему протянули руку дружбы и помощи. Чтобы его спасли от страха. И он очень, очень хотел пойти за той, чью руку никогда больше не отпустил бы… Никогда…

Вспышка!

Амира стояла перед ним, гордо подняв голову и опустив руки вдоль тела. В её позе было столько беззащитного величия, что его сердце невольно сжалось от нежности и страха за неё, такую прекрасную, такую гордую, такую беззащитную. Её длинные распущенные волосы развевались на ветру. Подол её длинного платья подхватывал вальс, вальс Ветра, ветреный вальс. А её прекрасные глаза говорили то, о чем так и не решились поведать слова.

Однако она знала этот его взгляд… Он опустил голову и больше не смотрел на неё. Его глаза молчали… Он не мог поднять голову… Он хотел сказать ей хоть что-то… Ну, пусть ложь, которая могла бы убедить всех вокруг, что все в порядке. Нет, он не хотел. Он не мог больше лгать ей. И единственное, что он мог - это постараться спрятать глаза.

Мягкие волны её волос спускались с её плеч и текли струями вниз. Она встала перед ним на колени, прижавшись пылавшим лбом к его холодным пальцам.

- Прости, прости меня… Я во всем виновата! Я все испортила! Все это время ты был сильным ради меня. Слезы, что не были пролиты… Слова, что не могли быть сказаны… Чувства, что не удалось передать… И мгновения, что не удалось удержать…. Но знаешь, мне кажется, что роль силы переоценивают… Поэтому... - она приподняла лицо и встретилась с ним глазами. - Я всегда буду рядом с тобой, чтобы у тебя всегда был повод быть сильным!

Глава 10

За окном все так же шёл снег. Все так же не было видно солнца. Все такие же густые облака застилали небосвод. И все тот же успокаивающий ветерок, раздувая шторы, залетал в спальню.

Амира привыкла к раннему пробуждению, поэтому лежала под тёплым одеялом и смотрела на спящего в кресле у окна Кенаи. Вчера ей было так одиноко, что он согласился посидеть в её комнате, пока она не заснёт. Но сам заснул раньше. В кресле у окна.

Только сейчас она заметила, какие у него длинные ресницы. Его глаза были всё ещё немного припухшими и красными, что неудивительно после стольких выплаканных им слез.

- На сей раз я заставила тебя плакать… Надо же, - она улыбнулась.

- Госпожа Амира. Господин Динарий! – совершенно бесцеремонно ворвавшись в спальню, будто громом прогремел Рохелио. - Время не ждёт, наши гости сегодня отчаливают. И, позвольте заметить, я не был в восторге от ваших вчерашних выходок. Как можно так спонтанно покинуть мероприятие, посвящённое вам? Взрослые люди так не поступают!... Э… Госпожа Амира… Что с вами? Вам плохо?... Почему вы зарылись под одеяло?....

- Ничееегоооо! - пропищала Амира, сворачиваясь клубочком под одеялом.

На сей раз Амира не опоздала. Она стояла перед пока ещё закрытыми дверями, ожидая услышать своё имя. Руки слегка ещё дрожали, но сегодня вовсе не от страха, а от волнения и ожидания.

Вчера на приёме к Амире подошёл Король из Страны Семи Морей:

- Вы были обворожительны, моя королева.

- Ах, благодарю вас! – вежливо ответила она.

Это был очень большой человек и не только по должности. У него имелась длинная-предлинная золотистая борода и ласковые, прямо лучистые глаза. Из всех в этом зале он был наидобрейшим…. И он много смеялся.

- А вы, небось, уже и позабыли, кто я!

- Что вы! Как мне позабыть Короля Семи морей, Фридриха Сиесталь-

да! – спокойно улыбаясь, ответила Амира.

Он помолчал секунды две, а потом снова рассмеялся.

- Это была шутка. Я же пошутил! Но солгу, если скажу, что мне не было бы обидно, если бы вы не вспомнили меня.

Амиру порадовал такой весёлый и доброжелательный человек, и она улыбнулась.

- Знаете, когда мне сообщили о женитьбе Короля, я очень долго ломал голову: кто же его избранница.

- Неужели все настолько засекречено? - не сдержав удивления, спросила Амира.

Он снова посмеялся.

- О, да-да! Однако я рад, что ею оказались вы! - он пристально и очень серьёзно посмотрел ей в глаза.– Возможно, Динарий вам не рассказывал, но я дружил с его отцом и матерью. Они были прекрасные люди, с амбициями, но и с добротой. Но, увы, они так рано ушли из жизни, оставив такого маленького мальчика на съедение этому миру, - он сделал паузу. - Я очень хорошо знал его мать, она была добрейшей натурой, хоть сильно и разбаловала мальца. Вечно смеялась и шутила; думаю, что чувство юмора у него от Матери.

- Неужели кто-то способен быть жизнерадостнее вас?

- Точно-точно…

Но тут они оба заметили мечущегося по всему залу Рохелио.

Весельчак-Король подмигнул Амире и крикнул:

- Эй! Рохеличек мой, привет-привет!

Амира удивилась, то ли от того, что Рохелио ответил беззаботным взмахом руки и улыбкой, то ли от того, что в мире, однако, существуют такие люди, как Фридрих.

- Вы знаете Рохелио?

- Пингвина -то? Да кто же не знает старину Рохелио!

- Точно-точно! Скажите, я не одна нахожу в нем сходство с этой птицей? Он ведь, правда, похож на пингвина? И ведь не только костюмом! Он с виду такой угрюмый и злой, как человек, делящий все вокруг только на чёрное и белое, но на самом-то деле он совершенно пингвин, пушистый, добрый, но, правда, с клювом.

- Ха-ха-ха! – закатился счастливым смехом Правитель Семи Морей. - Я ему тоже самое твержу уже больше двадцати лет.

- Двадцать лет? Откуда же вы знаете друг друга так долго?

- Он был другом детства Тиадальмы, то есть матери Динария. А после моей встречи с ними мы трое были добрыми друзьями!

- Рохелио и Тиадальма - друзья детства? Ох… - Амира все сразу поняла.

- Да, у Рохелио тоже была судьба не из легких. Он ведь тоже был из

знатной семьи, однако для процветания страны Фиор принцессе в мужья выбрали принца с севера. Его звали Тин-Тином. Он был хороший человек, сильный духом и заботливый муж. И, в конце концов, Тиадальма и Тин-Тин полюбили друг друга. И хотя брак их был не очень долгим, они многое пережили вместе. Но знаешь, - он замедлил свой рассказ, - я и понятия не имел, что он все ещё здесь.

- Это ж сколько надо было не видеться с ним! – не ожидая такой неосведомлённости воскликнула Амира.

- Должен сказать, паренёк-то вырос красавцем!– кивнул Фридрих на входящего в зал Динария. - Глаза у него мамины, а вот волосы папины, да притом какой юный, а умный! Столько было желающих отдать за него замуж своих дочерей!

- Я даже не сомневаюсь! Думаю, они все ещё не оставили надежды, - снисходительно улыбаясь, вставила Амира.

- Ха-ха-ха! – казалось, громче рассмеяться было уже невозможно. - По секрету скажу я вам, в их числе был даже я! - указывая взглядом на свою красавицу-дочь с длинными золотистыми волосами, прошептал Правитель. - Но… Я рад, что в конце концов он отказывал всем, но когда узнал о тебе… И я рад, что это оказалась ты…

Амира взглянула на него краем глаза, стараясь держать себя по-королевски, но не в силах скрыть довольной улыбки.

- Думаю, во всем белом свете ты единственная, кто может его спасти. Единственная, для кого он улыбнётся, и единственная, для кого он готов плакать. Спасибо тебе большое. Ты умудрилась покорить всех эти людей одним лишь своим появлением. Никто из них не посмеет и слова плохого сказать о тебе, будь то за спиной или в открытую. Даже твои враги, те, что против тебя всегда есть и будут, даже у них язык не повернётся сказать, что ты слабая или недостойная. Но у меня есть лишь одна просьба…. Не позволь сломить его никому, кроме тебя!

Амира с искренней улыбкой кивнула.

- Ну ладно, беги! Не просто же так наш Пингвин носился по залу.

Амира поклонилась и побежала, но остановилась и вновь окликнула Правителя Семи Моей:

- Господин Фридрих! Вы, наверное, единственный, кто, не скрывая, говорит мне всю правду! Спасибо вам за это.

КорольСеми Морей постоял немного, а потом тихо сказал, усмехаясь в золотистую бороду:

- Ну и забавная же девчушка! Будет классной Королевой.

И тоже ушёл.

А теперь она стояла перед этой дверью в ожидании Кенаи и вдруг услышала шаги позади нее. Амира обернулась и увидела Кенаи, он по-

смотрел на неё, однако его взгляд был каким-то странным.

Немного встревоженная, Амира спросила:

- Кенаи, ты в порядке?

- Да! Я что плохо выгляжу?- он замешкался, как маленькая девочка, уличённая в тайном поедании варенья. - Мой костюм меня полнит? Или, может, волосы? Да… Точно волосы… Не надо было их укладывать назад.

Но он не смотрел ей в глаза – в этом было все дело! Амира протянула к нему руки и легонько шлёпнула его по щекам. У него были красные глаза, как будто он только что плакал.

- Врёшь! Я же вижу, что что-то произошло!

- Сейчас не время. Все потом. Только, пожалуйста, не отпускай руку, - он нежно прикоснулся к её руке, а она сжала её в своей холодной ладони.

После приёма пришло время отъезда гостей. Большим и шумным табором все расходились к своим кораблям. По всему городу снова собрался дружелюбный народ, такой красивый и нарядный.

«Однако вот на что они способны, когда постараются», - подумала Амира, разглядывая украшенные цветами улицы.

Перед тем, как взойти на борт, большой золотобородый друг Амиры подбежал к ней и Динарию и крепко-накрепко обнял их.

- Ну что ж, мы прощаемся. Но я уверен, что мы скоро увидимся.

Кенаи и Амира, переглянувшись, улыбнулись.

- Амира!.. – он, видимо, хотел что-то сказать, но передумал. - Удачи вам, моя королева. И не забудьте пригласить меня на свадьбу! Ха-ха-ха!

- Амира, вы знакомы друг с другом? - спросил Кенаи, недоуменно поднимая брови.

- Возможно, - игриво ответила девушка.

К Амире подошёл ещё один человек. Это был мужчина пожилого возраста, одетый в очень длинное пончо. Это был глава Племени Облака.

- Ой, простите! Я вас не заметила! - Амира сконфуженно улыбнулась.

- Что ты, дитя моё, не переживай... – незнакомец ласково улыбнулся принцессе. - Ты очень похожа на свою мать.

- Вы знали мою маму? – непослушные слезы заблестели на длинных ресницах Амиры.

- Я даже знал её отца! Когда же я встретил её, она была примерно твоего возраста. Мы, племена, очень тесно связаны между собою, но я даже предположить не мог бы, что мир окажется столь тесен. Ты удивительное создание, Амира Альдерона. Не позволяй другим уверить себя в обратном!

И он исчез. Как видение, просто растворился в воздухе. Амира взглянула на небо, и, будто по волшебству, небо на горизонте просияло золотистыми лучами. Она смотрела, как уплывали корабли в эту голубую гладь, как ветер следовал за ними.

Динарий крепко сжал ее руку. Он был рядом, но что -то было не так. Что-то явно было не так....

Глава 11

- Вот только бы мне не опоздать! - Динарий шёл по длинному коридору, ведущему в главный зал, где сегодня проходило последнее торжество.

Король спешил к ждущей его Амире, поправлял на бегу запонки и только что уложенную причёску.

- Кенаи, - остановил его резкий голос из-за спины.

- Я же просил не называть меня так! - Кенаи резко остановился.

- Есть разговор! – Северус подошел к нему без всегдашней фальшивой улыбки, без гримас, без насмешливого прищура.

-Надо же! Перестал притворяться! Впервые за десять лет! Что-то случилось?

- Ха-х, ты всегда, только ты знал меня настоящим, - собеседник приблизился к Кенаи вплотную. - Потому что ты такой же.

- Не сравнивай меня с собой! Ты знаешь, разница между нами колоссальна!

- Интересно, а Амира знает о твоём настоящем обличии?

- Я тебя предупредил, - задыхаясь от ярости, Кенаи схватил его за рубашку и потащил к себе. - Посмеешь пальцем её тронуть - я закопаю твой труп, и никто ничего не узнает, потому что всем всё равно!

- Эй, эй! Зачем же так грубо? - снова эта фальшивая улыбка. - Если в могилу, то только с тобой, Кенаи….

- Заткнись! Ты права не имеешь произносить это имя!

- Почему же? Потому что это имя дала тебе твоя покойная семья? Твой отец, умерший от отравленной стрелы? Твоя мать, которая пожертвовала собой ради тебя? Ради такого, как ты? Да это ты, ты недостоин произносить это имя. Это на твоих руках кровь всех тех, кто погибли из-за тебя. Ты - причина всех смертей, был, есть и будешь!

- Замолчи! Замолчи! Замолчи!– Кенаи по-детски зажал уши руками.

- Думал, ты спасёшься? Думал, ты изменился? Думал, ты достоин спасения? Нет! Ты такой же, как и я! Смерть всегда следует за тобой. Ты несёшь тьму и пустоту. Ты недостоин того, что имеешь! Ты недостоин Амиры!

- Прекрати немедленно!

- Ты и вправду надеялся на то, что мир перестанет быть сплошной темнотой? На то, что у него вдруг появятся краски? Это она смотрит на мир через розовые очки, а не ты! Ты прекрасно знаешь всю жестокость этого мира, преступные замыслы всех и каждого. И когда же ты так размяк? Когда превратился в такое? Это не ты! Ты лжёшь самому себе, если

думаешь, что нашёл счастье в этом мире. Я лишь открываю тебе глаза. Рано или поздно её заберут у тебя, так же, как забрали все остальное. Ты тьма, а я пустота, - он остановился, тяжело переводя дух. – Говори, что хочешь, но я здесь не просто так, ты знаешь это. Я лишь даю возможность тебе выбирать. До встречи, мой давний друг.

Он удалился... А Динарий остался в совершенном одиночестве, тихо ненавидя себя за то, что ему нечего возразить.

Добравшись до дома и наскоро поужинав, Амира отправилась на поиски Кенаи, но ей никак не удавалось его найти. Она искала его в кабинете, где он иногда засыпал и где ей приходилось укрывать его пушистым пледом. Она искала его на кухне, где последние недели они проводили вместе за весёлой дегустацией грушевого пирога. Она искала его в залах, где они постоянно подшучивали над Рохелио и репетировали бесконечные королевские танцы.

Но нашла она его в саду, возле кудрявой ивы, где время замирало от восторга перед самым прекрасным зрелищем на земле. Она знала… Она чувствовала: что-то было не так в его улыбке, в его словах, в его взгляде. Что-то изменилось, и она до самого последнего момента не хотела знать, что именно.

Он стоял там так одиноко, так далеко от неё...Если бы она протянула руку, смогла бы дотянуться до него? Вряд ли…

- Амира! –казалось, что его голос доносился издалека, казалось он звучал с противоположной стороны земли.

- Нет! Прошу тебя… - Амира начала плакать; сама того не понимая, она уже все услышала, услышала больше, чем он сказал. - Зачем? Скажи, ну почему?!

- Так надо! Так будет лучше!

- Врёшь! - не в силах остановить слезы, она закричала.

Он не плакал... Он лишь смотрел, смотрел на неё в последний раз…

- Ты как звезда. Я не люблю солнце, я предпочитаю жить во тьме… Но ты… ты умудрилась пробиться через эту тьму и стать такой звездой… стать моей звездой… Такой маленькой и хрупкой, но такой красивой!

- Нет, Кенаи, прошу… Мне так больно…

- Я знаю… Я знаю, что тебе больно… Именно из-за этой боли… я тебя недостоин… Я лгу… Я лгал все это время… Я не тот, кто улыбается тебе… Не тот, кто убил бы любого, кто сделал бы тебе больно… Не тот, кто никогда не причинит тебе боль… Не тот, кто успокоит и пожалеет тебя... И не тот, кого ты полюбила...Я тот, кто тебя убьёт… Тот, из-за которого ты будешь продолжать плакать… Я тот, кто забрал тебя и присвоил, как вещь... Я тот, кто живёт во тьме… И тот, кому нужна ты, чтобы прикрывать себя от солнца…

- Прошу: прекрати… Мне невыносимо это слушать! Я ничего больше не хочу знать!

- Но я скажу тебе, кем являешься ты! Прошу тебя, выслушай! Ты та, что смотрит на мир через уйму разноцветных стёклышек… Ты та, для которой я был готов притворяться… Ты та, в чьём сердце есть огонь… Та, в чьих глазах разливается море… Ты и есть цветок Миддлемист... Ты великолепное создание… Намного дольше, чем ты думаешь, ты была смыслом моей жизни… И ты та, кто умрёт за меня...

Целый океан надежд разбивался сейчас у её ног о его холодные слова, надежд на то, что могло бы ещё произойти, на то, что весь этот страшный вечер – лишь сон. Всего лишь страшный сон, до слез напугавший двух одиноких детей, так нужных, так необходимых друг другу. И он всегда будет рядом с ней. Тот, кого она хотела всегда защищать… Тот, для кого она была опорой… Тот, кому она так нужна… Нужна всею душою…. Тот единственный, для кого она была готова быть сильной...

И больше не будет ничего: ни угощения у её кровати, ни солнца, что слепит глаза по утрам, ни двух болтушек у её двери, ни доброго пингвина, с постоянными уроками, ни милого повара, готовящего грушевый пирог, ни прогулок по старому замку, ни вечерних разговоров, ни ослепительных красок вечернего неба… Ничего больше не будет…

Он тяжело приподнялся, встал и, не оборачиваясь, ушёл…

А в городе Флиор,в старинном замке, в маленьком саду горько плакала плакучая ива и миддлемисты перестали цвести. Одинокая скамейка грустила в углу. Состарившаяся и поседевшая дорожка была засыпана снегом… И медноволосое дитя стояло на ней озябшими босыми ногами и неотрывно глядело в ночную беззвёздную синь. А вокруг темнота…

...

Сон Амиры походил на обморок. Она не слышала, как Кенаи укутал её в шерстяной плед, как нёс он её на руках, бережно прижимая к своему сердцу, как положил её в карету и закутал потеплее её озябшие ноги. Вместе с ней он попросил поехать двух её фрейлин, Миражанну и Лисанну. Затем Король подошёл к Рохелио и обнял его:

- Поезжай с ней.

- Но, мой Господин, это же вы - мой Господин!

- Это сейчас не важно. Ей ты сейчас нужнее. Просто поезжай с ней.

- Но…

- Я сам справлюсь! Ты был со мной все это время, не высказал ни слова упрёка или ненависти… Я не понимаю, как ты вообще сумел остаться и любить меня. Из-за меня ты не сумел попрощаться с Тиадальмой, в этот раз я не позволю тебе скрывать собственную боль утраты ради меня. К тому же… Я хочу, чтобы с ней был кто-то рядом. Поэтому я отпу-

скаю тебя. Это моя последняя эгоистичная просьба!

И он молча ушёл, и был слышен лишь скрип закрывающихся за ним дверей.

Глава 12

Такого холода, как сейчас, во Флиоре ещё не было. Это могло значить лишь одно: Северус сделал свой ход. Динарию следовало ответить. Ответить или проиграть.

На покрытом снежной пеленой пустыре стояли двое, считавшие мир своим проклятием.

- Надо же, спустя столько лет ты все-таки не струсил и пришёл, Динарий, - голос звучал холодно и отстранённо: ни злобы, ни раздражения не было в нем.

- Ты хочешь меня разозлить? – Динарий тоже старался сохранять хладнокровие.

Он вынул из ножен свои двуручные парные мечи, доставшиеся ему от отца, и приготовился к бою.

- Людишки… Вы такие беспомощные без своих железяк… Мне вот безделушки не нужны. Я с радостью убью тебя голыми руками.

- В отличие от некоторых я умею пользоваться оружием.

- Да? Но это тебе не помогло против всех тех, кто пытался убить тебя и твоих близких. Ну, хватит сентиментальностей. Ты ведь знаешь, зачем я пришёл, не так ли?

- Тут всё понятно! Однако тот путь, что ты выбрал, повлечёт за собой много смертей. Неужели ты, и правда, этого хочешь?

- Я лишь хочу забрать то, что принадлежит мне по праву. Власть! Как бы сильно я ни старался, меня не принимали всерьёз. Они боялись… Они все боялись меня! Так что я решил не церемониться и взять власть своими руками… Но я был глупцом, думая, что мне это позволят. И вот когда я узнал, что какой-то жалкий человечишко, трус, прячущийся за юбкой своей матери, занял трон… Угадай, каково было моё разочарование узнать что это был ты? А?

Северус взмахнул руками, и на Кенаи обрушился целый шквал ледяного огня. Но Король был начеку и вовремя увернулся, однако его нога застряла, прочно вмороженная в лёд. Увидев это, Грей воспользовался ситуацией и создал Ледяной молот.

- Ты такой же, как я… Тёмная лошадка! Ты заполучил любовь, которой недостоин!

Ледяным молотом Северус нанёс удар. Кенаи прикрылся мечом и, сломав отколовшуюся ледяную глыбу, выбрался из оков. Попытка атаки

провалилась.

- Ха-ха-ха! Думал, это будет так просто? Пока ты все эти годы просиживал на любимом троне, я в кровь стирал себе ладони, пытаясь контролировать свою силу; и ты думаешь, что тебе можно сравниться со мной? С Повелителем Тьмы и Льда?

Северус атаковал его Ледяными Иглами, и одна из них попала Кенаи в ногу. Он упал. Очевидно, Повелитель Тьмы и Льда предпочитал сражаться магией.

- Что у тебя за манера такая: целиться в ноги? Манера труса и подлеца, - Кенаи скривился от боли, но все же поднялся на ноги.

- Все шутки шутишь. Я тоже умею шутить!

Грей прикоснулся рукой к земле, и в тот же миг земля будто раскололась на три части, а Кенаи полетел в бездну. Однако ему удалось удержаться, зацепившись мечом за край.

- Позволь я тебе все объясню, пока ты там корчишься, как таракан. Мир пошёл против меня. У меня есть силы и желание, но мне не дают возможностей. Я стал правителем, но правителем чего? Твой отец забрал наши земли. А я остался без семьи, без должного звания, а в знак утешения мне дали звание «Наследник»! А я уже давно не наследник, а Правитель, но Правитель без Королевства! Так что ты сам прекрасно понимаешь, почему я пришёл тебя убить.

- Да, понимаю! Потому что ты хилый трус с манией величия!

- Ха-ха! Ты там все ещё жив? Ну тогда смотри: специально для тебя у меня есть подарочек.

Из чащи леса показался огромный ледяной великан, шаг за шагом наступающий на Кенаи.

- Серьёзно? Мы же, вроде, договаривались один на один, а ты притащил этого ледяного урода!

- Он моё творение! Он часть меня, а значит, и я сам!

- Ну, друг, выглядишь ты не очень! – Кенаи всё ещё пытался шутить.

Ледяное чудовище разбивало все вокруг, пытаясь схватить Кенаи и раздавить его как букашку. Но Король Флиора был проворнее ледяного чудища.

- Я прекрасно понимаю, зачем тебе нужна эта девчонка. Узнав о её силе, ты понял, что она единственная, кто может противостоять мне: у неё слишком горячее сердце. Вот ты и притащил сюда, к себе поближе, чтобы в нужный момент она уничтожила меня… - Грею было легко говорить, так как сражался всё-таки не он сам, а порождённый им ледяной гигант.

- Ты ошибаешься! – яростным полушёпотом проговорил Кенаи.

И в этот момент позади Грея послышался треск. Это рушился на куски созданный им ледяной гигант, сражённый Кенаи. Правда, у Короля

Флиора осталась лишь рукоять сломанного меча. Превозмогая боль, он подбежал к Грею и, повалив его на землю, прокричал ему в лицо:

- Не смей говорить о ней как о предмете!

- Ах, вот мы как? – сдавленно прохрипел тот. – Ну, и где же она? Где твоё ненаглядное орудие? Что? Небось, сидит и выжидает нужного момента, чтобы подбежать ко мне и ударить ножом мне в спи…

- Замолчи! - Кенаи приставил к его горлу нож. - Я отпустил её, так что не беспокойся: ты умрешь от моей руки!

- О! Какая жалость, ну раз так, то тут некого оставлять в живых.

- Что? О чём ты го…

Вдалеке Динарий увидел дым.

- Мои люди давным-давно осадили город, и, пока ты тут изо всех сил старался выжить, твой город давным-давно уже стал моим!

- Нет… Не может этого быть… Это невозможно… - сбивчиво шептал Кенаи.

Он поднялся на ноги и огляделся.

- Я застал тебя врасплох… Ха-ха-ха, - хрипло рассмеялся Грей. - Какое же это приятное чувство лишать человека чего-либо….

И в этот момент издалека раздался стройный звук множества боевых труб. Кенаи улыбнулся и, вытирая кровь со лба, встал перед ним во весь рост.

- Я уж думал: они не успели.

- Что? Что ты сделал? - в замешательстве пролепетал Грей.

- Ты думаешь, я не знал? Думал, я не замечу сборище отморозков повсюду? Сегодня с утра я попросил всех верных мне полководцев прибыть в город и защищать его от внешнего вторжения. Я уж было испугался, что их побили, увидев дым, однако я их недооценил. А этот зов трубы, что ты услышал, означал, что вторжение было полностью отражено и что никто не пострадал. А если бы все-таки они бы опоздали… Я вывез Амиру и всех остальных из замка, так что, даже если твои люди проберутся внутрь, они никого там не найдут, - говоря это, он насмешливо поклонился Северусу. - Называй меня как хочешь, но вот плохим правителем не смей.

- Зря ты это! Самонадеянный мальчишка! Ты погубил себя!

Белый снег… И алая капля за каплей падала на белый снег, орошая его кровью…

Все кончилось внезапно. Грей вонзил ледяной нож в тело Кенаи… У них обоих подкосились ноги, и бывшие враги упали одновременно.

- У тебя больше нет стимула жить, не так ли? - спросил Кенаи. - Как мы умудрились стать такими? Дуэт темноты и пустоты… Ты прав, мы стоим друг друга… Не плачь, Грей… Не надо сожалеть ни о чём… Я вот не сожалею… Может, тебе повезёт больше в следующей жизни?

Кенаи приобнял его, и тот, наконец-то став ребёнком, почувствовал всё то, чего был лишён долгие годы. Все то, от чего он отрёкся, сделав своё сердце куском льда. И вот теперь он наконец заплакал в первый раз…

- Прости меня, Кенаи… Прости… Прости…

- Всё в порядке… Всё нормально… Для таких, как мы, это нормально. С возвращением, Грей, и… счастливой тебе дороги… Может, свидимся в следующей жизни, и будем друзьями, а не врагами…

- Я хочу тебя поблагодарить… В конце концов, меня спас ты! … Мне очень жаль…

Рассыпаясь в воздухе на мельчайшие осколки, маленький седовласый мальчик, плача, устремился в небеса…

Кенаи упал…

- Я не люблю солнце… Я никогда его не любил… Но сейчас бы я взглянул, - на его губах показалась кровь. - Холодно… Ну как же холодно… Этот льдышка просто взял и исчез… оставив меня здесь совсем одного...Легко ему… А я тут должен умирать долго и мучительно, как обычный человек… Хоть бы с собой меня забрал… Эгоист…

По его щеке потекла слеза. И мысли текли медленно и путано:

- Я сказал ему, что ни о чём не жалею… Прости меня… Я снова солгал… Я сожалею… об очень многом…Но больше всего я сожалею…Что отпустил твою руку… Что не говорил, какая ты красивая, каждый день… Что оставлял тебя одну слишком часто… Что не написал на плакучей иве твоё имя… И что не сказал тебе, как сильно я тебя люблю!... Я бы хоть ещё сто раз умер… ради того, чтобы сделать все это…И поэтому… пожалуйста… пусть у неё будет счастливая жизнь… без меня…

Говорят, когда жизнь утекает, перед глазами, словно стрела, мелькают события. Ты плывёшь в этом океане воспоминаний, не думая об ошибках, не страшась последствий. Будто это книжка с картинками, в которой уже все предначертано, а тебе остаётся лишь читать и наблюдать со стороны. В своём омуте памяти ты видишь: твои первые воспоминания о маме и папе. У мамы были красивые золотистые, как солнце, волосы. У папы большие руки и карие глаза.

Ох, надо же! Я уже и позабыл, как меня с детства приучали драться, как мама приносила мне пирог. У неё было красивое имя: Тиадальма, а я никогда не мог его выговорить. О! А это моя первая встреча с Рохелио! Он казался мне таким большим, таким сильным… О, а вот и дядя, у него даже в молодости была большая золотистая борода. Я помню девочку тоже с золотыми волосами: мы с ней раньше дружили, но потом перестали, что же случилось?

Ах, точно! Мой папа погиб. Мне сказали, что он умер как герой, но на самом деле, уж лучше бы он не был таким уж героем…Тогда бы он не

пошёл на войну сам и остался бы со мной.

А это день, когда мы устроили перемирие с вражеской страной. Да, тогда я встретил Грея в первый раз; он, вроде, тоже потерял маму из-за той войны.

Я помню, как мама стала чаще улыбаться, когда мы решили построить маленький сад и посадить там плакучую иву, на которой написали имя отца. Она пела мне колыбельную, потому что это было единственное место, где я засыпал.

Но однажды на закате наш замок атаковали маги, и мама прикрыла меня своим телом. Я не пошёл на её похороны, но в этот день я принял решение занять трон. На мою коронацию мало кто пришёл, но я встретил того седовласого мальчика ещё раз. Я поздоровался, а он лишь прошёл мимо с совсем другим взглядом, со взглядом, полном пустоты. С тех пор я видел снег за окном в последний раз. До этого самого момента.

Ах да, точно… Амира…Я узнал о ней из рассказа о смерти Королевы из Племени Огня. Страна, в которой она правила, процветала… Однако с её смертью она пришла в упадок. Старшие дочери взяли груз ответственности на себя, помогая своему отцу в нелёгком деле. Они были отданы замуж за чужестранцев или ездили по всему миру в поисках друга. Я не был заинтересован во всем этом до одного дня. Мне случилось спасти жизнь отцу Амиры в одном из его путешествий на Юге. Он был наивен и добр. Я попросил его поведать мне его историю, и он рассказал все, от начала до конца. А история его кончалась тем, что он не знает, как помочь своей стране, не причинив никому страданий. И тогда я заключил с ним сделку.

Амира…Я помню каждую минуту, проведённую с ней. Неужели на этом всё? Ну что ж, это была долгая дорога… Надеюсь, я увижу тебя снова, Амира Альдерона из Страны Тумана.

И что делать сейчас? Я плыву в океане темноты, неужели в ожидании чего-то? Да, точно! Звезда! Такая маленькая и хрупкая появилась там вверху…

Амира всем своим существом приникла к Кенаи.

Она бежала сюда босиком, обдирая ноги о колючий снежный наст… Неужели зря? Неужели она не успела?

Она упала ему на грудь, не в силах сказать хоть что-то. Амира была способна лишь тихо плакать, чтобы услышать хоть один раз слабый стук его сердца… Поэтому она просто плакала.

Плакала и плакала, пока её не успокоил ветер, шепча на ухо не сказанные кем-то слова…

Она взглянула на небо и улыбнулась сквозь потоки слёз:

- Дурак ты! Упрямый Эгоист! Делаешь то, чего не хочешь, говоришь

то, о чем не думаешь. Зачем ты умер? Ну, кто тебя просил?! Ты говоришь, что погубишь меня, если я останусь рядом, но умираешь из-за того, что меня рядом нет. Подождал бы хотя бы пять минут… Ты же знал, что я должна вернуться! И я не собираюсь говорить с твоим бездыханным телом, потому что скажу тебе это, глядя в твои голубые, как океан, глаза…

Я скажу тебе все, когда ты посмотришь на меня так, как не смотришь ни на кого, когда возьмёшь мою руку и не будешь отпускать, когда скажешь вновь, что красивая… Мне столько всего надо тебе сказать… И я не готова отпускать тебя… Так что прости… Может, это и эгоистично, может, ты и устал от всего… Но как ты не понимаешь, что я так сильно тебя люблю?

Ветер засвистел вокруг них, поднимая хлопья снега в воздух и унося его далеко в небесную даль.

- Кенаи, взгляни на небосвод: небо в тучах, но в моих тучах… Ты хотел, чтобы я прикрывала тебя от солнца? Но я не согласна, потому что впредь я буду твоим солнцем, которое ты будешь любить… Даже если ты живёшь в темноте, я буду вызволять тебя оттуда… Даже если ты темнота - я буду твоим светом… Кенаи… Я никогда не буду умирать за тебя... Потому что я буду жить ради тебя… Поэтому и ты тоже живи ради меня!

И были сказаны слова,
И пролиты ручьями слезы…
Но был и поцелуй,
Что пробудил
Двоих влюблённых из туманной грёзы.
(Уцелевший фрагмент
«Баллады о принцессе с пламенными волосами
и синеглазом Короле»)

Свет, что видел он в бескрайнем океане… Звезда, чьё имя было Амира… И сердце, что теперь было у них одно на двоих. Все это побудило его медленно открыть глаза. И он увидел…

- Амира… - как заклинание жизни выговорил он.

- Ты жив! –воскликнула девушка.

И этот голос он узнал наверняка… Он медленно улыбнулся. И её слезы все бежали по её, затем по его щеке… Она вернулась вопреки его приказу, отказываясь навсегда от жизни без своего Кенаи. И он сказал то, что так давно хотел ей сказать:

- Какая ты шумная! И как я тебя люблю!

И теперь он заплакал сам, но то были слезы счастья для них двоих…

Принцесса, покоряющая ветра, жрица Неба и Дождя, полюбила Коро-

ля из далёкой страны, который, окрестив себя тьмой, погиб и возродился вновь.

«Поцелуй и буря, пробуждающие тебя изнутри, -
особенная магия.
Магия способна покорить горы, снести города и преодолеть моря.
И магия, что способна на такое, называется
Любовь!»
(Надпись на фронтоне замка Флиора, высеченная по приказу Синеглазого Короля Динария-Кенаи)

МОЙ УЖАС – МОЙ ДВОЙНИК

Георгий Хандруев

Глава 1

Это произошло со мной два года назад, но все события я помню столь отчётливо, будто все произошло со мной вчера. Впечатления от случившегося отразились на моем характере. Говорю я теперь сбивчиво, по ночам меня часто мучают кошмары, которых не пожелаешь и врагу. Но несмотря на столь ужасное состояние, я готов поведать вам свою историю.

Тогда я жил у себя на даче. Дом у меня небольшой: всего восемьдесят квадратных метров, а участок - четыреста. Для чего я так подробно говорю об этом? Не знаю. Знаю только, что пока не расскажу обо всём, ничего не смогу объяснить.

Одна комната служила мне спальней, в другой располагались кухня и гостиная. Есть ещё и ванная. Все просто и обыденно. Как во всех домах, не правда ли? Но в моем доме есть ещё одна странная комната, расположенная прямо напротив моей, о которой я и расскажу вам подробнее. В ней, в основном, и произошла вся эта история.

В тот холодный зимний день я, как обычно, переписывался с друзьями по сети. Просиживал я тогда за компьютером по восемь часов сряду, так как на новогодние каникулы предпочёл остаться дома. Все мои домашние разъехались кто куда, я жил один, и делать было совершенно нечего. Вдруг я вспомнил, что время обеденное, да и есть мне сильно захотелось. Все равно компьютер перегрелся и начал лагать. Решительно нажав клавишу перезагрузки, я поплёлся к холодильнику.

Поев, я решил, что перезагруженный накануне комп достаточно отдохнул для дальнейшей работы, и вернулся к себе в комнату. Все было так и не так одновременно. Все было на своих местах. Казалось, я несколько секунд назад покинул комнату. Возможно, менее внимательный наблюдатель не заметил бы вовсе изменений. Но я был внимателен и заметил грязные следы у самого порога. Это слегка смутило меня.

Но смущение вскоре перешло в настоящую панику. Дело в том, что, подойдя к компьютеру, я увидел огромное количество сообщений от моих друзей. «Что же тут удивительного? – спросите вы. –У тебя, наверное, много очень словоохотливых друзей, раз восемь часов подряд ваша переписка не прекращалась». Да, но, присмотревшись, я увидел, что всем моим друзьям уже были отправлены сообщения от моего имени. То есть

в то самое время, пока я обедал, а мой компьютер находился в режиме перезагрузки, кто-то или что-то (нет, надеюсь, что все-таки кто-то) отправлял сообщения за меня!

Меня проняла дрожь. Бессмысленно поводив курсором по экрану, просто, чтобы успокоить нервы, я заметил сообщение от анонимного пользователя: «Дорогой мой сосед. Я знаю, что тебе страшно…» Сказать, что теперь мне точно было страшно – значит, почти ничего не сказать! Меня это привело в ужас! Ведь в деревне никого: все уехали праздновать в город. И откуда он знает, что мне страшно? И, самое главное, кто он? Почему-то задать последний вопрос я так и не решился. Дрожащими от волнения пальцами я побродил по клавиатуре, и на экране появилось предложение: «С чего ты взял, что мне страшно?» Экран чист. Я смотрел на него, как загипнотизированный. Десять минут томительного ожидания. Я уже начал успокаиваться, решив, что сообщение от неизвестного соседа прилетело ко мне по ошибке, как вдруг на экране появились слова: «Загляни в комнату напротив. И ты все узнаешь». От неописуемого ужаса я хотел было закричать, но не смог: перехватило дыхание. Согласитесь, после всего этого мне меньше всего хотелось идти в комнату напротив. И все же я решился заглянуть туда.

Медленно-медленно (ноги слушались плохо, и в коленях появилась противная дрожь) я встал из-за стола и направился к двери в ту комнату… Мои шаркающие по деревянному полу шаги эхом отдавались в пустом доме. Мне хотелось производить как можно больше шума, чтобы рассеять давящую тишину и наполнить ставший внезапно зловещим дом звуками. Я поймал себя на том, что стараюсь сдержать дыхание, стоя на пороге той комнаты… «Что за ребячество, в конце-то концов!» - громко сказал я сам себе, но голос прозвучал как-то потерянно и жалко. Я не мог больше выносить неизвестности и открыл дверь в эту тускло освещённую комнату.

Глава 2

К моему удивлению, в комнате не было ничего странного: никакого беспорядка или следов борьбы. Обстановка была уютная и тихая, но все же я разглядел нечто странное. Эта комната была точной копией моей! Я вздрогнул. Все вещи лежали точно так же, как и в моей комнатушке. Даже старый плюшевый заяц сидел наверху шкафа. Даже маленький ящик с конфетами стоял на столике. «Удивительно, - подумал я. – Согласитесь, это странно: покинуть одну комнату, чтобы оказаться в точной её копии. Да и не бывает таких комнат-близнецов! Или всё-таки…»

Вдруг я услышал громкие шаги в коридоре. Шаги прозвучали столь

пугающе неожиданно, что я счёл за лучшее скрыться и полез в шкаф. Надёжно прикрыв за собой скрипучие фанерные дверцы, я затаил дыхание. Я просидел там две минуты (такие томительно бесконечные две минуты!), пока в комнату не зашёл человек.

Не удивляйтесь точности временного отсчёта. Мне казалось, что сердце стучало медленно-медленно. Так медленно и гулко, что каждый его удар, казалось, отсчитывал секунды. Сколько там пульс у здорового человека? Шестьдесят? Семьдесят ударов в секунду? А у смертельно напуганного? Восемьдесят - девяносто? Так вот моё сердце отсчитывало один удар в секунду. Шестьдесят ударов – минута. Сто двадцать – две… И потом этот человек…

Я посмотрел на него сквозь щёлку и обомлел. Передо мной стоял мой двойник. Точная моя копия! Я зашатался и, разумеется, упал бы, если бы со всех сторон меня не держали стенки моего деревянного убежища. Я потерял сознание.

Глава 3

Слава Богу, я очнулся у себя в комнате, открыл глаза и вздохнул с облегчением: это была моя комната. Ничего необычного: стол, книги на полках, часы в углу показывали час дня... После долгих раздумий я все же решился выйти и осмотреться. К моему удивлению дверь, в комнату к моему двойнику была закрыта.

Я в спешке вышел на улицу подышать свежим зимним воздухом. Здесь ярко светило январское солнце, а лёд трещал от мороза. Все ночные страхи растаяли под ослепительными лучами. Снег под ногами весело скрипел, напоминая о наступающих праздниках, ёлках и катаниях с гор. Я наконец смог вдохнуть полной грудью ледяной бодрящий воздух. Мысли в голове прояснились, и на душе стало легко и празднично.

Я прошёлся по участку, проверяя, всё ли в порядке. Лишь окончив обход, я заметил, что у автомобиля сдулась передняя шина. Пустяк, конечно! Бывает! Но почему-то в сердце вернулась тревога, а морозная лёгкость предновогоднего настроения рассеялась как дым. Я постарался взять себя в руки и поспешил домой за инструментами.

Я зашёл в кладовую, где лежал ящик с инструментами и увидел странное зрелище. Вещи были разбросаны и мешки с зерном были порваны. Но самое жуткое было то, что ЯЩИК С ИНСТРУМЕНТАМИ, ПИЛА, ДРЕЛЬ И БУР БЫЛИ УКРАДЕНЫ! Не знаю, почему эта пропажа так меня испугала. Но я почему-то был уверен, что она связана с моим ночным приключением, а значит, страшное наваждение продолжается.

Гулять больше не хотелось: не радовал ни мороз, ни ослепительный

блеск солнца, ни скрипучий снег. Понурив голову, я поплёлся в дом.

Целый вечер я ломал голову над тем, кто же мог похитить мои инструменты. Я думал, что это воры, но нормальные воры обычно не устраивают погромы и заметают следы. Возможно, это соседский кот, но тот помер неделю назад, да и он бы не осмелился на такой проступок. Боже! Что с моей бедной головой?! Может, я схожу с ума?! Зачем понадобились соседскому коту пила, дрель и ящик с инструментами?! Может, и письмо отправил мне тоже кот? Это безумие! Мои последние подозрения пали на странного соседа. Я вспомнил,что в английском языке бытует выражение:culpritofallevils, что означает «виновник всего зла». В моем случае это двойник - виновник всего зла в этом доме.

Глава 4

Я проснулся в три часа ночи. Лежал в постели и боялся открыть глаза. Я все ещё надеялся, что снова усну, а утром все станет опять простым и привычным. Или, наоборот, проснусь, и всё, что происходит теперь, окажется дурным сном.

Меня трясло от страха. А испугался я из-за того, что сквозь сон слышал звуки дрели прямо рядом со мной. Наконец я решился приоткрыть глаза. Медленно-медленно разлепил веки, окинул взглядом из-под ресниц свою комнату. Пусто. Никого. Тихо.

Облегчённо вздохнув, я хотел было уже пойти на кухню и попить чаю, но не тут-то было: звуки продолжились, но на этот раз уже наяву. Я замер на месте. Лоб покрылся противным липким потом. Ноги, казалось, приросли к полу. И никакая на свете сила не могла бы заставить меня сдвинуться с места.

Стук молотка и протяжные звуки дрели и бура создавали кошмарную мелодию. Я сжал голову руками, закрывая уши. Хотелось хотя бы несколько секунд побыть в тишине. Полного беззвучия не получилось, но шум стал гораздо глуше, дальше, тише.

Вдруг – озарение! У меня в ящичке комода лежал ножик, который мне когда-то подарил отец. Ножик был неказистым: маленький, с обшарпанной рукояткой, к тому же я не помнил уже, когда в последний раз точил его. Но этим ножом я дорожил больше всего: он напоминал мне об отце.

Спустя минуту я уже шёл по коридору в комнату моего злейшего врага. Я шагал уверенно, будто шёл в бой. Ну, это почти так и было. Я и вправду шёл в бой, хотя и знал, что проиграю. У него есть и бур, и молоток, и дрель, а я имею в арсенале лишь старый складной нож.

Перед входом в комнату двойника я замер и прислушался. Я слышал, как двойник шагал по комнате и бубнил странные слова, затем снова

продолжил работать. Я решил, что буду звать его «Проклятьем» из-за грубых звуков, которые он периодически издавал.

Я ворвался в комнату и увидел двойника, который стоял на стремянке и бурил отверстие в стене, которая выходила на задний двор дома. Тут я понял, что он хочет попасть в подвал, а именно в ту его часть, про которую говорили, будто она ведёт в катакомбы.

Он был увлечён работой и не слышал моего прихода. Да и я ступал настолько тихо, насколько позволяли старые скрипучие деревянные полы дома. К тому же бур производил шум, вполне способный скрыть моё появление.

Но внезапно звук бура замер: двойник прекратил работу. Клянусь, он не мог меня услышать, видимо, все-таки почуял… Он медленно обернулся и посмотрел на меня. Жуткая улыбка обнажила жёлтые зубы. Пожалуй, зубы были единственным его отличием. У него были такие же, как и у меня, черты лица и такие же прямые и гладко уложенные волосы. Но вот зубы… Зубы были точно иными…

Тут он произнёс речь так, что я даже не понял, кто это сказал: я или он. «Привет, дружок. Наконец я увидел тебя в сознании, - говорил он спокойно и медленно, но холодной жутью веяло от его слов и интонации. - Хочешь пойти со мной или останешься в этом доме навечно? Пойми: ты это я… и я могу изменить твою судьбу… навсегда».

Ярость затопила меня полностью. Плохо соображая, что делаю, я метнулся к нему, выхватив свой маленький, смехотворный в своей никчёмности ножик, но двойник ловко ухватил меня за руку. У меня закружилась голова, в глазах потемнело, и я упал на холодный пол, усеянный стружками, содрогаясь всем телом и моля бессвязно о пощаде. Затем я почувствовал удар и распластался на полу.

Глава 5

Темные, жуткие, сырые стены подвала. Я медленно иду, осматривая странное помещение метр за метром. Кругом полумрак. Я едва могу различить концы пальцев вытянутой вперёд руки. Стены подвала также окутаны мраком. Там, где мрак сгущается, видимость нулевая. Я протягиваю руку и осторожно ощупываю тонущие во мраке камни стены. Ничего. Только камни и бесконечные стены. Только бетонный пол. Только разорванная, клочьями висящая паутина по углам.

Вдруг я краем глаза замечаю дверь с облупившейся зелёной краской. Прямо как наяву я чувствую, что меня щекочут сотни пальцев, сотни холодных невидимых щупальцев. Наверное, стоило бы повернуть назад, но я все же толкнул ногой дверь и зашёл в жуткий кабинет с ободранной

штукатуркой.

Кабинет был освещён тусклым светом трёх оплывших свечей. На минуту мне показалось, что я попал в старую часовню. Тот же запах старого дерева, расплавленного воска и копоти чадящих фитилей… Однако это предположение было мною отвергнуто, когда я увидел чёрную пятиконечную звезду на полу. «Сатана преследует меня везде, даже здесь, в этом подвале, - подумал я. - Надеюсь, чертей сегодня не будет».

Мои просьбы были услышаны и даже исполнены, но совсем не так, как я этого хотел. Я услышал дребезжание дрели, и стена рассыпалась прямо передо мной. Я услышал крики боли и сатанинский смех. Белый свет и…

Глава 6

Я проснулся. Слава Богу, я проснулся! Все сон и бред. Ничего нет. Нет двойника и его дурацкой комнаты. Нет тёмного и бесконечного подвала. Нео комнаты-часовни с чёрной пентаграммой на полу. Ничего этого нет. Я счастлив!

Но моё счастье было мимолётным: я проснулся в городской больнице. Первое, что я сделал, так это полез искать свои вещи. К моему удивлению, куртка висела на плечиках в шкафу. Я встал с койки, и моя голова будто раскололась от резкой боли. Суставы ныли, руки дрожали, все перед глазами плыло и покрывалось серым клочковатым туманом. Меня качнуло, я схватился за спинку кровати, но устоял. Медленно передвигая ноги, я двинулся к шкафу, чтобы осмотреть содержимое моей куртки.

В кармане лежал перочинный нож (тот самый, которым я дорожил больше всего), деньги (тысяч десять мелкими купюрами) и мобильник. Я был невероятно рад тому, что все по-прежнему: я окружён знакомыми, понятными, простыми вещами, никуда не надо спешить, ни от кого не придётся больше прятаться, не нужно принимать никаких странных решений, последствий которых вы все равно не сможете предугадать.

В комнату зашла медсестра и представилась:

- Меня зовут Светлана. Не хочу травмировать вашу психику, но мы нашли вас под обломками вашего сгоревшего дома. К счастью, вы целы и невредимы, но у вас сотрясение мозга и перелом черепа. Мы нашли вас в той самой куртке, что висит в вашем шкафу.

- Как это может быть? - спросил я, (хотя и знал, что это, наверняка, проделки моего двойника). С этого дня я решил, что убью двойника любой ценой.

Медсестра ещё что-то говорила о том, как проезжающие мимо моего дома туристы заметили дым и вызвали пожарных, как к моменту приезда машины дом уже весь превратился в груду догорающих головёшек,

как, разбирая завалы, пожарные заметили меня… Медсестра ещё долго говорила, но я не слушал: это уже было неважно.

Глава 7

Я лежу в больнице уже вторую неделю, и врачи говорят, что я иду на поправку. Я не слышал и не видел двойника все это время и почти успел о нем позабыть. Меня сейчас волнуют дела поважнее, чем поиски всяких маньяков и двойников.

Новогодние каникулы уже закончились, а значит, уже пора в университет. Через пять дней начало работы, поэтому я и решил побыстрее выписаться из больницы. К тому же мама волнуется, как я себя чувствую. Я уже ей звонил, но она не отвечала. Но однажды она написала мне письмо:

«ДОРОГОЙ СЫНОК!

Я очень соскучилась, по тебе, милый. Прости, что не отвечала: была сильно занята. Я знаю, что произошло с твоим домом и с тобой. Врачи говорят, ты бредишь каким-то двойником, ищешь пропавшие инструменты и спишь плохо. Я попросила у врачей, чтобы тебя выписали побыстрее. Я жду тебя дома.

Всегда любящая тебя

МАМА».

Прочитав это письмо, я обещал себе, что всё наладится. Теперь я непременно должен увидеться с мамой. Мама помнит и ждёт меня. Жизнь вернулась в прежнюю колею. Праздники, каникулы, потом университет. Все как всегда. Да! Теперь я готов идти домой!

Моё обследование было практически окончено, и я выписался из больницы. Врачи сказали, что домашняя обстановка и положительные эмоции от встречи с родными окажут благотворное действие на мой организм. Что ж, возможно! Говорят, что дома и стены помогают… Хотя… Ведь у меня больше нет дома… Или так: у моего дома больше нет стен… Стоп! Не думать о плохом! Забыть весь этот ужас!

Я еду к матери! Наконец-то мать обнимет меня, и я снова почувствую любовь и заботу близких. Я уверенно шагнул за ворота больницы, надеясь никогда больше не возвращаться сюда, и пошёл в свой милый дом, где я прожил счастливое детство и проживу ещё много лет в безопасности и комфорте.

Глава 8

Я позвонил матери и сообщил, что возвращаюсь домой. Разумеется, она была рада. Я тоже был рад, но мне предстояла трудная восьмикилометровая дорога домой. Я решил не тратиться на такси и пошёл пешком, потому, что автобусы не ходят ночью. Конечно, было бы разумнее дождаться утра и после завтрака покинуть больницу, как и советовал

врач. Но у меня просто не хватило терпения дождаться утра! Да и дорогу я знал превосходно. Я чувствовал в себе столько сил и энергии, что путь в восемь километров не казался мне непреодолимым препятствием.

У нас район не самый благополучный, уровень преступности довольно высок. Но я помнил, что у меня в кармане нож, и я могу постоять за себя. Мне уже двадцать. Я к тому же пять лет занимался борьбой. В общем, я был готов к ночному марш-броску.

Иду. Прохожу мимо стареньких домов и закрытых магазинов, светящиеся вывески которых мигали в темноте. Город у нас старый, не реставрировали его ни разу за долгие семьдесят лет его существования. Почти все дома здесь - пятиэтажки, а самый высокий дом - в девять этажей. Именно в девятиэтажке я и живу.

Шагал я довольно-таки бодро, особенно первые два километра. Но затем только что перенесённая болезнь начала напоминать о себе. Как назло, пошёл мокрый снег, и я был уже не в силах бороться с ветром, сыростью в ботинках и наваливающейся на меня усталостью.

К счастью, я увидел машину и замахал рукой. Автомобиль прижался к обочине и замер. Я открыл дверь и с облегчением плюхнулся на заднее сиденье. В салоне сидел мужчина лет сорока в чёрной куртке и в кепке. Он выглядел подозрительно, но в тот момент выбирать не приходилось. Я назвал ему свой адрес и протянул тысячу рублей. Тогда он повёз меня, и безлюдные улицы города замелькали за окном машины.

Мы ехали спокойно, а за окном был жуткий снегопад. Вдруг я заметил вдали работающий магазин и попросил водителя остановиться. Я вышел из машины и пошёл купить себе воды. Но когда я вышел назад из магазина, водителя уже не было. Был слышен лишь удаляющийся звук мотора. Я остался один посередине старого, хоть и знакомого родного города.

Глава 9

К двум часам ночи я добрался до дома. Я нажал кнопку звонка, и мама открыла мне дверь. Я бросился в её объятья, и мы долго обнимались и плакали в коридоре.

Следующие четыре дня я занимался уроками и повторял пройденное. Конечно, я рассказал матери и о двойнике, и о странной комнате. Мама слушала, недоверчиво качая головой. Наверное, ей не совсем верилось в моё полное выздоровление. Немного помолчав, она сказала:

- Поговори об этом с бабушкой. У неё все-таки больше опыта по этой части.

У нас в квартире, действительно, жила ещё и бабка. Её звали Шура. Я знал, что она специалист по всяким легендам, что знает сотни страшных

историй из прошлого. Видимо, мамин совет был своевременным. Невзирая на поздний час, я постучался в комнату бабы Шуры. Странно, но она не спала. Она даже, кажется, ждала моего прихода. Сидела одетая за столом, а перед ней дымились две чашки свежезаваренного чая.

- Присаживайся, дорогой! – с какой-то странной улыбкой проговорила она. – Видно, жизнь твоя в узелок завязалась, раз пришёл моего совета спросить.

Я молча кивнул, приготовившись к долгому и обстоятельному рассказу. Но говорить не потребовалось. Казалось, баба Шура знала все наперёд.

- Чаёк пей, - предложил она, пододвигая ко мне чашку. – Мозги хорошо прочищает. Пей и слушай.

Она рассказала мне, что сорок лет назад древний дух колдуна проснулся после столетнего сна. Утратив за столетия свою плоть, он отправился на поиски новой жертвы. Он принимал облик того или иного человека и жил вместе с ним, одновременно с ним, жил вместо него. Когда такая жизнь ему надоедала, он просто убивал того, телом которого завладел так вероломно.

Затем баба Шура приблизила ко мне вплотную своё лицо и таинственным шёпотом спросила:

- А ты видел его?

Я сказал, что да. Ответ бабки меня напугал:

- Я тоже видела его и пыталась с ним бороться. Я победила и заманила его в ловушку, нарисовав сатанинскую звезду на полу, когда он снова пришёл ко мне. Сатана пришёл и забрал его назад на тот свет. Но, видимо, он вернулся и решил выместить злобу на тебе, моем правнуке. Твоя бабушка была слаба духом, её слабое сердце просто не выдержало, когда она узнала, что к ней иногда приходит «не та мама». Ибо все родственники жертвы тоже страдают от проклятья, наложенного духом на весь мой род. Твоей маме повезло, я уберегла её, и постараюсь уберечь и тебя, дав тебе несколько советов: не пытайся убить его, не бойся его - страх даёт ему силу - и не дай ему попасть в подземелье, где находится портал в Ад, который он хочет уничтожить.

Я, конечно же, не поверил бреду старухи, которой скоро исполнится сто лет, и решил, что лучше займусь учёбой, чем разгадыванием глупых бабкиных сказок.

Глава 10

Настал первый день учёбы после зимних каникул. Честно признаться, по университету я соскучился. Люблю его длинные коридоры, мелодичные звонки, дружескую студенческую суматоху. Кроме того, в уни-

верситете бывают интересные лекции, которые можно посетить.

С этими чувствами я поехал на автобусе в университет, который находился в десяти минутах езды от дома. День не задался уже сразу: когда я заходил в автобус, меня чуть не прищемило дверцами, а потом я вспомнил, что забыл взять кошелёк, и поехал зайцем. А потом, как назло, зашёл контролёр, и мне пришлось сбежать посереди дороги.

В общем, я опоздал на пару. А затем настало самое жуткое: ко мне подошёл профессор и спросил, почему я прогуливаю. Я сказал, что опоздал. На это профессор ответил, что он уже видел меня сегодня. Я ужаснулся, но все же решил пойти в аудиторию. Заглянув через дверную щель, увидел профессора истории, заполненную учениками аудиторию, но я осмелился зайти. Как только я вошёл, все девочки попадали в обморок, а на лице у учителя застыла гримаса удивления. Мой двойник уже сидел на самом верхнем ряду и махал мне рукой.

Не думаю, что вам будет интересно знать о том, что было со мной потом. Ругань, выговор и прочее. Это порождение сатаны испортило мне будущее и всю мою жизнь. Я был на грани отчаяние и готов был покончить с собой. Однако подумал, что не имею права уйти, оставить это чудовище свободно разгуливать по земле. Я должен, просто обязан устранить это порождение ада.

Возвращаясь домой, я видел, как он болтает с моими друзьями, и я затаил в душе единственное чувство - месть.

Глава 11

Живу я так уже неделю. Без учёбы, без друзей. Лишь только мама помогает мне справиться с горем. Баба Шура спит целыми днями, лишь изредка встаёт попить или поесть овсянки с маслом. Я подрабатываю в кафе в центре города. Работаю много, устаю, конечно. Но не от большого количества заказов, не от капризных и требовательных посетителей. Я устаю от страха. Своего собственного страха. Работаю, стараясь не оглядываться по сторонам. Боюсь оглядываться… А вдруг снова он?..

Кафе само по себе неприметное. Небольшое прямоугольное помещение с оранжевыми стенами. Днём посетителей мало, а вечером в кафе приходят всякие бродяги и прочий ночной люд. В общем, ничего особенного, кафе как кафе. Работаю я там уже неделю официантом. Мама помогла мне устроиться на работу, поскольку хозяин кафе был её давним другом. Платят так себе, но зато раз в неделю. Завтра пятница, и я получу свои пять тысяч рублей. Этого вполне хватит, чтобы купить еды на неделю. Мама не может ходить по магазинам: работает с утра до вечера и в выходные дни. Но может в любой момент взять отпуск и поехать, напри-

мер, в Москву.

Все, хватит демагогии - пора переходить к делу. Зачем же вам, мой читатель, знать, сколько мы зарабатываем и сколько у нас дверей в доме? Ох, снова эти двери! И во снах двери, и наяву. Надоело, ей-богу, про двери и замки, давайте уже двигаться дальше.

Глава 12

Дни шли бесконечной чередой. Кажется, именно такая монотонность успокаивает, как горение костра, как медленное течение воды, как ленивое переползание времени. Все дни проходят, как обычно, в работе, но вскоре случилось нечто. Когда говорят «случилось», всегда подразумевают плохое? Или только один я жду лишь «несчастных случаев»?

Я, как обычно, принимал заказы у посетителей. Время было восемь вечера, и людей было много.

Кроме меня, была ещё одна официантка. Звали её Даша. Она девочка очень красивая. Пышные русые волосы, стройная грациозная фигура и необычайно красивое тонко очерченное лицо. Честно признаюсь, я влюбился в неё с первого взгляда, но и она отвечала мне симпатией. Она была моей самой лучшей подругой в этом кафе. Рядом с ней я чувствовал себя не ничтожным трусом и неудачником, потерявшим все: институт, друзей и благополучную, в общем-то, жизнь, а сильным и уверенным в себе человеком. Да и что, в самом деле, произошло со мной? Какой-то человек вошёл в мою жизнь и сломал её? Да может, и не было его! Ведь может такое быть? Может, мне все это только показалось? Почудилось… Может?..

Я принимал заказ у какого-то бродяги, который так устал от жизни, что заказал лишь воды. Даша же принимала заказ у незнакомца, который был одет в коричневую осеннюю куртку и джинсы. Обычный, в сущности, костюм. Но что-то меня насторожило… И я обмер… Это была моя одежда, моя коричневая осенняя куртка, моя…

Менеджер попросил меня принести незнакомцу заказ. Он заказывал морс и мясной штрудель. Я неторопливо поплёлся обслужить его столик. Подойдя к нему вплотную, я почувствовал резкую боль в голове. Незнакомец тихо каким-то до жути (именно: до жуткой жути) знакомым голосом сказал: «Спасибо, брат». Я удивился дерзости незнакомца. Вот невежа! Кто он такой, чтобы называть меня братом! Незнакомец быстро оплатил заказ, и я ретировался на кухню.

Менеджер отпустил меня домой пораньше из-за моей головной боли. Я хотел попрощаться с Дашей, но её уже не было. Тоже отпросилась пораньше? Это меня разочаровало, но не удивило, и я пошёл домой.

Лишь только выйдя из здания, я увидел Дашу. Она стояла и разговаривала с незнакомцем из кафе. Я подошёл к ним, он снял капюшон, и Дашка спросила меня: «Это твой брат?»

Я растерялся. Наверное, надо было бы возмутиться, обозвать его самозванцем, обидеться, в конце концов. Но я растерялся. Я солгал и сказал, что он мой брат. Но я знал, кто это. Знал и был готов к удару.

Я был готов отразить удар, но вместо этого нанёс его первым. Почему? Что на меня нашло? Я просто бросился очертя голову на свой страх и изо всей силы ударил двойника. Даша закричала и как подкошенная упала на асфальт. Затем двойник с размаху ударил меня по лицу, да так сильно, что у меня закружилась голова. Я ответил ему ударом ногой с разворота (кажется, это называется «вертушкой), но злодей уклонился и толкнул меня. Я полетел лицом в снег, а он (я успел это заметить, с трудом расклеивая залепленные грязным снегом глаза) подошёл к Даше и, подхватив её на руки, понёс к припаркованному у обочины автомобилю.

У меня из носу текла кровь, болели руки и ноги. Я знал, что двойник силён, гораздо сильнее меня, но гнев и ненависть к нему не давали мне рассуждать здраво в тот момент и равнодушно сопоставлять шансы. Я пытался покончить с ним…

Глава 13

Я потерян. Я потерян для всего этого мира. Меня нет. Меня не существует. Или я есть лишь как плоть, а все остальное - в руках жестокого, циничного, безумного двойника.

Я никогда так сильно не интересовался его происхождением. Кто он? Пожалуй, есть только один путь узнать кто он. Интернет.

Меня могут посчитать идиотом, если я введу в поисковую строку следующее: «Кто такой двойник, и как от него избавиться?» Любой психически здоровый человек не стал бы это смотреть, а я, как вы видите, не здоров.

Я залез в старый мамин компьютер, вышел в сеть и дрожащими пальцами набрал в поисковике: «Как избавиться от двойника?» Почему-то я долго не решался запустить поиск, казалось, какая-то сила останавливала меня. Но я решился. Экран моргнул (наверное, проблемы с электричеством), и вдруг вместо привычно выпадающего списка разных сайтов и ссылок я, холодея, прочитал одно слово: «НИКАК».

Вероятно, старенькая машинка дала сбой. Повторю попытку. Теперь все пошло обычным порядком, и я обнаружил много чего интересного. Например, я узнал, кто такой подселенец, нашёл фирму, занимающуюся изгнанием духов (шарлатаны, конечно же!), просмотрел некоторое ко-

личество амулетов «от сглаза», которые (по очень сходной цене) предлагали приобрести предприимчивые торговцы и многое другое.

На первый взгляд, все это было интересно, но, прочитав подробнее, я понял, что все это чушь. Там не было ничего про двойника и про способы его устранения. Было много ерунды, странных и одновременно глупых статей продухов, бесов и прочую нечисть. Но я был упорен.

Сидя часами за компьютером, я выискивал информацию о двойнике, но безуспешно. Время близилось к полуночи, и меня одолевал всемогущий сон. Я уже было хотел выключать компьютер, но в последний момент наткнулся на ссылку без названия. «Зайду и посмотрю, что тут интересного», - решил я.

Глава 14 (АУДИОЗАПИСЬ)

«Пациент: Виталий Горшаков, номер 456. Диагноз: шизофрения 3-ей степени, сильное расстройство психики.

- Здравствуйте, Виталий. Меня зовут доктор Стаханов. Присаживайтесь.

- Вы доктор? Вы уверены в этом?

-Конечно, я доктор, Вам не угрожает опасность. Скажите, как долго вы страдаете от болезни.

-Какой болезни? Я здоров. Это все двойник. Он виноват во всех моих преступлениях, во всех! Он убийца! Он!

-Спокойно, господин Горшаков, спокойно. К сожалению, а может, и к счастью, двойника нет. Он лишь иллюзия, плод вашего воображения. Он…

- Сами вы плод воображения, он жив, он жив, и он будет следить за мной до конца моей жизни! Он состарится вместе со мной, и умрёт в один день со мной, и будет погребён со мной в одной могиле. И даже на том свете он будет со мной и будет терзать меня…

- Успокойтесь же, в конце концов, Виталий! Держите себя в руках!.. Ладно, продолжим. Хм, а скажите мне, пожалуйста, кто такой ваш «двойник»?

- Он-это я. Точная моя копия. Копия только по внешности, а внутри он безжалостный убийца и…

-Мне даже известно, кого он убил. Трёх человек. Мужчину и двух женщин. Как он их убил?

-Первая женщина была моей женой, он убил её у меня дома. Ночью. Я услышал крики на кухне и, войдя туда…Её звали Мила. Мне… тяжело…об этом… говорить.

-Мне очень жаль. Я хочу узнать о других жертвах.

- Мужчина был моим лучшим другом. Звали его Андрей. Добрый был человек. Жаль, что он погиб.

-Как он погиб? Скажите.

-Не могу. Больно говорить…

- Я нисколько не хочу расстраивать вас, но задаю эти вопросы лишь для того, чтобы помочь вам.

- Мне не нужна ваша помощь.

-Прошу вас, Виталий. Для вашего же блага…

- Хорошо… Он погиб в автокатастрофе. Его сбила машина, когда он шёл домой после работы… Я скорблю по нему.

-А ещё одна женщина?

-Он её убил. Это моя вторая жена, Светлана. Она работала медсестрой в Новосвердловске. Её убили в больнице, вечером…Ох, мне плохо. Мне…

-Вызовите врача! ВРАЧА СКОРЕЕ! Он умирает!»

Запись оборвалась.

Глава 15 (АУДИОЗАПИСЬ 2)

После первой аудиозаписи, слушать вторую уже не хотелось. Страх после прослушивания остался и я почувствовал вину за то, что произошло в кафе. И спать совсем не хотелось. Поэтому я себе назло решил послушать и вторую аудиозапись.

« Пациент Виталий Горшаков, номер 456. Запись вторая.

- Здравствуйте, Виталий, вам лучше?

- Нет, доктор, я боюсь, что умираю.

- Не говорите глупостей. Вы находитесь под постоянным присмотром врачей, и вас надёжно охраняют.

- Нет. Дело не в охране, а в том, что я теряю силы. Чувствую, что-то сверхъестественное высасывает из меня жизнь…»

На этом аудиозапись закончилась. Я побледнел от ужаса. Надо быстрее уничтожить двойника, пока он не поразил мой разум.

После прослушивания аудиозаписей у меня сильно болела голова. Это было, наверное, из-за сильного волнения, которое я испытал. Меня напугали не только жуткие истории, услышанные мной, но и ужасная правда. Правда о том, что я не один такой, страдающий от козней двойника, а есть ещё люди, которые мучаются от него.

Время уже три часа ночи, и спать хочется невероятно. «Ладно, пойду спать, утром продолжу расследование,»-сказал я себе. Я с наслаждением плюхнулся в кровать и, наконец, расслабился.

Глава 16

Наверное, это была единственная ночь, которую я провёл без кошмаров. Я встал с кровати и пошёл на кухню завтракать.

На этот раз я решил поехать в деревню, посмотреть на свой сгоревший дом. Я проводил мать на работу, покормил бабу Шуру и пошёл к автобусной остановке.

Нечего описывать мою дорогу. Ехал я долго, почти час, со всеми остановками, один в автобусе. Вышел я посередине дороги и направился в сторону села.

Село у нас старое и неприметное, но имеет пару интересных достопримечательностей. Например, средневековая деревянная церковь. Есть ещё и колодец, который, судя по легендам, ведёт в катакомбы. Говорят, сам Пётр Первый посещал это село. В общем, село историческое и интересное.

Вот и мой дом. Полностью разрушенный, он наводил ужас. Я спросил у прохожего, почему этот дом ещё не убрали, и мне сказали, что под ним, возможно, находятся катакомбы и его не нужно убирать, чтобы не привлекать к опасному путешествию в катакомбах местных мальчишек и кладоискателей.

После этих слов, у меня возникло сильное желание узнать, что за катакомбы таятся под моим домом.

На обратном пути я думал, как бы мне проникнуть внутрь катакомб и узнать больше правды о двойнике. Почему-то я был уверен, что значительная часть правды скрывается именно там.

Глава 17

К полудню я вновь уже был у дома. От его ужасного вида у меня начали наворачиваться на глаза слезы, но я не заплакал. У меня просто нет времени на слёзы. «Давай, ты сможешь! - говорил я себе. - Ты уже взрослый мужик». Да, я уже взрослый, но чувствую себя как ребёнок лет пяти. Страшно. Но, с другой стороны, мне очень хочется разгадать тайну личности двойника.

Зайдя на участок моего разрушенного дома, я увидел, что, оказывается, дом разрушен не полностью, а целая часть дома уцелела. Я заглянул туда и увидел комнату двойника! Она была в идеальном состоянии! Мне стало жутко, и по телу пробежал холодок. Я зашёл в кошмарное помещение и первое, что мне попалось на глаза, был огромный люк в стене. «Вот он, миленький,»- сказал я сам себе, открыл люк и очутился в катакомбах.

Эхо моих шагов гулко раздавалось по развалинам. Вдруг я услышал шаркающие шаги неподалёку от меня, и холодные руки коснулись моих плеч. Я в ужасе обернулся: на меня смотрел старик с землистой кожей и с клочьями волос на голове. Он был худ и слаб, но сжимал меня невероятно сильно. С дрожью в голосе, я спросил у него, кто он. Старик жутким, загробным голосом ответил:

- Я твой прадед, малыш.

Этого я уже вынести не мог. Страх, гнев, отчаяние вылились в одном

Художник Н.А.Шатова

крике:

- Ты не мой прадед! Я не знаю никакого прадеда! Ты самозванец!

Старик жутко засмеялся в ответ. Жутко прозвучал этот старческий смех под низкими каменными сводами.

- Хватит смеяться, смех без причины признак...

И вдруг старик перестал смеяться и спокойным голосом заговорил:

- Гм! Прабабушка тебе не говорила обо мне? Я могу показаться тебе страшным, но я не колдун, как многие считают. В меня вселился демон, который заставляет меня менять своё обличье. Вот поэтому я стал твоим двойником и пытался убить тебя, но я в этом не виноват. Сегодня мы попробуем разобраться с тем демоном раз и навсегда. Главное, чтобы он снова не пробудился! Ты поможешь мне?

Я не знал, что отвечать. Диалог в призраком в древних катакомбах, прорытых неизвестно кем и неизвестно для чего… Да у меня просто не было выбора!

Я кивнул. Старик схватил меня за руку и повёл вниз, глубоко под землю. Я спросил у деда про аудиозаписи, которые я прослушал, и он кратко мне ответил:

- Эти записи – ложь, гнусная подделка! Никого я не убивал, я следил лишь за тобой в личине двойника. Ох! А вот и твоя прабабушка!

- Баба Шура!? Что ты здесь делаешь?

- Я здесь не случайно, милок. Я хочу спасти своего мужа, твоего прадеда Тараса. И я спасу его с твоей помощью, которая будет нам полезна.

Вдруг прямо за моей спиной раздался стон, и я обернулся. Прадед согнулся в три погибели и издавал страшный, жужжащий звук. Я заметил, что бабка не бежит помогать мужу, а лишь улыбается. Когда я перевёл взгляд назад на старика, передо мной стоял уже не прадед Тарас. На меня смотрел двойник. Бабка улыбнулась и произнесла жуткие слова: «Все, Тарас! Видишь, я опять тебе помогла! Тебе досталась ещё одна душа, теперь ты будешь жить вечно!»

Я попятился к стене. Двойник подходил ко мне все ближе и ближе. Я ждал, когда он подойдёт настолько близко, чтобы я смог воспользоваться своим ножом. Наконец, он приблизился ко мне вплотную. Глядя в его глаза, я пятился все дальше и дальше к стене, забыв уже и думать о ноже! Всё! Дальше стена! Дальше отступать некуда! Я наткнулся спиной на стену и оказался в тупике. Закрыл глаза, ожидая своей участи.

Я ждал удара, нападения – чего угодно, только не скрипучего голоса бабы Шуры, не ее долгого рассказа. И все-таки её голос донёсся до меня сквозь сырой воздух подземелья, сквозь леденящий душу страх, сковывающий моё тело. «Мой муж вернулся год назад. Он выглядел очень усталым и старым, был страшно болен и не мог есть. Где он пропадал столько

времени, я не знаю: он ничего не хочет рассказать. Но теперь он может жить вечно, питаясь лишь душами людей, перевоплощаясь в их точные копии. Он дошёл и до тебя,и теперь мы сможем насытиться ещё одной душой...твоей».

Во время ее речи я, скорее от страха, чем имея хоть какой-нибудь чёткий план действий, продолжал отступать вдоль стеры, шаря руками по её влажным и липким от многовековой плесени камням. Двойник продолжал наступать, но шаги его делались все короче, медленнее, неувереннее. И вдруг – о, чудо! – моя рука нащупала ручку двери. Старая деревянная ручка, изъеденная временем, сулила мне шанс на спасение. Я медленно, очень осторожно, стараясь не выдать свою находку ни одним подозрительным звуком, повернул её, и дверь поддалась. Дальше надо было действовать быстро и наверняка. Я одним толчком распахнул дверь, проворнее ящерицы выскользнул в неё и резким движением захлопнул.

Я оказался на улице. Вечерело. Передо мной была старая ржавая дверь, которая, казалось, вела внутрь холма, поросшего густой травой. Вообще-то мне частенько попадались в окрестностях вот такие холмы с точно такими же дверями, но я как-то никогда не задумывался, куда же они все-таки ведут.

Не хотелось думать об этом и теперь. Главное, я на свободе. Зло заперто внутри. А здесь – высокое чистое небо, густая изумрудная трава и весёлое щебетанье птиц. А там, внутри… Не хочется думать о том, что осталось там, внутри… Там зло… Там смерть… Здесь жизнь…

Не очень понимая, что делаю, я поднял с земли валявшийся неподалеку от двери камешек и зачем-то провёл им вертикальную черту по двери… За камнем остался ровный и чёткий белый след, отмечавший его скольжение…. Я долго смотрел на потемневшую от времени дверь, на белую вертикальную черту на ней и вдруг… Быстрыми, уверенными движениями провёл сверху, чуть выше середины горизонтальную черту… За дверью что-то ухнуло. И тогда, не обращая внимания, на шум за дверью, не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам, я быстро начертил во всю высоту и ширину двери ровный восьмиконечный крест, белый и тонкий…

Закончив, я отбросил в сторону так кстати подвернувшийся под руку камень и отступил несколько шагов назад. В сгущавшихся сумерках тонко беле, точно светился, мой восьмиконечный крест…

Почему-то дальше я знал, что все позади: можно ехать домой, глядя из окна вагона на проносящиеся мимо поля и перелески, на деревеньки и дачные участки, тонущие в сумерках и освещённые зажигающимися в них огоньками.

ПО СЛЕДАМ СТАРИКА ДАНТЕ

Артем Карманов

Дневник ученика 8Б, Пети Ерёмина

1-ое сентября 2003 года.

Сегодня на линейке я снова увидел Дашу! Её длинные чёрные волосы заставили меня опять в неё влюбиться. Ну и что, что она со мной даже не поздоровалась? Ведь дураку понятно, что она меня специально не замечает! Просто хочет меня позлить! А на деле я ей тоже нравлюсь!

7-ое сентября 2003 года.

Сегодня Лёшка, мой брат, получил первую двойку. Ему очень сильно влетело от мамы, но это не помешало ему ходить счастливым целый день, ведь это же так круто, первому в классе получить двойку! А ещё сегодня мне приснился странный сон. Как будто я сижу в камере для допроса, как во всех невыполнимых миссиях и т.д., и за стеклом напротив меня сидит ещё один «я». Стекло было не совсем прозрачное, мутное какое-то, словно запотевшее, подёрнутое лёгкой дымкой осевшего на него пара. Минут двадцать мы смотрели друг на друга, а потом «я» за стеклом начал говорить одну и ту же фразу: «Скоро ты всё поймёшь». И эту чепуху он тараторил ещё примерно полчаса, а потом я проснулся. Я верю в вещие сны, и поэтому, наверное, скоро я сойду с ума. Не самая хорошая перспектива…

20-ое сентября 2003 года.

Сегодня наш класс ездил на экскурсию в музей религии. Там нам рассказывали про рай, ад, и всю подобную метафизику, в которую я все равно не верю. Но всё-таки это был лучший день в моей жизни, потому что из-за недостатка мест в автобусе Даше пришлось сесть со мной! Я пару раз постарался завязать разговор, но, похоже, она меня так сильно любит, что даже стесняется ответить!

28-ое ноября 2003 года.

Скоро каникулы! У всех счастье и ликование на лицах! Даже Даша начала улыбаться! А то обычно она грустная ходит… И сегодня на литературе мне опять приснился сон про моё сумасшествие. Только на этот раз стекло было немного более прозрачным.

14-ое Ноября 2003 года.

Совсем недавно опять началась школа. И я, наконец, решил попробовать добиться Дашиного внимания. Лёшкина девушка, Варя, согласилась проконсультировать меня по этому вопросу.

15-ое Ноября 2003 года.

Сегодня пришёл в школу с цветами. И наконец-то, принимая цветы, Даша мне улыбнулась! Но на розы у неё, наверное, аллергия, потому что они сразу же оказались в мусорке. В следующий раз куплю тюльпаны. И я решил сосредоточиться на Вариных уроках, и поэтому ненадолго перестану вести дневник.

2-ое марта 2004 года.

Сегодня, провожая Дашу домой, я впервые её поцеловал! И мы теперь, вроде, встречаемся! «Вроде» - это потому, что я сам до конца не понимаю, встречаемся мы с Дашей или нет. А кстати, в чем все-таки принципиальная разница: да или нет? Варя была права: рыжие мальчики тоже могут нравиться девочкам! Сумасшедший сон снится мне всё чаще и чаще. И с каждым разом стекло всё прозрачней и прозрачней. В этот раз я смог сфокусировать взгляд на «застекольном» изображении. Оказывается, второй «я» держит в руке какой-то жуткий меч, который ещё и горит. И на заднем плане я стал замечать силуэт очень высокого человека, но он скорее похож на тень, его не видно чётко.

14-ое мая 2004 года.

Мы с Дашей сейчас прогуливаем школу у меня дома. Вчера во сне стекло разбилось. Само. Наверное, пришло время сходить с ума! Даша сегодня весь день грустит. Даже комедия про семейку гангстеров ничего не изменила. Только что появился странный запах. Как будто что-то горит. Дыма, похоже, нет, но откуда-то из-под двери пробивается стойкий запах гари. Пойду и посмотрю.

Это последнее, что осталось у меня от брата. И как только этот дневник не сгорел в том пожаре? Криминалисты говорят, что всему виной взорвавшийся в его комнате телефон, из-за которого загорелась кровать. Но я в это не верю. Ни брата, ни его подружку не нашли. И ещё одна странность – у него в комнате было выбито окно. Вскоре после этого мама захворала и скончалась. Мы с папой решили во что бы то ни стало найти Петьку. С тех пор прошло 12 лет, мне 26, и, кроме его странных снов, мне зацепиться не за что.

Год назад папа прочёл Петькин дневник и целый год ездил по миру в поисках правды. Вчера он вернулся. И то, что он рассказал, меня потрясло.

Наверное, странным может показаться его решение – искать Петьку по всему свету. Ведь пропал-то он здесь! Но не всегда то, что кажется странным, таким и окажется.

Сначала поиски были безрезультатны; потом отец чисто случайно наткнулся на один храм в Индии, где общество монахов не на шутку испугались после его рассказа о сыне, его странных снах и ещё более странном исчезновении.

Как оказалось, 300 лет назад этот храм построил очень необычный человек, лет тридцати, который утверждал, что он ангел. Да, вот так: ни фамилии, ни национальности. Просто имя, просто возраст и просто ангел. Может, у них, у ангелов, всегда так?

И представьте удивление отца, когда этот тридцатилетний мужчина зашёл в храм, поздоровался с ним, назвав его по имени, и попросил пройти с ним в отдельную комнату, чтобы поговорить.

Ангела звали Вармиель, но он очень просил, чтобы его называли Владимиром. Ростом он был немного ниже двух метров, и поэтому казался худым. На нём было достаточно модное поло, поверх которого был не менее модный свитер, но шорты портили всю картину. Его тёмные, как 7-ой айфон, волосы отлично гармонировали с цветом его кожи. После того, как Владимир рассказал папе, что же все-таки с нами случилось, он дал ему книгу, в которой говорилось в целом всё тоже самое, просто немного подробнее. А дальше всё произошло слишком быстро, чтобы это понять. Владимир прикоснулся к отцу рукой, и в следующий момент папа уже стоял у входа в наш дом. Наверное, отцу хотелось бы расспросить ангела обо все поподробнее (мне бы, если честно, очень хотелось). Но, видимо, у них, у ангелов, так принято: сказал, что считал нужным, дал книгу - и иди, человече, зачитывайся! Самообразовывайся, так сказать.

Из книги я узнал, что Даша была далеко не обычной девочкой. Раз уж на то пошло, она вообще не была девочкой. Это был демон-вербовщик. Делает из человека то, что тот видит во сне за стеклом. И когда стекло разбивается, человека уже не вернуть. Он становится мстителем – воином ада, цель которого – убить всех, кто был дорог ему при жизни.

Мстители – бывшие люди, орудующие адскими клинками и знающие магию, связанную, в основном, с огнём. Они не носят одежды, их волосы пылают, а память о прошлом глубоко скрыта у них в голове. Так вот, завтра - знаменательный день. Мы с отцом отправляемся в ад искать моего брата. Осталось только узнать, как туда попасть.

Меня, конечно, пугает эта идея, но по-другому я не могу, ведь кроме брата и отца у меня никого нет. И если есть хоть один, пусть и призрачный шанс вернуть нашу семью, я отдам за это всё.

Этой ночью я не смог уснуть: всё думал о предстоящем сегодня похо-

де. И вместо сна я прочитал в интернете всё, что там было про ад, демонов и всякую разную нечисть, а заодно (и эту часть особенно внимательно) - как их можно уничтожить.

Самым распространённым вариантом был, конечно, экзорцизм. Изгнать демона можно либо с помощью заклинания на древней латыни, либо, если человек истинно верит в Бога, то Именем Господа. Любым святым предметом можно демона убить. И кое-где пишут, что соль и серебро отталкивают демонов. Только вот всё это действует только на мелкую шушеру, а вот на сильных, таких, как падшие ангелы во главе с Люцифером, это не подействует. А всё потому, что на ангелов очень сложно повлиять святыми вещами, молитвами и так далее. Надеюсь, с ними нам встретиться не «посчастливится». И на этой прекрасной ноте, я отправился спать.

Ту-ту туру-ту туру ту

Ту-ту туру-ту туру ту

С этой божественной утренней трелью у меня были связаны самые положительные мысли, такие, как «как же я всех ненавижу» и «где же тот демон, которому можно продать душу ради того, чтобы стать глухим». Но, тем не менее, я всё же поднялся, умылся и пошёл завтракать.

- Алексей! Где тебя носит!? – провопил отец из кухни.

Обычно в такие моменты я был уже на полпути от столовой, но, папе назло, останавливался, ждал минут пять и только потом продолжал идти. И такие моменты случались каждый второй день. Завтрак мы делали по очереди. А теперь к главному: единственное, что папа в этой жизни делал хорошо, это омлет с докторской колбаской. Получалось - объедение! Но сегодня он приготовил его на редкость невкусным. Но я не стал обращать на это внимание. Ведь дураку понятно, что папа волнуется.

И вот пришло время выходить. Папины уши были краснее помидоров, мои ноги дрожали, одним словом, нам было страшно, мы волновались.

- Пап, напомни-ка, как мы планировали попасть в ад? И как мы собирались искать там Петю? А то, судя по твоим словам, мы просто пойдём по навигатору, увидим неоновую вывеску «Ад», сияющую весёленькими рекламными огоньками, и решительно нажмём соответствующую кнопочку домофона. Долгим и мелодичным «пи-и-ик» пропоёт дверь, мы войдём в ад, нас там встретят с распростёртыми объятиями, приведут к Петьке, мы с ним обнимемся и просто уйдём домой. И что вообще два человека смогут сделать в аду, на родине демонов, без оружия? До того, как мы пойдём, нам хотя бы нужно понять, как этих тварей убить.

Я чувствовал, что мой монолог затягивается. Я всегда становлюсь болтливым, когда волнуюсь. Но отец, похоже, мена вовсе не слушал.

- Ну, Лёха, с Божьей помощью у нас всё…

- И кстати насчёт Божьей помощи, - просто молчать и слушать я, по-видимому, не мог. - Ты же знаком с Ангелом! Давай-ка для начала его навестим, авось, подскажет, что делать.

- Ты предлагаешь купить билеты и прошвырнуться в Индию? – сказал отец с глубоким непониманием в голосе, но спустя пару секунд понял, что умереть он ещё успеет, открыл ноутбук и начал искать билеты.

Было куплено два билета на самолёт до Дели. Перелёт оказался долгим и мучительным: сомнения, колебания, даже страхи мучили меня попеременно. Не в силах больше думать и переворачивать так и эдак в голове различные варианты, я закрыл глаза, и тяжёлый, вязкий сон принял меня в свои объятия.

В первый миг после выхода из самолёта на меня пахнуло до жути жарким и предельно влажным воздухом, и на миг я даже подумал, что так выглядит вход в ад, а я просто ошибся дверью из самолёта. Но, тем не менее, адом это не было. В аэропорту было ещё более душно. Мы получили наш скромный багаж и пошли на выход. В дверях я увидел девушку очень приятной«боевой» наружности, от которой так и веяло уверенностью как в себе, так и в завтрашнем дне. В руках у неё была картонка, которая раньше, скорее всего, была коробкой от пиццы. На ней было написано «Сергей и Алексей Митрофановы». Интересно даже, кто это нас так ждал, что даже отправил дочку нас встречать? Мы с папой подошли к ней, и я попытался спросить, нас ли она ждёт, но едва я успел начать фразу, она тут же мне ответила:

- Да, я здесь чтобы встретить вас.

- А откуда…

- Нет, никто не предупреждал меня о вашем прилёте, - не дав мне договорить, перебила она. - Я сама решила вас встретить.

- Но…

- Вы правы, будь я человеком, я никак не могла бы знать о вашем прилёте. Я ангел успеха – Дестия. О вас мне рассказал Вармиэль. А теперь пойдёмте: у нас много дел.

«Любит же она перебивать, - подумал я. – Надо будет подарить ей книжку «Этикет», а то опростоволосится так в приличном обществе». Нет, ну согласитесь: сложно разговаривать с человеком, который даже до половины предложения твои реплики не дослушивает! Сложно? Вы думаете? Расслабьтесь: дальше оказалось ещё сложнее!

- Нет, Алексей, ты не прав. Я не люблю перебивать, просто вы, люди, такие медлительные, и именно из-за этого абсолютное большинство вашего рода не может ничего достигнуть в жизни. Я лишь экономлю ваше и моё время. А про книжку, если ты не знал, то это я и ещё 3 ангела придумали этикет, примерно 7000 лет тому назад, и изредка меняли, ведь нет

предела совершенству.

Вот так! Теперь началось сложнее. После этих её слов я начал бояться даже думать в её присутствии. А вот вы сами попробуйте не думать! Или думать о чем-то таком, чтобы чужой человек (виноват, она не человек) читал бы ваши мысли, а вы сами при этом бы не краснели!

- Не бойся, думать можно, - проговорила она со снисходительной улыбкой.

Ага! Значит, думать разрешается?! И тут я взорвался:

- Может, хватит уже? Ты, вроде, говорила, что у нас много дел! Уже половина первого! Такими темпами мы и до утра до храма не доедем! Или тебя просто забавляет издеваться над людьми? – и после этой гневной тирады я просто пошёл к выходу из аэропорта.

За дверями стояла армия таксистов, каждый из которых чуть ли не вставал на колени ради того, чтобы я воспользовался его услугами. Все они были небритые, в серых или жёлтых шортах, и ни один из них не внушал абсолютно никакого доверия.

Тут я почувствовал, как на моё плечо сзади упала чья-то рука. Я оглянулся. Дестия лишь усмехнулась и легонько меня толкнула. На один миг я ощутил, будто куда-то проваливаюсь, и мне стало не по себе. Я моргнул, дабы смочить глаза, но когда снова открыл их, то сидел на какой-то скамье. Через секунду рядом буквально изнеоткуда возник отец, и сразу за ним появилась Дестия.

Мы сидели в церкви на скамье для молящихся. На окне была изображена Дева Мария. Я по-другому представлял себе это храм, и, если честно, думал, что в Индии исповедуют буддизм, ну или индуизм в крайнем случае. Не знаю точно, но последнее как-то созвучнее. Отец, как показалось мне, тоже недоумевал.

- Мальчики, не переживайте, – разорвала напряжённое молчание Дестия. - Мы даже не в Индии. Сейчас мы в Италии, мне просто нужно забрать отсюда кое-какую вещь.

И с этими словами Дестия исчезла. Значит, во как! Приземлились в Индии, а теперь – бац! – в Италии! Только что сидела с нами на скамье – и все! Нет её! Ну, как можно с таким человеком (упс! Не человек она! Не че-ло-век!) общаться!

Мы уже хотели начать волноваться, но тут она появилась снова, держа в руках сапог со шпорой, шляпу и монетку.

- We’re good to go! – сказала Дестия на неизвестном мне языке, но я предполагал, что это был английский, т.к. в детстве часто играл в компьютерные игры, и слово «гуд» там произносили часто. Пока я был занят распознаванием языка, Дестия и папа исчезли. Я ждал, что перенесут и меня, но Дестия не появлялась. В смысле я хочу сказать, что ни она не

появлялась, ни я не исчезал. Запутанно? А вот попробуйте рассказать об этом яснее! Я не могу!

Вместо объяснений я услышал смех. Нет, не радостный и весёлый, услышав который, захочешь улыбнуться в ответ. А такой, от которого по позвоночнику ползут противные мурашки, и лоб покрывается холодной испариной.

Я оглянулся, но так никого и не увидел. Смех повторился. Я встал, пошёл к двери, взялся за ручку - и мне стало плохо. Очень захотелось свежего воздуха. Я начал кашлять, задыхаться. Собрался с силами, открыл дверь…

В лицо подул воздух, который был очень странным. В Италии я раньше не был и не знал, какой там должен быть воздух, но этот был как будто протухшим, с очень сильным запахом серы. Как только я очутился за дверями собора, мир поплыл. Я думал, что теряю сознание. Чтобы при падении не разбить голову о плиты мостовой, я опустился на колени. Правда, после того, как солнце увеличилось в размерах и стало светить хуже, моё состояние перестало ухудшаться. Ещё полминуты я терпеливо ждал спасительного обморока, но, так и не отключившись, встал с колен, и начал осматриваться.

Я был рядом с собором, который с улицы выглядел очень красивым и большим. Это меня радовало. Огромное солнце сильно припекало, но мне казалось, что на улицах слишком темно. Солнце, при всей этой темноте, было в зените. Наверное, в Италии так всегда. И, судя по всему, их техника сильно отставала от нашей, раз выхлопные газы их машин смердели тухлыми яйцами, причём настолько сильно, что кружилась голова. Людям, похоже, это тоже не нравилось, поскольку на улицах никого не было. Скорее всего, все попрятались по домам. Слева от собора была достаточно широкая дорога. Я решил пойти по ней, авось, найду ларёк, попью холодной воды, съем мороженое… Дурацкие мысли, наверное… Но так хотелось чего-то понятного, привычного, простого в эти последние часы, наполненные сплошной мистикой и превращениями.

По бокам от этой дороги были развешены флаги, в основном, красные, но и чёрные тоже встречались. На каждом виднелось изображение страшилки из мультиков. Маленькие чёртики с вилами, большой и страшный чёрт, держащий в руке человека, было ещё чёрное существо с щупальцами вместо рук, был даже сиреневый козёл, стоящий на задних лапах, с клешнями вместо передних. Похоже, что в Италии сегодня день сатаны. Было даже весело разглядывать эту мультяшную нечисть.

Но тут на краю дороги я увидел скейтборд фирмы «Той Машин». С детства хотел на таком прокатиться. Убедившись, что никто, кроме чёртиков с флагов, на меня не смотрит, я взял доску, проверил, в каком со-

Художник Н.А.Шатова

стоянии были подвески, хорошо ли работали подшипники, не стёрся ли демон на нижней части доски, встал на скейт и покатился по дороге.

Удовольствие было колоссальным. Скейт этой легендарной фирмы оправдывал все мои ожидания. В центре дороги периодически встречались скамеечки, и через каждые три островка скамеечек был островок с растительностью. Правда, судя по степени желтизны листьев, машинные выхлопы вредили и им.

Ларька с водой всё не было. Дорога все никак не заканчивалась. Только всё больше и больше на флагах стали мелькать козлы.

Мне стало окончательно жарко, я затормозил, повернулся назад и поехал обратно к собору по тротуару справа. Этот тротуар был закрыт навесом, поэтому солнце больше на меня не светило. Но холоднее от этого не становилось. Приехав к собору, я сделал доской щелчок, она подпрыгнула и оказалась у меня подмышкой. Всё-таки до чего хороший скейт! Вспомнив, как хорошо и прохладно было внутри собора, я направился к дверям. Но как только я поднялся на последнюю перед дверью ступеньку, меня окликнули сзади.

- Алексей Митрофанов, – сказал негромкий скрипучий голос.

Я обернулся.

- Чего тебе надобно, старче? – процитировал я нашего классика, когда увидел за собой старика, которому на вид было лет 500. Он в любой момент мог развалиться. И было такое ощущение, что его тело уже успело наполовину сгнить. – Или ты заблудился в поисках могилы, и хочешь попросить меня о помощи? Так я сам тут не местный, дороги не знаю.

- Тебе ещё рано, – проговорил он замогильным голосом. – Не ходи туда. Лучше через лет 70 приходи обратно, а пока иди домой, деточка.

С этими его словами мне опять стало плохо, и мир поплыл. Наверное, всё из-за обеда, съеденного в самолёте. Или жара что ли их так на меня действует?

Через некоторое время меня отпустило, я поднял голову и увидел толпы фотографирующихся туристов. Я уселся на доску и взглянул на солнце. Оно больше не было в зените. Вечерело. Надолго же я отключился… И тут передо мной возникла Дестия.

- Успешная ты наша, водички не найдётся? – спросил я у обескураженного чем-то ангела.

Нет, конечно, я был очень рад её видеть. Надежда на то, что теперь хоть что-то прояснится, вновь забрезжила в моей душе. Но не бросаться же, в самом деле, ей на шею, чтобы она поняла, до какой степени я растерян и напуган. Или она и так уже это поняла?

Она молча прикоснулась ко мне, и я тут же забыл, что хотел пить. А в следующую секунду оказался рядом с папой. Мы стояли у алтаря в обыч-

ной православной церквушке, на нас смотрел чернокожий гигант. Из папиных рассказов я понял, что это и был Вармиэль. За ним стояла Дестия, очень напуганная чем-то.

- Ну что ж, ребятки, вы хотите в ад? – немного насмешливо спросил чернокожий.

- Да, хотим. Мы должны найти и вытащить оттуда моего сына, – сказал отец и вздохнул. На его глазах засверкали слёзы: видно было, что каждый разговор о пропавшем брате буквально выбивает папу из колеи.

- Тогда идите спать, завтра я вам всё расскажу. И… Алексей, можно тебя на минутку?

Я кивнул.

После того, как папа ушёл спать в специально отведённую для таких, как мы, комнату, Дестия исчезла. Наверное, улетела куда-то, и я остался один на один с Вармиэлем.

- Ты знаешь, что ты сегодня видел, после того как вышел из собора? - спросил он тоном отца, впервые рассказывающего сыну-малышу про превратности взрослой жизни.

- Вы про тот момент, когда мне было плохо?

- Да, именно про него. Ты понимаешь, что видел?

- Италию, наверное… - ответил я, искренне не понимая, чего он от меня хочет, но чувствуя, что ответ мой явно неверен.

- Помнишь вход в Шереметьево? Дабы в терминалах не было холодно, на входе две раздвигающиеся двери, сначала входишь в одну, она за тобой закрывается, и потом входишь в другую. Тем самым тепло сохраняется, - терпеливо начал объяснять Вармиэль. - Так вот, в аду такая же система входа. И сегодня ты побывал между двух дверей. И когда ты открывал вторую дверь, тебя вытолкнули обратно. Кого ты там видел?

Я описал ему старика.

- Хо-хо-хо-хо! – засмеялся Вармиэль. Мне показалось, что от его смеха весело звякнули хрусталики люстры. – Знаком с историей России?

- Ну да, знаком.

На самом деле, не так уж детально я с ней знаком, но внутреннее чувство подсказывало мне, что вопрос по истории не будет слишком уж сложным и не потребует чрезмерного напряжения памяти.

- Слыхал об Иване Грозном? – и ангел снова засмеялся.

- Что? Каким образом Иван Грозный в демоны заделался? Он же был человеком!

- Ты прав, человеком он был, но, судя по всему, «слишком хорошо» себя вёл, и его повысили в демоны. Это происходит с некоторыми душами, попавшими в ад. Они могут со временем стать демонами.

- Что за бред, -произнёс я крайне растерянным голосом: от разъясне-

ний Вармиэля все только ещё больше запутывалось.

- Ну а теперь более важный вопрос. Как ты вошёл в эту прихожую? Какое заклинание ты прочёл? – взгляд его добрых и ласковых глаз стал на сей раз пронзительным, испытующим.

- Я-то откуда знаю! Просто вышел через дверь. Услышал смех и вышел через дверь! Посмотреть вышел, - предложения выходили короткими, обрывочными, как и мысли в голове.

- Непонятно. Ну ладно, разберёмся по ходу дела. А теперь идём, ты должен выспаться.

На следующий день я проснулся от странного ощущения в руке. Она будто горела, но как только я на неё взглянул, всё прекратилось. Особого значения этому маленькому факту я не придал, а просто пошёл по привычке готовить завтрак. Я вышел из комнаты и понял, что, во-первых, кухни тут нет, а во-вторых, вышел я в одних до безобразия вылинявших джинсах. Рубашка так и осталась валяться на стуле: жара стояла страшная! Осознав обе ошибки, я хотел было повернуться и пойти исправляться, но тут передо мной возникла Дестия.

- Почему ты смущён? – спросила она с обычной для неё уверенностью в голосе.

- Ну... Нет, не то, чтобы я был смущён… просто…

И тут Дэстия подошла ко мне и поцеловала.

- Вы, люди, странные такие. И что в этом такого? – непонимающим тоном спросила она.

Я, смущённый до такой степени, что даже какой-нибудь демон смущения мне бы ой, как позавидовал, развернулся и, постоянно повторяя про себя: «дохлые крысы», убежал в комнату.

Основательно заперев дверь, я стал осмысливать произошедшее. В душе я был беспредельно счастлив. Меня, простого смертного, только что поцеловала ангел! Люди о таком не могут и мечтать! Но мой внешний вид, в котором я перед ней предстал, не давал мне покоя. И как я ей теперь в глаза смотреть буду?

За этими мыслями я потерял счёт времени и, лёжа на кровати, опять заснул.

Разбудил меня стук в дверь и папин крик: «Лёшка! А ну-ка иди завтракать! Уже половина первого!»

Не понимая, что происходит, я упал с кровати и больно ударился головой о тумбочку. Прижимая к начавшей уже надуваться шишке на лбу холодное донышко стакана, я вышел к завтраку.

Позавтракав, мы все пошли на задний двор. Там Дестия дала каждому из нас по набору юного ковбоя, а именно, шляпу и ботинки со шпорами. Выглядели мы как идиоты, но ничего не поделаешь. Видимо, это было

необходимо. (Я имею в виду наличие шляпы и ботинок, а не идиотского вида.)

Вармиэль начал читать нам лекции про то, как всем этим пользоваться, но я особенно не слушал. Я в это время начал экспериментировать. Вставал на пятку и крутился трижды вокруг своей оси, запускал шляпу в полёт, как НЛО, но ничего не случалось. Я просто начал выглядеть в глазах окружающий ещё тупее, чем обычно. Вот тогда я и решил прислушаться к лекции.

Как оказалось, шляпа – это своего рода распределитель энергии, ботинки могут телепортировать и в них встроен магический навигатор. В любом мире, реальном или магическом, достаточно только подумать, куда ты хочешь попасть, и дать команду ботам. А дальше наблюдать, как ты будешь идти на автопилоте. Кстати, ощущения не самые хорошие. В момент автопилота человек не контролирует ни малейшую частицу своего тела. И для того, чтобы включить эту магическую атрибутику, надо произнести на латыни: «Mihi opus industria», что в переводе на русский означает «мне нужна энергия».

Я, конечно, сразу представил себя на месте главного героя в фильме про магов, сдуру выпалив: «Mihi opus industria!» и оказался… на Мальдивах. Люди очень удивлялись, когда видели на острове ковбоя.

«Упс… По-моему, я немножко телепортировался, - сказал я вслух самому себе. - Судя по всему, пора попробовать направить свой талант к спонтанным телепортациям в более правильное русло. Попробую попасть обратно», - продолжил я разговор с самим собой. Я закрыл глаза, собрался с мыслями и начал концентрироваться. Так, представить место… И сказать фразу…«Mihi opus industria!»

Представьте себе моё счастье, когда я увидел перед глазами знакомую церквушку!

Все очень долго смеялись надо мной, когда я рассказал про мальдивского ковбоя, но то, что с первого раза я смог хорошо телепортироваться туда, куда хочу, их удивило.

Настал момент для самого главного. После того, как мы с папой научились свободно телепортироваться, Вармиэль сказал, что нам нужно оружие, и дал нам по монетке, стоимостью в десять евро-пенни. Мы переглянулись, и рассмеялись, дружно и очень заливисто. Дальше, как по готовому сценарию, мы встали друг напротив друга, и с криками: «Умри!!!» - бросились друг на друга с монетками, стукнулись ими пару раз, потом отец парировал удар моей рукой, шагнул мне за спину, и сделал вид, что перерезал мне глотку. Я, содрогаясь в «предсмертных конвульсиях», повалился на землю и «умер». А секунд через пять не смог сдержаться и засмеялся. Папа тоже не выдержал.

Тем временем Вармиэль достал из кармана один евро, сжал в руке и сказал: «Damihivirtutem sanctumgladium». Его рука засветилась, и из неё показался золотой, на вид очень тяжёлый меч, который очень просто вращался, но закрывал всю кисть, и просто выбить или вырвать его из руки было невозможно. Мы тут же перестали смеяться. Только Дестия хихикала. Ангел посмотрел на меч, и сказал ещё одну фразу: «Audime». Меч завибрировал, а потом перевоплотился в огромную золотую булаву, и опять закрыл руку ангела. Наши рты невольно распахнулись.

- Я могу произвольно менять его форму, у вас же будет одна. Так что молитесь, чтобы получилась не рогатка, - сказал ангел и засмеялся.

Шутки, что ли, у него такие? А если все-таки рогатка? Против кого я смогу выйти с таким оружием? Против воробьёв? Нет, против воробьёв не смогу: они забавные.

Папа решил попробовать первым. Он взял монету, сказал то же, что и Вармиэль, и в его руке возникла сабля, начала вибрировать, разделилась и вторая сабля прыгнула к нему во вторую руку.

Когда клинки приняли финальную форму, папа выглядел очень круто. У него в правой руке лежал прямым хватом метровый золотой клинок, на груди и на спине была золотая броня с шипами и лезвиями, а в левой руке лежал обратным хватом полуметровый клинок. На месте, где у клинков должна была быть рукоятка, была голова дракона.

Тут Вармиэль начал хлопать в ладоши.

- Давно я не видел такого везения! Клинки со способностью нынче редкость. А ну-ка, скажи слово «Ignis»: может сработать, – посоветовал ангел с нескрываемым восторгом.

- Как скажете, ваше святейшество Вармиэль…

- Владимир! Я же просил!

- Ладно, ладно, как хочешь. Ignis.

И в мгновение ока драконы на папиных мечах моргнули, вздохнули и начали дышать огнём. Получились у папы огненные мечи. Ради интереса я прикоснулся к одному лезвию и не обжёгся. Даже лучше, лезвия были холодными!

- Это святой огонь - людей им не обжечь, – просветила меня Дестия.

Папа весь светился от счастья. Он был очень рад тому, что ему настолько повезло с клинками.

Настала моя очередь. «Damihivirtutem sanctumgladium!»

Монета засветилась и приняла форму обычного полуметрового меча. Правда, со способностью. На месте рукояти тоже был дракон, но другой. «Игнис,» - сказал я, но ничего не произошло, и я расстроился.

- С мечом тебе, конечно, повезло мало, но дракон знатный. Он не огненный, а ледяной. Скажи «Duratus», скорее всего, сработает.

И правда, после того, как я произнёс это слово, дракон ожил, и заморозил меч. Но, опять же, холодным лезвие не было.

Радостный папа и немного менее радостный я поупряжнялись с мечами и задались вопросом: как же их снять.

Я решил, что шляпа мне в этом поможет, сконцентрировался, подумал, что хочу снять меч, и почувствовал в руке монетку.

- Интересно, – с любопытством поглядывая на меня, прошептала Дестия.

- Угу, – согласился Владимир.

- Почему вы так на меня смотрите? – недоумевал я. – Я что-то не так сделал? Целый день на меня так таращитесь! Надоели уже!

- Ладно, – сказали они хором, переглянулись, пожали плечами и… исчезли.

Папа до сих пор не мог снять клинки, и я решил тоже взять свой и ещё немного пофехтовать с папой. Практика никогда не бывает во вред. Чаще всего папа меня побеждал. С двумя клинками, конечно, легче, чем с мечом. И, казалось бы, два клинка и спинной доспех должны очень много весить, но папа говорил, что совершенно их не чувствует, и я ему верил, потому что мой меч не весил больше той монетки.

Через пару часов нашей схватки вернулись ангелы. У них в руках было по ведёрку попкорна и по бутылке воды. Владимир щёлкнул пальцами, и за их спинами возникли роскошные кресла. Судя по всему, наш поединок был для них очень увлекательным зрелищем.

- Лёша, не думай о размере своего меча, это не главное! – Подбодрила меня Дестия. – Только умение сражаться определяет победителя!

- Тссссс! – прошипел Вармиэль. – Смотреть мешаешь!

- Только вот умения у папы тоже побольше будет, - подумал я и сразу же был сбит с ног папиным выпадом.

- И вот опять… - подумал я, рефлексируя лицом в траве.

К этому времени я уже порядком подустал, и поэтому очень хотел есть. По папе было очень сложно понять, что до этого он битых три часа сражался на мечах, ведь удовольствие и радость, которые он получил, выигрывая у меня почти каждый раз, перевешивали любую усталость. Казалось, он мог бы провести так целый день. Его рвение, конечно, похвально, но всему нужно знать меру.

- Так! Всё! Хватит! Я голоден! И грязный! Очень! – разозлился я. – Только и делаю, что падаю! Сейчас дерёмся последний раз, на победителя. Проигравший, чур, готовит еду! – почти провопил я, поднялся с колен и начал собираться с силами.

- Удачи тебе! – кивнул мне отец и засмеялся.

И вот началась последняя схватка. Очень злой я и очень самоуверен-

ный отец сошлись в схватке не на жизнь, а на приготовление еды. Орудуя двумя руками, отец стремительно оттеснял меня всё ближе и ближе к границе поля. Я пару раз пытался телепортироваться к нему за спину, но мне никак не хватало времени сконцентрироваться, и приходилось дальше парировать атаки, упорно ожидая, пока он ошибётся. Но не лыком шит мой отец, и он не ошибся. Вместо этого он, как всегда, меня повалил. Но трибуны ещё не списывали меня со счетов. И не зря, потому что, когда он замахнулся, чтобы изобразить смертельный удар, страх от будущей готовки овладел мной с головы до ног, я закрыл глаза и начал просто ждать неминуемой участи.

- Да! Браво! Молодец! – послышалось «из зала».

Немного удивлённый, я открыл один глаз, и не увидел над собой отца. Вскочив из полулежачего положения, я первым делом осмотрелся.

Я стоял метрах в десяти от отца, на противоположной стороне поля. Он, недоумевающий, смотрел себе под ноги и не мог понять, куда я делся из такого безнадёжного положения. Я побежал трусцой в его сторону и, на ходу готовя удар под колено, раздавил веточку, не добежав до цели каких-нибудь двух метров. Конечно же, отец это услышал, в тот же момент сгруппировался, и мой удар пришёлся ему точно по панцирю.

В этот момент отец был крайне похож на ёжика, свернувшегося клубком, тем самым спасаясь от лисы, а я был хитрой, но очень недальновидной лисой, которая, охотясь на ёжика, поранила лапу об его же шипы.

Мне хотелось плакать. И зачем я прогуливал айкидо? Папа вон не прогуливал, и сейчас унижал меня на глазах у красивой ангельши.

После моего выпада отец повернулся через левое плечо в мою сторону и прижал мой меч к земле левым клинком, замахнулся правым и чуть не отрубил мне голову. Инстинкт самосохранения мне сейчас очень пригодился. Уклоняясь от атаки, я упал. Но это не отменяло того факта, что мой меч был прижат к земле, а правый клинок отца шёл по второму кругу, и до моего тела ему оставалось меньше секунды. Лёжа на лопатках, с намертво вжатой в землю правой рукой и с абсолютно беззащитной левой, я понял, что на этот раз от готовки мне не отвертеться.

Только вот мой меч думал иначе. Когда папиному клинку оставалось чуть меньше пятидесяти сантиметров до изображения Путина на моей майке, что-то, по форме напоминающее кол, со скоростью пули вылетело из рукояти и отразило удар. От недоумения, отец сделал шаг назад и остановился. В этот момент его глаза могли спокойно работать прожекторами на концерте у Мадонны.

Я тоже встал. Меч не менялся.

- Паршивый Дард Вейдер… - шёпотом сказал папа и обиделся на меня. В «Звёздных войнах» больше всех ему всегда нравился Чубака, и поэтому

тёмную сторону он недолюбливал.

Я посмотрел на Владимира, потом на Дестию, потом опять на Владимира и начал оправдываться.

- Это не я! Я, честно, не знаю, как так вышло. Просто я на дух не переношу готовку. Извините, я не специально!

Я мог продолжать так ещё очень долго, но Владимир вовремя меня остановил.

- Отец, это ведь невозможно! Обычным людям не дано полностью подчинять себе силу священного клинка… Невероятно! Вот почему он смог войти в адское преддверие, так быстро научился телепортироваться, и даже меч ему удалось снять, почти не напрягаясь! Так ведь это значит, что он… - Дэстия запнулась, словно споткнувшись о какую-то страшную догадку.

- Простите, господа: вынужден срочно вас покинуть! – проговорил ангел и тотчас куда-то умотал. Но к этому я уже привык.

После этого, ко мне подошла Дестия и начала меня внимательно изучать. В самом прямом смысле этого слова. Оглядывала меня с разных сторон, щупала, поднимала руки и даже обнюхивала. Что-то подсказывало мне, что мешать ей не нужно. Потом, не сумев разобраться, в чём же проблема, спросила меня:

- Алексей, ты ангел?

- Что, прости? – уточнил я, совершенно не понимая, с чего это меня записали в ангелы. Хотя не скрою, что моя самооценка стремительно начала повышаться.

- Ангел ты или нет? – голос звучал строго и требовательно.

- Да вроде бы нет…

- А мама твоя, случайно, не ангел ли?

- Я-то почём знаю? – от такого допроса я впал в полное замешательство и от этого начал дерзить. - Меня в такое точно не просвещали… Она, конечно, была хорошей мамой, но не настолько, чтобы причислять её к лику святых, не говоря уже об ангелах…

- А как давно ты чувствуешь жжение в руке?

- Уже не помню даже… - про жжение в руке я как-то и забыл.

- Ясно. С этим разберёмся позже. А сейчас давай-ка научим тебя этим оружием пользоваться. Возьми свой меч.

Взять в руки что-либо никогда не было для меня проблемой. Но вот то, что было дальше…

Дестия прикоснулась ко мне, и мою голову будто взяли на абордаж всякие разные знания, относившиеся ко всему, чего обычный человек не может знать и не узнает никогда: от географического положения входа в рай до химического состава демонских рогов. Голова в этот момент

сверхъестественно сильно болела, но боль скоро прошла, и я впервые вдохнул за последнюю минуту. Зато теперь я мог с гордостью заявить, что знаю всё! И даже в теории смогу сам менять форму своего оружия. Но теория - на то и теория, чтобы проверять её на практике. И поэтому ровно через одну минуту я уже стоял напротив папы и готовился испытывать свои новые знания, превращая их в умения.

Для начала, я представил его же оружие, нарисовал в голове символ, сказал: «Audime!», и меч как миленький перевоплотился в точную копию папиного оружия. Только дракон мой остался ледяным. На этом я не остановился. Я быстренько придумал себе шлем, ножные и ручные доспехи и скоро выглядел как настоящий средневековый рыцарь. Но я вошёл в раж, и не остановился и на этом. Я выдумал себе коня, одел в доспехи и его, потом придумал себе крылья, и напоследок закончил серию выдумываний огромным пулемётом. Выглядело это, конечно, абсолютно безумно! Безумно, но… устрашающе грозно!

Но когда я попробовал использовать хоть что-нибудь из своего арсенала, конь, пулемёт и крылья просто исчезли. Я расстроился, но понял, что монету перегружать не стоит. Поэтому я убрал все доспехи и сделал себе одни только крылья. В итоге я был защищён меньше папы, но мог спокойно летать. И это, безусловно, нравилось мне куда больше. Через некоторое время я полностью привык к крыльям и не оставил папе ни шанса.

Победа – штука вкусная, но привыкание вызывает нешуточное. И видя, как папа разозлился, когда начал проигрывать, я бодрым тоном предложил ему пойти поесть. Есть хотелось не на шутку, поэтому долго дуться папа не стал и принял моё предложение.

А в меню сегодня была жареная курица с картошкой. Наевшись этой вкуснятины, я сразу же плюхнулся на кровать и заснул.

Проснувшись на следующий день, я позавтракал и вышел на улицу. Отец уже был готов. Он взял с собой только еду и кубик Рубика. Папа очень хорошо его собирал, а я никогда не понимал, что в этом интересного. Но, тем не менее, мы отправились в путь.

Путь наш был бы наверняка полон самых разных приключений, если бы через десять секунд после его начала мы не пришли к воротам храма.

- Удачи! - сказал Владимир и распахнул ворота.

Изнутри повеяло жарким воздухом, даже для местных плюс сорока.

– Для входа непосредственно в ад, распахнёте ворота оттуда.

Мы оба изо всех сил пытались скрыть страх, но ничего не получалось: руки отчаянно тряслись, а ноги стали ватными. Когда я вошёл внутрь, невыносимая жара охватило все моё тело. Солнце тут занимало полнеба, но я еле мог разглядеть ветки, которые раньше были кустом, росшим в

пятнадцати метрах от меня.

Так же, как и рай, ад у каждого свой. Но чем хуже человек был при жизни, тем ближе его ад будет к центру преисподней, и тем страшнее будет в этом аду. Теперь нам оставалось только идти вперёд в поисках центра.

Три часа мы шли вперёд, и ничего не происходило. Ни одного демона нам не встретилось. Но мы дошли до дороги. Наш дальнейший путь пролегал по ней. Часов семь мы шли и шли, страдая от изматывающего зноя и начисто выжигающего все мысли солнца. Есть не хотелось вообще, часы не работали, кубик не собирался ни при каких условиях.

Становилось все жарче и жарче, если это вообще возможно. Если раньше было примерно градусов семьдесят жары, то сейчас температура поднялась ещё на все десять градусов. Как мы это выдерживали – непонятно. Но казалось, что температура нам не вредила. Мышцы не уставали, есть не хотелось.

Спустя несколько часов папа увидел первого демона. Он стоял как вкопанный и беседовал с огнём, который держал в руке. Беседовал, разумеется, не вербально, а телепатически. Наверное, знания, полученные от Дестии, помогали мне понимать такие вещи, а внутреннее чувство подсказывало мне, что удивляться ничему не надо – надо привыкать.

Та же самая интуиция подсказывала, что шума лучше не поднимать. Я взял папу за руку, и дальше мы полетели.

Примерно через час полёта я заметил впереди огромных размеров замок. Казалось, что располагался он далеко-далеко, на самой линии горизонта, так что виднелся лишь своими очертаниями. А летели мы все-таки ужасно медленно, но длина пути меня не пугала: усталости я не чувствовал.

Чем крепче нервы – тем ближе цель. Кто это сказал? Не помню. Умный, наверное, был человек. Умел ждать и надеяться. Я набрался терпения, вооружился мудрым афоризмом и продолжил полет.

Подлетев совсем близко, мы решили продолжить путь пешком, потому что так было легче спрятаться. Но как только мы опустились, к нам сбежалось тринадцать демонов. Как я успел посчитать? А чего там считать! Догадаться можно было бы! Тринадцать – известное число! А мы ведь в аду, так? Значит, часто будем здесь с ним встречаться!

Демоны действовали отрядами по тринадцать штук в каждом. Не штук? Ну, а как их ещё назвать? Не человек же? Правильно, не человек: они не люди. Тогда как? Тринадцать особей? Ну, это уже что-то из передачи «Animal Planet». Короче, тринадцать мерзких существ бежали не просто нам навстречу – они бежали на нас!

Мы заняли круговую оборону (хотя какая может быть круговая обо-

рона из двух бойцов?!) и начали сражаться. Я зарубил пятерых, остальные сражались с папой. Троих он убил, но оставшиеся четверо застали его врасплох и начали атаковать огненными мечами с разных сторон. Я тотчас телепортировался к нему, но было слишком поздно. Один демон проткнул отца своим мечом. В неистовом гневе я за секунду прикончил всех оставшихся демонов, но было видно, что его уже не спасти. Мой отец умер у меня на руках…

И тут я проснулся.

Я лежал в своей кровати. Я точно был на земле, а не в аду, и это радовало. Я тотчас вскочил из кровати и побежал в папину комнату. Представьте степень моей радости, когда я увидел папу, спокойно спящего под одеялом на полу рядом с кроватью! Я буквально накинулся на него с обнимашками, за что тотчас же получил увесистую затрещину и был изгнан за дверь. Но менее счастливым от этого я не стал.

После завтрака, такого же, как и в моём сне, я увидел папу, собирающего кубик, так же, как было во сне.

- Папа, еду с собой брать не надо: мы там не проголодаемся.

- Откуда ты знаешь? – его брови удивлённо приподнялись и сложились «домиком».

- Да так… Предчувствие.

- Не люблю доверять предчувствиям, поэтому всё же возьму, - отец был неумолим и упрям, но, кажется, таким я люблю его больше всего.

- И кубик там собрать будет невозможно, - продолжал занудствовать я.

Не потому, что хотел настоять на своём: видел уже, что бесполезно. Просто ворчал машинально.

- С чего ты это взял? И вообще, как ты понял, что я возьму с собой кубик, господин Всезнайкин?

- Говорю же, предчувствие!

- А я говорю, что в предчувствия не верю.

- Твоё право. Но помни: я тебя предупреждал.

Когда мы подошли к воротам, Владимир опять начал свою речь.

- Удачи! Для входа непосредственно в ад…

- Распахнёте ворота оттуда, - перебил я его, как обычно делала Дестия.

Глаза Владимира округлились, он пристально посмотрел на меня и сказал:

- Мне казалось, что читать мысли ангелов с помощью ангельской печати нельзя. Конечно, я могу ошибаться, но всё же, как ты прочёл мои мысли?

- У меня был сон, в котором я уже видел все события сегодняшнего

дня.

- Интересный ты человек, Алексей, очень интересный… Ладно, раз ты всё знаешь, то идем.

Дальше всё было в точности как в моем сне, пока мы не достигли замка. Спуститься я решил пораньше, чтоб, не дай Бог, не повторить то, что я уже однажды испытывал.

Демонов рядом не было. Мы долго пробирались сквозь горящие кусты, пытаясь сделать это максимально бесшумно, и в конце концов пришли к замку. Но теперь поднялся большой и, казалось бы, неразрешимый вопрос: «Как же туда попасть?» Но решился он, на удивление, быстро. Папа предложил мне сделать бур из мечей, и через минуту мы уже лезли сквозь стену.

Внутри было очень, как ни странно, светло. И температура вовсе не адская. Если честно, я подумал, что попал обратно в мир людской. Но стоило мне сделать шаг, как комнату охватило огнём. И не каким-то обычным, а чёрным пламенем. Спустя некоторое время пламя стало сползаться в одну точку, приняло форму козла и погасло совсем. На месте пламени стоял козёл и смотрел на нас. И ничего смешного тут нет! Если вы представляете себе милого козлика из детских мультяшек, вы серьёзно заблуждаетесь! Жуткое было зрелище! С минуту мы смотрели друг на друга. Его взгляд был пронизывающим, обволакивающим, завораживающим… Но мне почему-то казалось, что есть внутри меня нечто (душа, что ли?), куда его глаза никак не могут проникнуть. Мы бездействовали. Но внезапно козёл заговорил.

- Здравствуйте, путники! – со странным акцентом сказал козёл голосом всем очень известного, влиятельного товарища с другого континента. – С чем вы к нам пожаловали?

- Ищем моего сына, – казалось бы, отец просто отвечал на вопрос, но в его словах ясно прозвучала угроза.

- Интересное место для поисков сына. На земле уже искали? Может, просто в кино с подружкой сбежал?

Эта рогатая тварь ещё пыталась шутить. Но мы были на взводе и вести «светскую беседу» не хотелось никому.

- Когда он был ещё ребёнком, вы его забрали! – вспылил папа. – Почему его? Почему именно моего сына вы, рогатые, забрали?

- Даже не знаю, как ответить на этот вопрос… - сказал козёл задумчиво. – Просто захотелось…

И после этих слов козёл растворился в огне. Но на этот раз огонь слишком долго не успокаивался, не уменьшался, а, казалось, бушующее пламя только набирало силу.

Мы стали думать, что будем сожжены заживо. Но не тут-то было:

огонь принял форму человека и постепенно погас. Там стоял Петя. Хотя вряд ли его можно было назвать Петей: выглядел он неважно. Внезапно двери распахнулись, и оттуда вышла красивая девушка с длинными чёрными волосами.

И мир для меня рухнул. Я понял, что эта девушка - та самая Даша, в которую Петя втюрился ещё перед пожаром. И в которую, кажется, влюбился я. Удивлены? Ещё ничего не поняли? Передо мной стояла Дестия. Она хлопала в ладоши.

- Браво! Браво! И ещё раз браво! – восхищённо говорила она. – Вы дошли! Молодцы!

- Дестия, что ты тут делаешь? – чувствуя себя круглым идиотом, спросил я.

- Ну, как бы тебе сказать?.. Живу. А по-твоему, что демоны делают в аду? Работают? Учатся? Ах! Так ты даже не понял, что я демон! Неужели ни разу не задумался, зачем двум ангелам помогать вам попасть в ад? Глупенький. Мы, вербовщики, такие. Всех провести можем. Кстати, вот твой брат. Поговори с ним, если хочешь. Ой! Совсем забыла! Он же хочет тебя убить! Но ты, конечно, попробуй его разговорить, авось, получиться продлить жизнь на пару минут. В общем, не буду вам мешать… – и она исчезла.

Я чуть не потерял сознание. Это был настолько сильный удар по моей душе, что бесследно для меня пройти это не могло. Но сейчас нужно было думать (и делать это очень-очень быстро) о том, что на меня бежал мой брат с огненным мечом, и, вправду, был готов меня убить. Но папа вовремя пришёл мне на помощь и принялся отражать удары, наносимые Петей.

И тут я осознал, что Дестия совершила большую ошибку, дав мне сверхзнания про все сверхъестественные вещи. Ведь, сосредоточившись (пока отец отражал Петькины удары), я вспомнил, что можно вернуть брата назад. Для этого нужно всего-навсего… перезагрузить его сознание. И, конечно же, существует заклинание, способное на такое. Но перезагрузить можно только изнутри. И для этого, его сознание надо сначала захватить. Точного произношения всех слов я не знал, заклинание было составлено на демонском наречии. Надеюсь, у меня получится.

- Вандродесто, йовинкресто, пернесомнисквальшодомнис, дернумвериссвалистентрекосеэрис! – прокричал я и… потерял сознание.

Очнувшись, я встал и увидел себя, лежащего на полу рядом. Это зрелище меня немного озадачило, но я быстро опомнился. Папа же был в полнейшей растерянности. Он не знал, что ему делать со мной, лежащим на каменном полу без признаков жизни. Но даже в этом теле, я смог бы объяснить ему, что всё хорошо и скоро все наши мучения кончатся. Мне

оставалось одно заклинание. И было оно, как ни странно, ангельским.

- Амесиокиоралис, метринеоварудалис,сомокадормини, кенесиооурини, – пробурчал я внутренним полушёпотом и мгновенно открыл глаза снова в своём теле. Петя ничком лежал рядом.

Мы с отцом понимали, что тут лучше не задерживаться, и договорились телепортироваться к месту нашего входа в ад. Я перекинул брата через плечо, досчитал до трёх и телепортировался к воротам. Папа прилетел немного позже.

Я толкнул дверь и вырвался наружу. Папа прошёл за мной. И тут Петя очнулся. Он больше не был безумной машиной для убийств, игрушкой в руках чужих сил. Он стал человеком.

Повторно открыв ворота, мы вышли в наш мир. От греха подальше, долго оставаться в храме мы не стали и телепортировались домой.

Я был в предвкушении нормальной жизни. Меня переполняла радость от того, что семья снова в сборе. Только я никак не мог забыть про Дестию…

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КЕНТАВРОВ

Варвара Соловьева

6:00. Я кое-как встаю с кровати. Мои глаза красные, как стоп-сигнал светофора. Ещё бы! В эту ночь я опять спал не больше трёх часов… Чего бы я только ни отдал, чтобы вот так и лежать весь день, не выбираясь из тёплой постели… Кажется, я смогу спать сутками… Но…

С самого утра у меня было чувство, что что-то обязательно пойдёт не так, но меня особо это не пугало. Честно говоря, и не удивляло вовсе. У меня постоянно что-то идёт не так. Мог бы и привыкнуть, если честно. Но что-то все-таки тревожило. Видимо, сегодняшняя «нетакость» находилась на верхней границе нормы или даже превысила её. А кстати, может считаться нормой, если всё идёт не так? У меня, видимо, может.

И дабы занять свой разум на некоторое время, я все же начал думать о том, что же сегодня произойдёт: начальник, этот старый хлам, опять будет грузить работой за двоих и орать, что мы никогда не успеваем сдать отчёты в срок? Может, машина опять решит, что ей не надо заводиться или бензин опять просочится из её бака на улицу? Эта развалюха только и может, что жрать деньги и пылиться без дела на платной парковке.

Я смотрю на часы: опять опаздываю, но, не меняя темпа, продолжаю собираться. Кошелёк… Пустой? Нет, какая-то мелочь завалялась… Зонт… Ключи… Где ключи? Опять, как назло, нет на месте. Засовываю в карман. Цепляю брелоком за ткань…. Дергаю. Нитка прочно обкрутилась вокруг ключа. Так, затяжка. Ладно, мелочи это.

Спускаюсь на лифте с 7 на 2 этаж, спускаюсь по лестнице: на первом лифт всегда застревает.

И наконец выхожу из подъезда. Странно, все кажется не таким, каким было - почти не слышно машин, но почему-то слышны какие-то чириканья, писки, посвисты… Но я решил не обращать внимания на это, и, не поднимая глаз, двинулся к своей машине, но когда я пришёл к месту парковки, её там не оказалось! Там вообще ничего не оказалось: ни асфальта, ни тротуара ничего! Нет, что-то там все-таки было! Не может же посреди улицы внезапно образоваться пустое место. Да и что такое пустое место? Разве может быть на земле пустое место? Что-то же там должно быть? Ну, цветочки какие-нибудь, кусты, земля, в конце концов? А может, я просто заснул на ходу?

Я все-таки решил поднять глаза, и понял, что пришёл явно не туда, куда хотел. Сначала я подумал, что попал в парк, но вскоре вспомнил, что в радиусе почти трёх километров от моего дома не было и намёка на парк...

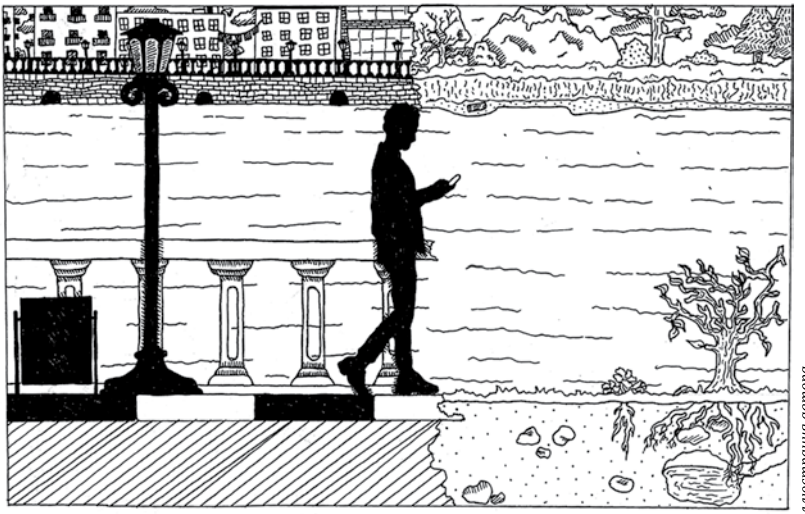

Иллюстрация автора

Я медленно оборачиваюсь, чтобы продолжить свой путь на работу. И вдруг, как призрак, прямо рядом с моим лицом что-то пронеслось. Испугаться я, конечно, не испугался: просто не понял, что произошло. Но от неожиданности, кажется, вздрогнул и отпрянул. Недоумевая, я посмотрел в сторону, куда и пролетело это «НЛО», в надежде понять, что это было, но ничего кроме стрелы в дереве я не увидел. И тут, несколько запоздало, надо сказать, сработал мой инстинкт самосохранения, и я понял, что нужно бежать. «Если инстинкт самосохранения будет и впредь давать подобные сбои в работе, он мне в скором времени не понадобиться: зачем трупу инстинкт?- эти размышление, довольно, впрочем, логичные, посетили меня уже на бегу. - Ведь стрела не ветка, сама из дерева не вырастет. Значит, кто-то стрелял и, видимо, в меня, ведь дерево находилось буквально в тридцати см правее меня».

Ну что скажете? Как вам мои рассуждения? А вы бы сами попробовали бы рассуждать, рискуя в любой момент получить стрелу между лопатками.

Когда я нервничаю, я частенько разговариваю сам с собой. Или с воображаемым собеседником. Заметили? Так вот сейчас я ОЧЕНЬ НЕРВНИЧАЮ!

И я бросился бежать! Куда? Конечно, туда, откуда пришёл! Там дом. Там шанс выбраться из этого проклятого места. Но вот незадача, в меня стреляли именно оттуда! Обидно, правда?

Значит, нужно бежать в другую сторону! Но что там – вообще неизвестно! А вдруг, двигаясь в другую сторону, я буду все дальше забираться непонятно куда? А как я тогда попаду домо...

Но я даже не успел закончить такой правильный, такой своевременный, такой логичный в данной ситуации вопрос! А мимо меня пролетела ещё одна стрела, как бы намекая мне, что пора уже хоть что-то решить, а не метаться из стороны в сторону, как ужаленная осой дворняга.

Тут мой взор устремился на рощу непонятных мне деревьев, которая располагалась неподалёку от меня. Я сразу ринулся туда, в надежде спрятаться за одним из деревьев. Я бежал изо всех сил, но роща, казалось, с каждым шагом отдалялась от меня. Так бывает иногда во сне. Кажется, что спасение рядом, ты бежишь, бежишь, выбиваешься из сил, кажется, что вот-вот – и ты в безопасности. Но твое судорожное движение напоминает бег на месте. Я даже знаю, как такой сон называется! Кошмар – он называется! Надо проснуться! Надо! Просыпайся, соня! Надо сделать рывок! Ррраз!

Я собрал все свои силы, прыгнул вперёд, преодолевая сопротивление воздуха, ставшего клейким и тягучим, как кисель, и... врезался в фонарный столб! Откуда он взялся на моем пути?! Или я изменил траекторию полёта? Стоп! Какой полет? Какая траектория? Постойте, как я вообще оказался на перекрёстке, я же только что... А где деревья? Стрела в дереве? Где все это?!

Нет, я конечно рад, что избавился от своих преследователей, но все это не даёт мне покоя! Это же не могло быть галлюцинацией? Или все-таки могло? Может, я болен, и мне надо обратиться к врачу? Хроническая усталость, повышенная утомляемость, банальный недосып? Все это звучит более чем успокоительно…

Как много вопросов я задал себе за последнюю минуту! И заметьте, ни одного ответа! Ну ничего, сейчас дойду до работы, отпрошусь у начальника и, может быть, при хорошем раскладе все-таки дойду до врача.

Я спокойно продолжаю движение в потоке таких же, как я, людей, и вот, наконец-то вижу своё офисное здание. Признаться честно, я даже был немного рад, что все же добрался до своей работы. Парк, стрела, деревья… Да было ли все это? Может, я просто замечтался, зафантазировался? Со мной такое бывает… Но столб? Зашибленное плечо все ещё болело, но с каждой минутой все меньше и меньше.

Я почти забыл о том, что случилось со мной с утра, но не тут-то было,

- напомнили! Только я вошёл в здание, как сильный удар буквально сбил меня с ног. Кажется, меня ударили чем-то тяжёлым по голове, я обернулся и увидел… дерево! Откуда в нашем офисе дерево... Погодите-ка, неужели это продолжение моих бредней? Я потрогал голову, не обнаружил никакой шишки или ссадины, хорошенько проморгался, и только решил двинуться дальше, как буквально врезался в какое-то живое существо и рухнул на траву, на всякий случай прикрыв голову руками.

Несколько секунд я лежал, уткнувшись носом в весеннюю траву. Если честно, осматриваться совершенно не хотелось. Нет, ну а что, вы думаете, я там увижу? Предположим, все в порядке: я на работе, в своём офисе… Вокруг меня гомерически хохочущие коллеги: ведь во что-то я все-таки врезался и теперь лежу на полу, прикрыв голову руками. Не очень хочется открывать глаза, согласны? Давайте другой вариант рассмотрим: поднимаю глаза – передо мной деревья и в каждом по стреле…. Бррр! Ещё хуже! Но надо, надо решиться и взглянуть. Не лежать же тут целую вечность с закрытыми глазами. Слегка приподнимаю голову, медленно-медленно разлепляю веки и вижу... Думаете, дерево? Если бы! Лошадь!

Откуда тут лошадь? Но постойте, она что, разговаривает со мной? Я же слышу речь! Человеческую речь! Я полностью закинул голову назад, дабы убедиться в том, что со мной говорит не лошадь, и увидел человека! Сначала я подумал, что это всадник. Согласитесь, в моем положении увидеть человека на лошади – не так уж и страшно. Ну, лошадь, с наездником. Только почему мне кажется, что он буквально «прирос» к лошади? А! Ясно! Ведь всякое может почудиться после удара головой.

Я кое-как поднялся, протёр глаза и попытался повнимательнее рассмотреть фигуру, стоящую передо мной. Я увидел довольно приятную на вид девушку, с милой улыбкой, но в довольно странной одежде. Её костюм напоминал скорее куски шкур животных, сшитых между собой. А обувь? Интересно, какую обувь можно подобрать к подобной одежде? Я опустил глаза чуть ниже и все понял... Мне это чудится? Такого просто не может быть! Что это за существо? В природе такого не может быть! Хотя, погодите, я что-то слышал об этих существах, но для начала нужно вспомнить их название... Грифоны? Кентавры? Да, да, точно! Кентавры! Вроде, в фильме про Гарри Поттера они не раз появлялись. К слову сказать, это было все, что я знал о кентаврах...

Взяв себя в руки, я набрался смелости и невнятно промямлил что-то вроде приветствия, но я не был уверен даже в том, что эта девушка заметила меня! А уж каковы шансы, что она поняла моё учтивое бормотанье – лучше не спрашивать. Между прочими, я и так не особо крупного телосложения, а она под два метра ростом!

И тут, внезапно, она меня заметила! Честное слово, заметила! Опусти-

ла глаза, прищурилась и тоже, как я думаю, начала рассматривать меня. После того, как она «налюбовалась» на такое чудовище, как я, она сделала серьёзное лицо и что-то мне сказала. Разумеется, я ничего не понял. Говорила девушка, или лошадка, или кентавр… Нет, она же девушка! Короче, говорила ОНА на непонятном мне языке, который был очень похож на... Я даже не могу сказать, на какой язык он похож, но было ясно одно: на нем точно не говорят в нашей стране, и я на нем точно ничего не понимаю...

Выдавив из себя какую-то кривоватую кисленькую улыбочку, я стоял столбом и смотрел ей в глаза, как вдруг неподалёку что-то зашуршало…Девушка, достав стрелу и взяв лук, двинулась в направлении тех самых звуков, пока я все ещё продолжил стоять на месте в полном недоумении...

Я делаю шаг в сторону кустов и… врезаюсь в нашу офисную пальму! Я опять оказался в своём офисе, и, видимо, никак пока не могу контролировать эти «межпространственные» перемещения. Меня это очень пугает, ведь я даже не знаю: как, когда и почему начались эти телепортации... Поверьте, я нормальный, вменяемый человек! Я никогда в жизни не мечтал оказаться на месте героев – перемещенцев во времени. Меня вполне устраивала моя собственная жизнь! Ну, если честно, не совсем, конечно… Но это была моя жизнь! Моя! А это чья?

Окончательно запутавшись в собственных рассуждениях, я с трудом вернулся к реальности. Интересно только, к какой? Ага, ясно к какой: мобильник требовательно вибрировал, высвечивая на дисплее номер шефа. Я ответил на звонок. Несколько секунд молча слушал бесконечный поток негодующих фраз и резких сентенций. Опять, как всегда не вовремя, меня зовёт разъярённый, как бык, начальник, и, как обычно, он прерывает меня на самом важном моменте: то я думаю, то договор подписываю, то я, в конце концов, пасьянс на компьютере раскладываю. Но, поскольку он начальник, я не могу ему возражать, хотя, в принципе-то, могу, просто последствия будут «не комильфо».

И вот, я уже поднимаюсь по лестнице в кабинет, где скоро начнётся «коррида» и в ней я буду хиленьким тореадором, в то время как начальник, как я уже сказал, - разъярённым быком.

Но вдруг прямо посреди лестницы мне в плечо как будто что-то вонзилось. Боль была такая, такая… Словом, страшная была боль!

Я резко обернулся, но сзади никого не было. Никогошеньки! Забыв обо всем на свете, даже о разъярённом быке и предстоящей корриде, я бросился в ближайшую кладовку. Здесь, быстро скинув с себя пиджак и рубашку,

я начал осматривать «повреждённое»»плечо. К моему удивлению, на нем было ни царапины, но когда я до него дотронулся, чтобы проверить, что цел и невредим, мне как будто бы вонзили туда обоюдоострый кинжал. Когда же я посмотрел на руку, она была вся в крови. Чьей?! Если на мне ни царапины. И почему в темной кладовой стало так светло?

Нет, ну уж нет, только не говорите мне, что я опять «провалился» в потусторонний мир... но, почему я не могу пошевелиться? Эй, что эти верёвки на мне забыли? Куда вообще меня тащат? Господи, опять так много вопросов и так мало ответов! Точнее, вообще нет ни одного! Одни вопросы! Господа, я постоянно задаю вопросы! Порой я ненавижу себя за такого рода «любознательность».

Но поскольку я связан и ничего делать не могу, просто закрою глаза и буду «плыть по течению. И вот, я закрываю глаза и... оказываюсь в той самой кладовке. Ничего не изменилось, правда, у меня на руках остались синяки от верёвок, но это не самое страшное, что происходило со мной за весь этот день. Надо было брать больничный и сидеть дома. Или перемещения совершались бы и там?

Я стою и смотрю на тусклую лампочку и вдруг вспоминаю, что меня ждёт бык, что коррида закончилась, даже не успев начаться! Я стремительно одеваюсь, пытаясь скрыть свои синяки, дабы не вызывать лишних вопросов, и пулей вылетаю из кладовой в сторону кабинета моего начальника. Но, как только я туда зашёл, он посмотрел на меня просто диким взглядом, по которому явно читалось: я накосячил больше, чем обычно.

В ответ на мой вопросительный взгляд он посмотрел на часы и заявил, что ждал меня около двух часов! Как так!? Меня не было от силы 10 минут, ну нет, шеф, ты, поди, перегибаешь палку. Но как только я решил в этом удостовериться, я просто опешил: на часах было половина первого, хотя я отчётливо помню, что когда я шёл по лестнице и мельком взглянул на часы, было только 11:15 утра... вот это чертовщина!

Вдруг я начинаю задыхаться, появляется такое ощущение, что кто-то душит меня. Я кое-как выхожу из кабинета и направляюсь к моей «телепортационной» кладовке. Еле-еле я дошёл до неё и заперся. Хватит со мной играть! Я не хочу быть пешкой в чьей-то игре! И конём тоже не хочу! (Откуда вообще выскочил этот конь?) Я сам… Сам… Своей волей…

Не знаю, как у меня хватило сил, потому что я уже чувствовал, как синею, но я закрыл глаза и попытался представить, как перемещаюсь в другой мир… Но ничего не вышло, и... теряю сознание… Да, опять меня что-то прерывает на самом интересном месте…

Но нет! Кажется, все получилось! да, все получилось! Я наконец-то попал в... хм... может, пора уже дать название этому миру? Посмотрим, я встретил тут кентавра, много непонятных растений... что бы могло подой-

ти? Ну, допустим, Нетландия. А что, мне кажется, этот мир очень похож на мир, в котором обитал Питер Пэн, ну да ладно, не очень это и важно.

Кстати, очень странно: верёвки пропали, и меня никто больше не душит. Интересно, что произошло со мной за все это время?

Вдруг неожиданно я вижу, как знакомая фигура стоит неподалёку. Меня осенило: может это, тот самый кентавр? Или та самая кентавр? (Ну, не могу я назвать даму лошадью! Воспитание не позволяет!) Ну что ж, пора это узнать! Эх, была - не была! Я собрался с мыслями, поднялся и заковылял в сторону мирно стоящего силуэта, но как только я подошёл ближе и силуэт меня заметил, я понял, во-первых, что это совсем другой кентавр и, во-вторых, настроен он явно враждебно...

Стоп! Как я мог так ошибиться! Теперь я вижу, что это вовсе не кентавр! Ничего общего с этим благородным величавым животным! (Или все-таки кентавра нельзя назвать животным: вдруг обидится?)

Но ещё раз повторю: это был совсем не кентавр! Как ни странно, это оказался большой бурый медведь. И как только эта зверюга меня заметила, сразу же бросилась в атаку. А я, как ни в чем не бывало, стоял и глазел на то, как разъярённый зверь несётся прямо на меня. Но спустя пару мгновений я все-таки понял, что происходит, но было уже поздно. Вариантов у меня было два: меня либо сожрут, либо растопчут. В принципе, выбор небогат. Я приготовился к любому исходу, но что-то (может быть, инстинкт) кричало внутри меня, что несогласно ни на один!

Вдруг прямо передо мной выскочил тот самый кентавр. Я не сразу понял, что благородное животное, видимо, пыталось защитить меня от медведя. Натянутый лук, дрожащая тетива, мучительно долгий прицел…

Не успел! Все же зверь смог достать меня, и я получил смачную пощёчину когтистой лапой...

И снова кладовка… Признаюсь честно, я даже немного расстроился: очень хотелось узнать, что же произошло дальше... Это становилось довольно забавным, как просмотр фильма. Да и кентавра, наверное, стоило бы поблагодарить…

Я снова закрыл глаза и... Ничего, все та же кладовка, ничего не изменилось. Ну ладно, попробуем позже?

Я вышел из кладовки и направился к своему столу. Машинально фиксирую время на электронном табло: 12:47. Господи, а что если начальник уже видел моё пустующее кресло! Должно быть, я уже уволен. Но что бы ещё больше не злить его, я, пожалуй, надену свой «камуфляж» офисного планктона, немного пропечатаю, а потом, может, и пасьянс пораскладываю, почему бы и нет, спрашивается? Ну не могу же я, в самом деле, рассказать ему о мире, населённом кентаврами?!

19:00. Наконец-то мой рабочий день закончился, можно пойти домой

и попробовать опять открыть этот «портал», ведь я же не просто так могу проходить сквозь него. Я поймал себя на том, что мне мучительно не хватает таинственных пейзажей и грациозных кентавров моего удивительного мира! Да я, в конце концов, уже соскучился по ним!

Как только я спустился в метро, меня догнал мой офисный приятель. Насколько я понял из его сбивчивого объяснения, он увидел меня, и решил догнать, что бы развлечь меня беседой и составить мне «прекрасную» компанию. Если честно, я невнимательно слушал его: все мои мысли занимали отважные прекрасные кентавры… Но пришлось отвлечься и начать нудный обыденный разговор.

Спустя пятнадцать минут «высокоинтеллектуального» разговора я наконец-то избавился от собеседника. Ну что ж, пришло время погрузиться в себя?

Итак, я захожу в свою квартиру, не снимая ни обуви, ни верхней одежды, сажусь в большое кресло в гостиной, закрываю глаза, делаю глубокий вздох и...

Опять ничего! Нужно попытаться ещё раз! И… снова ничего...

...

Уже около двух месяцев я не оставляю попыток восстановить связь, но у меня ничего не выходит, сколько ни пытаюсь...

На работе я взял отпуск. Ненавижу, когда меня что-нибудь отвлекает! Я занят! Мне надо пробраться к кентаврам! Меня ждут в том прекрасном и таинственном мире! Ведь я все ещё так и не поблагодарил моего спасителя… Или спасительницу…

Иногда мне кажется, что я просто схожу с ума, и от этого становится ещё страшнее.

Каждый день в моей голове мелькают видения, но от этого не становится легче. В один определённый момент я точно сойду с ума или прорвусь в мой волшебный мир! Но когда это произойдёт – неясно: может, завтра, может, через год, а может, и сейчас...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Герои из нашего времени (М.Жарахович)	5 - 48
Тайна трех амулетов (М.Алешин)	49 - 70
Попьюл, не убегай! (Д.Качур)	71 - 80
Прекрасный алый цветок (В.Железняк)	81 - 134
Мой ужас – мой двойник (Г.Хандруев)	135 - 152
По следам старика Данте (А.Карманов)	153 - 174
Путешествие в страну кентавров (В.Соловьева)	175 - 182

И я там был...

Сборник фантастических повестей и рассказов

Авторы: М. Жарахович, М. Алешин, Д. Качур, В. Железняк,
Г. Хандруев, А. Карманов, В. Соловьева
Художники-иллюстраторы: Н. А. Шатова, М. Жарахович,
М. Алешин, В. Железняк, В. Соловьева
Редактор Н. О. Савина
Корректор А. В. Чернова
Дизайн И. Н. Шегай

*Авторы выражают благодарность за сотрудничество
Е. Я. Гвирцман, Д. Г. Шехтман, И. Б. Нефедовой,
О. Б. Волович, Е. А. Терещенковой, М. И. Раден,
А. А. Ткаченко, Ю. В. Меркуловой, О. И. Неробцевой*